

**Логический алгоритм доказательства (ЛАД) существования
в русском языке 48 (сорока восьми)
членораздельных звуков.
По «мнению Стрельцова».**

Вступительная часть.

«Мы сообщаем о новых открытиях не для того,
чтобы посеять смуту в умах, а чтобы просветить их,
не для того, чтобы разрушить науку,
а чтобы поистине обосновать её».

Галилео Галилей.

"Задача науки не только в том, чтобы констатировать
известные факты, но еще и в том, чтобы путем анализа
и синтеза устанавливать факты неизвестные и в
источниках не упомянутые"

Л. Гумилев.

Научная мысль не стоит на месте. Она постоянно стремится найти уязвимые места текущих человеческих представлений. Например, практически с начала новой эры в европейском представлении существовало выдвинутое Клавдием Птолемеом утверждение о том, что Солнце вращается вокруг Земли. В средние века, когда к этому времени в результате кругосветных плаваний был доказан факт того, что Земля имеет форму шара, Галилео Галилей усомнился, а Николай Коперник теоретически доказал неверность и уязвимость Птолемеевского представления. Решающим результатом в пользу правильности утверждений Н.Коперника стал запуск в середине двадцатого столетия в космос искусственных спутников Земли.

Смена геоцентрических представлений на гелиоцентрические самым непосредственным образом послужила одним из важнейших оснований для выделения науки из религии, поскольку благодаря Копернику человечество уяснило, в частности, независимость смены времён года от вмешательства «божьего промысла». В действительности, как это и подтверждено космическими полётами, времена года на Земле происходят не под влиянием «божьей силы», а в результате того, что неподвижная ось вращения Земли находится под наклоном к орбитальной её траектории. Время года на Земле, таким образом, есть ничто иное, как циклическая череда степени получения тем или иным участком земной поверхности того или иного количества энергии Солнца.

Выделившись из религии и став самостоятельной государственной институцией, наука призвана приводить человеческие представления в соответствие с действительностью. Но к непознанным научным истинам нет широкой столбовой дороги. Поэтому у истоков научных прорывов и научных отраслей всегда находятся конкретные люди, которые столкнувшись с ошибочным текущим представлением, вместо того, чтобы следовать тупой, но общепризнанной научной парадигме, пытаются найти более вразумительное,

более адекватное объяснение. Очень часто такие люди своей мыслью опережают своё время. И очень часто таких людей подвергают публичному остракизму и гонениям. Но проходит некоторое время и новое поколение в новых реалиях вдруг начинает осознавать величие и значение ранее высказанных, но доселе непонятых мыслей. Потом этим людям начинают ставить памятники, превращая бывших отщепенцев и «диссидентов» в своих кумиров. Например, в своё время в Америке подвергся серьёзным притеснениям и публичному осмеянию Чарльз Пирс, автор нового, логически обусловленного «экспансионистским» характером американского образа жизни под названием «прагматизм», а сейчас этот образ жизни стал неотъемлемым атрибутом человечества двадцать первого века.

Все науки, исходя из истинности или ошибочности своих представлений подразделяются на логически обусловленные и логически безосновательные. В основе логически обусловленных наук лежит так называемый «психозойский вектор». Синонимом ему в науке очень часто служит термин «натуральная логика». Большинство современных наук, в основном это так называемые «естественные» науки, в качестве своей основы подразумевают «натуральную логику». Однако в обществе кроме естественных имеются так называемые гуманитарные науки. Очень часто в основе этих наук лежит не натуральная логика, а то или иное субъективное видение и умозрительная конструкция, основанные на авторитете личности, впервые публично её высказавшей. Это так называемые «школы мысли».

Русский язык, точнее, современная теория русского языка (СТРЯ) по всем своим параметрам вроде бы даже является наукой. В русском языке, как и в большинстве гуманитарных наук существует сразу несколько так называемых «школ русского языка», в основе которых лежит какая – либо конкретно взятая концепция того или иного авторитетного деятеля.

Но вот что говорят вполне обычные люди: «У нас была Российская Академия, есть теперь Второе Отделение Академии Наук, у нас во всех университетах и равных им заведениях существуют кафедры русского языка и словесности, во всех училищах, начиная с гимназий и кончая сельскими школами, учат русскому языку. А есть ли у нас русская грамматика? И можно ли в самом деле назвать русскою грамматикой втиснутую как в тюремные колодки, по выражению Даля, в латинские рамки, склеенные немецким клеем, нашу своеобразную, своеобразную, развившуюся по собственным, неведомым чужеземцу законам, крепкую, сильную, могучую русскую речь?»

А вот что пишут в современной прессе: «Современную филологию характеризуют необыкновенная косность мышления и узость базы научного материала. Её представители хотят создать представление, что всё уже известно и изучено, а на самом деле это далеко не так. Если с таким положением ещё можно было мириться в прошлом, то в наши времена сказочной техники нельзя допускать, чтобы гуманитарные науки все еще толклись вокруг вопроса о том, сколько тысяч чертей может поместиться на кончике иглы». (С. Лесной)

Как наука основанная на умозрительных конструкциях авторитетных деятелей, СТЯ также не застрахована от смены собственных представлений. Скажу даже больше – ни одна из теорий языка мира не подвергалась такому количеству реформ, такой смены своих собственных представлений, как русская.

Первая крупнейшая реформа русского языка, а с ней и смена текущих представлений, связана с 863 г. н.э. До этого, судя по многочисленным источникам, в ходу была первая русская азбука, так называемая «глаголица». Имеется огромное количество мнений об авторстве этой системы письма, однако ясно одно. Эта система письма принадлежала «тавроскифам» (они же «еврорусы», «русины», «малые готы», «мирмидоны», «русские

самаритяне», «северозападные хазары»). Самые первые письменные памятники отдельных знаков глаголицы датируются IV веком н.э. Их, в частности, повсеместно находят в результате археологических исследований Северного Причерноморья. Некоторые символы глаголицы совпадают со знаками памятников так называемого критского слогового письма, датируемых I тысячелетием до н.э. Русины, как некая отдельная народность, к 863 году были повсеместно расселены в местах обитания славянского населения, однако считаясь славянами, в действительности таковыми не являлись. Прямым подтверждением этого являются исследования Института генетики СССР, проведённые в частности, в начале 80-х годов прошлого столетия старшим научным сотрудником института Татьяной Алексеевой в местах захоронения VIII - IX века полян - коренного населения Киева и прилегающей к нему территории. Исходя из бесспорного мнения Алексеевой, так называемые «поляне» по своим генетическим характеристикам никоим образом не совпадают с проживавшим рядом славянским населением других племён – северян, тиверцев, кривичей и т.д.

По сообщению черноризца Храбра «русские письмена» значительно отличаются от кириллицы, поскольку называются «чертами и резами». Существование глаголицы у «русин» также подтверждается многочисленными арабскими источниками. Её не могло не быть, потому что русины повсеместно занимались торговлей (имеются сообщения о прятанье ими сокровищ в лесных ямах), следовательно умели считать и гадать, жили в «местечках», т.е. соседской общиной, а не «вервьью» - родовой общиной, принятой у славян. С III по IX век население территорий, считаемые «Киевской Русью» находилось в подчинении периодически сменявших друг друга полчищ гуннов, аваров и хазар. Н.М. Карамзин в своей «Истории...» пишет о том, что поляне платили, по крайней мере, последним своим государям – хазарам (козарам) очень незначительную по тому времени дань – с одного подворья по одной шкурке пушного зверя. Спрашивается – почему? Русинское умение высоко и всегда ценилось во времена образования дружин, в том числе, разумеется, у болгарских, аварских и хазарских каганов, моравских и валашских князей. Именно русинам в дружинах предоставлялись должности писарей (ведь дружина без учёта просто банда), составителей договоров (существование не дошедших до нас первых болгарских договоров датируется VIII веком, а киевских – началом X века, т.е. до кириллицы), жрецов (гадание удачи (жребия) по жеребкам – колодкам с нанесёнными на них лингвистическими символами (рунами) глаголицы), казначеев (возивших и хранивших во время похода дружины её «общую» казну (горохши – гроши в горшках-казанах) в виде горошин из золота, на которых во время делёжки добычи «пробивалось» тавро (печать) князя), волхвов (влашевание тесным образом связано со славянским «золотым тельцом» - Велесом (Волосом), и даже палачей (в мирной жизни русини роль палача выполняли старухи - жрицы, убивавшие любимую жену русина в случае его смерти). Поэтому предоставление славянам в 863 году кириллицы было самой первой реформой русской азбуки. Благодаря этой азбуке русины, фактически постепенно к началу XI века отказавшись от глаголицы, реально стали неотъемлемой частью славянства, в том числе, болгар – прототурков, кабардино – хазарских племён нижнего течения Днепра, веси, мери и мурома, а также всех иных племён, обитавших на территории Киевской Руси, поскольку с принятием христианства умением писать овладевали не только русины, но и «простые крещёные» славяне (в том числе – новгородские «северо»). Кирилл реально поспособствовал развитию письменности среди славян, поскольку русины, дабы не плодить конкурентов, создавали из письменного ремесла «таинство», что в действительности означало кормушку, синекуру.

Вторая реформа русского языка совпала с никоновской реформой христианского богослужения и перепечатки книг, произошедшей во времена правления русского царя Алексея Михайловича. В связи с нечёткими представлениями фонетического значения, в частности, кириллических символов «Иже» и «Ижеи», в России разразился «Великий раскол».

Третья крупная реформа русской азбуки связана с введением так называемого «гражданского шрифта», в результате чего из азбуки исчезло несколько символов, но появился символ «И краткое, т.е. Й». После вмешательства Петра Первого в течение почти 40 лет ряд изменений в русскую азбуку вносился Императорской Академией наук.

Последняя по счёту реформа русского языка произошла в 1917 году, когда из неё было удалено несколько символов, а также внесены некоторые новые правила правописания.

Окончательный вид современная русская азбука, которой мы пользуемся до сих пор, обрела в результате опубликования в 1956 году «Правил орфографии...», в предварительном составлении и формировании которых приняли деятельное участие выдающиеся русские лингвисты и языковеды Л.В. Щерба и В.В. Виноградов.

Самым уязвимым до сих пор местом русской азбуки, а стало быть, и всей СТРА, является отсутствие в теории русского языка критериев, т.е. дифференциальных признаков, исходя из которых определяется количественный состав членораздельных звуков. Если посмотреть в Большую Советскую энциклопедию, то в разделе, посвященном кириллице имеется прямое указание о том, что общий состав «славянских», т.е. русских звуков не выяснен.

Из – за этого в современной теории русского языка сложилось огромное количество кривотолков. Чтобы эти кривотолки рассеялись окончательно, вашему вниманию предлагается в качестве доказательного материала данное Приложение №1.

Задача приложения №1 состоит в доведении до общественности ряда мыслей, опирающихся на «натуральную логику», а именно:

1. Обнаружение в русском языке точного количества членораздельных звуков позволяет не на словах, на практике осуществить давнишнее чаяние всей русской интеллигенции :

а) - «необходимо – максимально обобщить и упростить существующие орфографические правила русского языка»;

б) - «ликвидировать все многочисленные исключения из правил, усложняющие обучение грамоте русского языка»;

в) - классифицировать все членораздельные звуки русского языка в частности и остального человечества в целом.

2. В условиях реально происходящей глобализации научно обоснованная классификация членораздельных звуков позволяет мировому сообществу создать «Единый графический код общечеловеческого письма», в основу которого успешно может быть положена «скомпилированная», «обобщенная» кириллическая графика с внесёнными в неё дополнительными лингвистическими символами, характерными для других «буквенно-фонетических» графических систем. Как известно, в 30 – годах прошлого века Советское правительство предпринимало меры для создания такого кода и в ходе обсуждения высказывались мысли о переходе на латинскую систему письма.

3. Изымать из научного оборота разного рода фальшивки и подтасовки. Например, так называемая Велесова книга после сравнительного графического её анализа с лингвистическими символами глаголицы и кириллицы позволяет со стопроцентной основательностью утверждать о всецело искусственном характере её изготовления.

4. Как бы этого многие и не хотели слышать, но все 48 членораздельных звуков русского языка, являются «действительно чистыми», ибо из этого языка, в результате «историко - эволюционного «отторжения», исчезли все звуки, в которых используются, по словам В. фон Гумбольдта, разного рода «призвуки» и «придыхания». Вот и получается - вроде раса, судя по многим западным социологическим исследованиям и является «как бы даже нечистой», зато её речь избавлена от «нечистых звуков», что научно подтверждаемо. Следовательно, термин «папуасизм языка» к русскому языку не имеет никакого отношения. Если в русском языке присутствует только пять логически обусловленных мягких гласных звуков и столько же твёрдых гласных звуков, то у папуасов, к примеру,

Нового Света с острова Тасмания таких звуков около 40, а у некоторых папуасов Старого Света с «острова Европа» - то 15, то 13, то 18 звуков.

Хочу быть правильно понятым. Автор приложения не стремится считать себя «святое папы Римского». Но в то же время ему крайне неприятно, когда в публикациях дело доходит до того, что под учителями русского языка понимают некую «языческую секту кудесников», нашедших способ удерживать на кончике пера сразу и одновременно «тысячи чертей». С «тысячами чертей» явно загнули, но вот 15 (пятнадцать) утверждений современной теории русского языка, тщательный научный анализ которых представлен в данном приложении, расходятся с действительностью «натуральной логики». Поэтому автор призывает к дискуссии всех любителей и защитников русского языка. Не надо «разрушать до основания», а затем. Надо всё взвесить и придти к общеустанавливающей точке зрения на сей счёт. И пусть для целостного осознания понадобятся годы или даже десятки лет. Рано или поздно мы придём к полной адекватации членораздельных звуков и их лингвистических символов.

Трудно сейчас сказать, какие выгоды будет нам сулить такая полная адекватация. Но. В 1869 году, т.е. менее чем полтора столетия назад великий русский химик Д. И. Менделеев смог «адекватировать» химические элементы, обнаружить на базе адекватации доселе не известные и создал тем самым «точную естественную науку химию». А сейчас даже трудно представить, какой бы была наша жизнь без тех научных работ, которые произошли в химии, как точной науке, за это короткое историческое время.

Так что время всё расставит по своим местам и каждый получит свою долю.

Вводная часть.

"Трудных предметов нет, но есть бездна вещей, которые мы просто не знаем, и еще больше таких, которые знаем дурно, бессвязно, отрывочно, даже ложно. И эти - то ложные сведения еще больше нас останавливают, чем те, которые мы совсем не знаем".

А.И. Герцен.

Для безусловного удостоверения наличия в русском языке 48 членораздельных звуков необходимо определиться всего - навсего в двух самых элементарных вещах:

1. Почему звуки зовутся «твёрдыми» и «мягкими» звуками?
2. Почему звуки зовутся «гласными» и «согласными» звуками?

Однако, чтобы определиться в таких элементарных вещах предварительно следует выяснить какой характер носят русские понятия - чувственный, не поддающийся рациональному объяснению, а поэтому и не передаваемые в рамках вербальной системы, либо русские понятия всё – таки рациональны, поскольку в качестве своей основы предполагают существование неких материальных объектов.

Поэтому для начала обсудим немаловажный вопрос:

Гносеологический характер «русских понятий».

"Есть писатели, у которых слог темен, у иных – мутен: мутен, когда слова не на месте; темен, когда слова не выражают мысли, эти мысли неясны

от недостатка точности и натуральной логики".

К.Н. Батюшков.

Чем человек думает? Вопрос не из лёгких. Всё человечество, в том числе и русские довольно долгое время задаются этим вопросом. Судя по опыту данный вопрос страдает внутренней неоднозначностью. Исходя из последующих принятых решений, в русской среде сложилось мультиплексное представление об этом. Можно думать разными органами – задницей, головой, сердцем. Можно думать разными умозрительными формами – мыслями, думами, предметно - условными кодами и даже символами.

Но вот как понимает человек то, о чём он думает.

По этому поводу существует два взаимоисключающих утверждения . Первое принадлежит перу великого поэта России Тютчева:

Умом Россию не понять.
Её аршином не измерить .
У ней особенная стать.
В Россию можно только верить.

Второе только – только начинает усваиваться общественным сознанием. Его авторство принадлежит также известному русскому поэту - И. Губерману:

Давно пора е... м...!
Умом Россию понимать.

Если следовать мысли Тютчева, то никакого рационального объяснения «русским вещам» не существует, поскольку невозможно на них подобрать никаких словесных мерок, настолько эти вещи одиозны и бесподобны. В то же время, выдающийся русский исследователь И.П. Павлов на опытах с помощью собак установил, что, а) - человек – это не примитивное биологическое создание, подобное амёбе; б) - человек не собака, хотя ему как и собаке свойственна чувственная деятельность; в) – человек не бог, но он обладает второй сигнальной системой, выходящей за пределы инстинктивных желаний остальных живых существ; г) – благодаря наличию второй сигнальной системы человеческий мозг обладает психической деятельностью, т.е. способностью к мышлению; а главное , д) – русский человек по своим физиологическим параметрам соответствует физиологическим параметрам «хомо сапиенса», т.е. «человека вообще».

А это значит, что русский человек, как вполне обычный человек, способен любые вещи воспринимать не только их чувственно созерцая и когнитивно постигая в рамках той или иной «духовной практики, нирваны», но и рационально, т.е. благодаря способности мыслить и говорить с помощью вербальных средств, критически переосмысливать значение вещей, подходя к своему окончательному решению на основании их всестороннего рассмотрения .

Перед нами как раз и стоит проблема всесторонне рассмотреть и установить, т.е. понять суть твёрдых и мягких, гласных и согласных звуков таковыми какими они есть, и больше не каковыми. Поэтому изначальной точкой в наших рассуждениях всё – таки следует считать:

А) - факт рациональной требовательности означать те или иные явления с помощью понятий, имеющих некий материальный прообраз, т.е. предварительное материальное основание.

Б) - факт наличия в рассуждениях натуральной логики, т.е. последовательностей, совокупностей и взаимодействий вещей, проистекающих не по внутреннему авторскому произволу, т.е. в соответствии с каким – либо произвольно толкуемой сюжетной линией , а исходя из естественного хода и взаимодействия вещей в природе.

В) – факт ясного, внутренне – непротиворечивого, концептуально – многостороннего, целостного рассмотрения явления в его исторической и логической последовательности.

Внутренний смысл русских понятий «твёрдый и мягкий звук».

"Язык является костью, **мускулом**, нервом, кожей фактов и поэтому точность, ясность, простота языка совершенно необходимы для того, чтобы правильно и ярко изображать процессы создания фактов человеком и процессы влияния фактов на человека".

М.Горький.

Существует мнение - русский язык на письме содержит твердые и мягкие знаки, а в речи твёрдые и мягкие звуки. Знаки и звуки не одно и то же. Что может быть применимо человеческим мозгом к одним, невозможно применить к другим, и наоборот. Твёрдых и мягких знаков в русском языке по одной штуке, а звуков гораздо больше. Однако нет ни одного мнения почему именно таким образом обозначаются звуки и знаки. Существует некое невидимое табу: знаки и звуки обозначать этими терминами, но какого – то внутреннего значения им не придавать. Что кроется за этими терминами по сути до сих пор остаётся для современной теории русского языка «загадкой за семью замками». Если следовать натуральной логике, понятие «твёрдые и мягкие» вначале в «языковом сознании» были «прилеплены» к звукам. А когда появилась русская азбука, эти термины были «прилеплены» к соответствующим знакам. Иначе быть не может, ибо любой знак есть продукт умозрительной конструкции, продукт человеческой кажимости. А в основе человеческой кажимости первичными формами, «прообразами» представлений являются материальные объекты, точнее – электромагнитные волны, отражающиеся от объектов и попадающие на органы чувств человека, а через них – в кору головного мозга в виде «ассоциативно – электромагнитных совокупностей электронов».

Поэтому разгадку терминам следует искать исходя уже не из существования членораздельных звуков, а из реального существования речевого аппарата человека., в котором генерируются «твёрдые и мягкие» звуки .

Дополнительная трудность решения проблемы состоит во множественности контекстуальных применений этих понятий в русской речи и на письме, поскольку термины «мягкий» и «твёрдый» используются в самых разнообразных смыслах. Кроме этого для общего понимания проблемы использования терминов «твёрдый» и «мягкий» требуется знать некоторые весьма значимые вещи самого русского языка, с которыми данные термины взаимодействуют, а именно лингвистический понятийный инвентарь СТЯ на уровне частей речи.

Подавляющее количество русских слов – понятий (по некоторым оценкам – более 60%) обладают кроме одного конкретного еще целым рядом общих смыслов . Это явление в русском языке называется полисемией. Полисемия . таким образом, представляет обширную область русских понятий , сформированных в некое « понятийное качественно - существенное образование».

В русской филологии все «качественно – существенные» слова русского языка разделяются на три основных взаимосвязанных группы синонимы, антонимы и омонимы. Понятия «твёрдые и мягкие» по своей сути являются антонимами друг другу. Поэтому антонимы нами рассматриваться не будут, а нам следует определиться в понятиях русского языка относительно синонимов и омонимов. Давайте вкратце рассмотрим их отличительные особенности.

А. По своей внутренней сущности синоним – это обозначение одного и того же предмета с помощью другой последовательности членораздельных звуков, т.е. другого слова.

Весьма близки к синонимам эпитеты – это своеобразный тип синонимов, имеющий окончание типа «ий, ая, ое, ый» и др.. Но если синоним обозначает один и тот же предмет другим словом, то под эпитетом понимается слово, которые обозначает не весь предмет в целом, а наиболее характерную, актуальную деталь этого предмета. К эпитетам обычно относятся так называемые прилагательные. Однако в некоторых случаях русский язык допускает форму прилагательного для обозначения «целого предмета»: Константин Багрянородный, русский и т.д. Понятие «эпитет» греческого происхождения и восходит к понятию «эпителий», т.е. чешуйка, частичка поверхности, её кожура, кожица, корочка и т.д.

Б. Омоним - минимальная фонетическая оболочка слова , т.е его «графико – семантическая» оболочка понятия , представляющая собой совершенно аналогичную последовательность членораздельных звуков в виде написанного либо произносимого слова, но применяемую для обозначения другого, т.е. совершенно постороннего предмета, к рассматриваемому не имеющему никакого отношения .

В группу «омонимовизмов» к настоящему времени входят три разных по лексическому значению группы :

1. - омонофоны, т.е. « одинаковые по звучанию, но разные по написанию слова».
2. – омоформы , т.е. совпадающие по написанию и / или значению в разных грамматических формах.
3. – омографы, т.е. одинаковые по написанию, но разные по звучанию.

Если прилагательное - эпитет служит в некоторых случаях синонимом слова, иными словами говоря, заменителем , «представителем» предмета, то взаимоотношения между прилагательным и омонимом носят несколько отличный , специфический характер, поскольку омоним – прилагательное служит представителем не самого предмета, а его смысла , представителем одного из значений более общего смысла.

Поэтому, если омонимы рассматривать в контексте эпитетов как синонимов, то получается так, что в русском языке существуют еще один тип слов - омонимов, которые автор Приложения №1 предлагает называть «полисеместами».

Прошу «полисемест» не путать с термином «палимпсест», означающим в лингвистике листы рукописи, на которых стёрт предыдущий текст и вместо старого, поверх него записан новый текст .

Полисемест – это промежуточное семантическое звено второй сигнальной системы человека, представляющее собой одновременно и слово и понятие русского языка, которое имея одну и ту же фонетическую оболочку (как омоним), т.е. совокупную последовательность одних и тех же членораздельных звуков , но содержит в себе сразу и одновременно огромное количество конкретизированных смыслов, значений. Если омоним применяется только в одном контексте, противоположном высказываемому значению, то полисемест рассматривается как эпитет к различным контекстам, т.е. в предикатах, рамках представлений одного и того же явления, но при этом контекстные значения выступают друг относительно друга также как «эпителиальные заполнители», т.е. смысловые «чешуйки, частички, корочки» более общего, «генерального» смысла вещи. С полисеместами в русском языке как раз самым тесным образом связано явление «полисемия», согласно которому человеческие понятия способны благодаря «умозрительному обыгрыванию» этим полисеместам иметь сразу и одновременно несколько различных значений, т.е. смыслов (от греческих «полис» – много м «семис» – смысл, значение).

Если в материальном плане у любого материального тела его принадлежностью является эта материя, то само качество не является принадлежностью материи – это место стыковки материи конкретного объекта с остальными объектами объективного мира. Качество – это продукт отношения (сношения, связи) к самой материи. Поэтому, если под омонимом обычно понимается реальный объект, то полисемест обычно обозначает не сам объект, а смысл качества объекта. В свою очередь, эпитет - синоним применяется для

обозначения разных предметов, а эпитет – полисемест обыгрывает проявление степеней одного и того же качества у совершенно разных предметов.

А теперь поближе к теме. Действительно, как это было подчёркнуто выше, слова «твёрдый – мягкий» применяется к совершенно разным предметам в совершенно разных контекстах, т.е. эти понятия являются «полисемическими». Чтобы и вы в этом убедились на практике, приведу лишь только часть этих значений, ибо на это у меня действительно не нашлось слов: одни эпитеты - полисеместы:

плотная (в контексте - твёрдая) или рыхлая (в контексте - мягкая) земля, длительнозреющие или плавленные сорта сыра, зелёный или спелый (также в контексте спелый или перезревший) плод,, сбившаяся или взбитая подушка, заскорузлый или распаренный кусок шкуры, шиферная или рубероидная кровля, постоянный или плавающий курс валюты, схватившийся или только выложенный цементный раствор, уступчивая или категорическая позиция, основательная или зыбкая почва, перина или мат, скатанный или взлохмаченный клубок шерсти, жаростойкий или легкоплавкий металл, жесткий или гибкий пруток хворостины, решительный или обольстительный аргумент, хрупкий или податливый материал, мужицкая заскорузло – узловатая лапа или женственная ручка, застывшая или размякшая грязь, черствый или свежий хлеб, породы дерева с разными степенями плотности древесины, плавный блюз и металл - рок, резкий или плавный профиль лица, та или иная степень разжиженности каши, величественная поступь льва или осторожная поступь львицы, смерзшийся или липкий комок глины, степени обходительности (отношения) к человеку, эластичная или неподвижная подошва обуви, грозный или ласковый взгляд, ресольведный или подтаявший воск, недеформируемая или трансформируемая оболочка, студень с большим или маленьким содержанием в нём желатина, цельная или ячеистая структура, поддающийся либо неподвластный обработке камень, озимый или яровой сорта пшеницы, два слегка отличающихся по написанию лингвистических символа в русском языке (называемые мягким и твёрдым знаками), беспощадная или слащавая формулировка, степень жёсткости графитного стержня карандаша, металлические или резиновые шипы на колесе мотоцикла, деревянный или обрешиненный поручень, цельный или полый каркас демпфера, ксенофобное или толерантное отношение к лицам нерусской внешности, два отличающихся по написанию рунических символа глаголицы – «гервь» и «твёрдо». Скажу даже больше, (хотя мне об этом как – то даже неудобно говорить перед уважаемой читательской публикой) – для характеристики одного уважаемого как мужчинами так и женщинами предмета в рамках его рассмотрения как твердого или мягкого, настоящее название коего не принято говорить вслух, в русском языке применяют полисеместы «вздыбленный или скукоженный», «добрый или плохой», «гарный или не очень», «могучий или немощный», «работоспособный или нефункциональный», а также «стоячий или опавший».

Еще одним предметом, к которому часто применяются слова «твердый и мягкий» относится характер человека: бескомпромиссный или компрадорский, радикальный и лояльный, ответственный или «не совсем чтобы», мужественный или слезливый, непреклонный или покладистый, негибачаемый или падкий, пролетарский или интеллигентский, мужицкий или бабский, жестокий или деликатный, серьезный или легкомысленный, твердолобый или пронирыливый, а также др.

Случается в русском языке и такое, что оппозиционные друг другу понятия «твёрдый – мягкий» иногда обходятся без, казалось бы, семантически обусловленной пары: «мягкий» вариант типа «бархатной революции», «твердая» трезвая походка, «мягкое» подтрунивание над собеседником, «мягкие, смазанные, пастельные, акварельные» тона картины, «мягкое место», «мягкая посадка», «мягкие, обтекаемые формы мебели, автомобиля», «мягкая игрушка», «мягкое прикосновение», «твёрдое» топливо, «твёрдое» слово или обещание, «твёрдое» направление и др.

Как вы сами видите, твёрдая и мягкая почва, твёрдая и мягкая кровля, твёрдый и мягкий шип не являются не омонимами и не омографами в отношении друг ко другу, поэтому их то следует считать «омонимами пятого типа», т.е. полисеместами..

Из всего количества найденных мною синонимов – эпитетов - полисеместов необходимо определить какую - либо аналогию значения хотя бы одного, к которому можно приставить понятие «звук». Но каким образом это сделать?

Каждому человеку приходится встречаться с такими «полисеместными» обозначениями и в речи и в быту . Одно дело встречаться с ними и применять в своей речи, и совсем другое – извлечь из всех «чешуек смысла» некий «стержень смысла», объединяющий такие понятия в общую семантическую группу. Кто может помочь разобраться в этом трудном деле?

Возникает вопрос - кто должен заниматься проблемой «полисеместности» твёрдых и мягких звуков ? Люди , занимающиеся этими проблемами, проще говоря филологи.

Но по всей очевидности, этой проблемой всерьез филология не занималась , поскольку реальное существование полисеместов в русском языке так и не было актуализировано в свой собственный термин. Раз термина нет, то и такого явления нет. Зачем заниматься тем, чего нет?

И всё - таки во всей научной отрасли русского языка был один человек, который действительно вплотную и продуктивно занимался тематикой, если уж не твёрдых и мягких звуков, то по крайней мере, количественным составом членораздельных звуков русского языка. О его продуктивности свидетельствовали прижизненные регалии. Это оказался уважаемый академик , доктор филологических наук Лев Владимирович Щерба. Он стал известным человеком благодаря тому, что написал в 30 – 40 годы несколько учебников по русскому языку, на которых выросло не одно поколение советских людей . А ещё он оставил великолепное литературное наследие, в частности, посвященное количественному и качественному анализу состава звуков русского языка.

Звуковой состав русского литературного языка (список фонем)

Согласные

Губные: „п, пь, б, бь, м, мь, ф, фь, в, вь“ = «р, р', б, б', м, м', ф, ф', в, в'».

Примеры: *цеп, цепь; губа́, губя́ (= „губья́“); тем, темь; шарф, верфь; сла́ва, сла́вя (= „сла́вья“)* = «ср, ср'; gu'ba, gu'b'a; t'em, t'em'; šarf, v'erf'; 'slava, 'slav'a».*

Переднеязычные: „т, ть, д, дь, н, нь, с, сь, з, зь, ш, ж, ц, чь, л, ль, р, рь“ = «t,t', d,d', n,n', s,s', z,z', š,ž, c,č', l', r, r'»**.

Примеры: *мыт, мыть; городá, городя́ (= „городья́“); стан, стань; отбро́с, отбро́сь; егоза́, егозя́ (= „jэгозья́“); спешá, жу́ж-жá, ловцы́, мячи́; мол, моль; спор, спорь = «мыт, мыт'; gara'da, gara'd'a, stan, stan', a'dbros, a'dbros'; jega'za, jega'z'a, sp'e'ša, žu'žža, šaf'cy, m'a'č'i, mol, mol', spor, spor'».*

Иллюстрация «специфического» подхода Л.В. Щербы к обозначению «мягких» русских и латинских символов.
(Источник – книга Л.В. Щербы «Языковая система и речевая деятельность». 1961 г.в.)

Внимательно изучая всю логику изложения Л.В. Щербы (на стр, 166 специального раздела, названного «Звуковой состав русского литературного языка) в части согласных звуков, мне пришлось столкнуться с одним маловразумительным обстоятельством.

Внешне, конечно, все выглядело благоразумно и логично. Перечисление русских символов Л.В. Щербой закончено и дальше он начинает перечислять твёрдые согласные звуки в латинской транскрипции (на основании которой существуют так называемые «оптимальные» языки – немецкий, английский, итальянский, французский ну и еще целый ряд др. языков). Перечисляя твёрдые «латинские согласные знаки», Лев Владимирович сразу и на месте, перечисляя «мягкие» согласные знаки звуков при этом вместо мягкого знака, которые он благоразумно применял к «русским согласным символам», к латинским же согласным символам начинает присовокуплять знак препинания, называемый «апострофом». Получается это таким образом: «L» и «L'» ну и т.д. Лев Владимирович, таким образом, «хоронит» мягкие знаки, и вместо «материального тела мягкого звука состоящего из двух знаков», ставит взамен знак с «крестом», т.е. апострофом.

Естественно, у меня, как человека сомневающегося, возникают смутные терзания. Дело в том, что когда мне приходилось смотреть на книги и тексты, написанные на латинице, мне не раз удавалось там обнаружить большое количество апострофов. Именно большое, потому что апострофы в текстах с латиницей мне пришлось увидеть только во французских текстах при написании имен собственных, например, Д'Артаньян или Д'Арк. Однако даже в таких крайне редких случаях апостроф не обозначает мягкости звука, конкретно – «Д». В других случаях апострофа в латинских текстах практически не обнаруживалось. А вот когда читаешь русские тексты, написанные на кириллице, сплошь и рядом видишь и мягкие, а вперемежку с ними - твёрдые знаки.

Создавая свой «Звуковой состав...» Л.В. Щерба наверняка был знаком с трудом Гумбольдта, и вполне вероятно, – с «Теорией лингвистической относительности» Уорфа и Сэпира. Кто не знает, но эти две работы как раз и послужили толчком для развития исследований в области количественного инвентаря языка, в том числе и русского. До того времени данной проблемой применительно к русскому языку никому не приходилось заниматься. Поэтому Л.В. Щерба, по сути, пионер в области исследования и определения звукового состава русского языка.

Но в чём причина подмены мягкого знака на апостроф? Как известно, молодые годы своей научной деятельности Л.В. Щерба посвятил изучению членораздельных звуков так называемых «полабских славян», до сих пор проживающих на территории ФРГ и использующих в речи язык, который принадлежит к западной ветви славянских языков. А поскольку «полабским славянам» волей - неволей приходится пользоваться латинским алфавитом, то Л.В. Щерба как раз и применил к славянским звукам латинский алфавит, а выражение «мягких звуков» обозначил через «апостроф», т.е. аналогично тому, как это делается в чешском языке.

Особый интерес представляли мысли Щербы по поводу влияния артикуляции, т.е. телодвижений органов речевого аппарата в процессе произношения, высказанные им в разделе «Твёрдые и мягкие согласные» на стр. 169: «Что касается сходства твёрдых и соответствующих мягких согласных как с акустической, так и с артикуляционной точек зрения, то оно очевидно лишь у губных, у которых основная (губная) артикуляция остаётся неизменной, так как добавочная артикуляция, обуславливающая «мягкость» звука, состоит из поднятия средней части языка к твёрдому нёбу. Во всех прочих случаях, сходство затемнено в большей или меньшей степени благодаря взаимодействию основной и дополнительной артикуляцией, оказывающихся обе язычными (так и сказано – прим. Стрельцова). Особенно далеки друг от друга «л» твёрдое и «ль» мягкое, «т». «д» твёрдые и «ть», «дь» мягкое; в меньшей степени – «с», «з» твёрдые и «сь», «зь» мягкие, «р» твёрдое и «рь» мягкое...».

Стараясь во всём следовать утверждениям Л.В. Щербы, стал я свой язык устанавливать в разные места своего рта и даже высовывать его, стал я свой язык сворачивать в

трубочку, выколбасивать и даже пытаться сообразить из него некое подобие спирали. Пытался сам для себя выяснить, что на деле обозначают акустическая, основная и добавочная артикуляции, но всё как – то не удавалось разобщить эти артикуляции друг от друга. Короче кривлялся долго, но так и не смог уразуметь, почему твёрдые и мягкие звуки различал Л.В. Щерба по положению языка во рту.

Поэтому смутные терзания переросли в резонный вопрос ко Льву Владимировичу: «Разве во всех языках существуют твёрдые и мягкие согласные звуки?»

Резоны у меня к тому времени из смутно – неопределённых переросли в логически обусловленные: я достаю со своей неширокой полки личной библиотеки один «случайно завалившийся русский словарь», название которому «Словарь ударений. Для работников радио и телевидения» авторов Ф.Л. Агеенко и М.В. Зарвы 1984 г. выпуска издательства «Русский язык». В этом словаре нахожу раздел, посвященный правильному произношению твёрдых и мягких согласных звуков и читаю следующую цитату, касающуюся в частности, произношению звука «Л», т.е. «L»: «Однако в некоторых именах собственных, пришедших к нам из французского, немецкого, итальянского языков на месте буквы л произносится звук полумягкий, средний между [л] и [л']»

Если следовать натуральной логике, то фактически пионер исследований Лев Владимирович Щерба не только себя, но и всех остальных русских исследователей ввёл в заблуждение, поскольку:

Во всех человеческих языках, за исключением языков, образованных на кириллической основе, такой важный дифференцирующий признак речи как «согласный мягкий звук» и «согласный твердый звук» НЕАКТУАЛИЗИРОВАНЫ, поэтому в логическом отношении наличие той или иной формы согласного звука, в том числе, разумеется, и в так называемых «оптимальных» языках, целиком и полностью носит СЛУЧАЙНЫЙ характер.

Из этого, чтобы хоть каким – то образом реабилитировать, по крайней мере упоминаемые Щербой языки, основанные на латинской системе письма, сам собой напрашивается еще один логически обусловленный вывод:

В ряде языков, в том числе – в немецком и языках скандинавской группы дифференциальный признак «гласного мягкого звука» и «гласного твёрдого звука» АКТУАЛИЗИРОВАН и носит СИСТЕМНЫЙ, т.е. ЛОГИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫЙ характер.

Этот вывод подтверждается наличием в этих языках двух вариантов написания отдельных гласных: а) - с «надуказателем мягкости в виде двух точек над лингвистическим символом; и б) – без «надуказателя», который своим отсутствием, тем не менее, несмотря на кажущуюся двусмысленную парадоксальность, является указателем твёрдости данного гласного звука.

Странно, что Лев Владимирович Щерба при описании различий между твёрдыми и мягкими звуками, не обозначил их, к примеру – «курдячими» и «бокрячими» звуками? Тогда бы всем филологам всех народов мира стали понятны сразу три вещи: а) - в русском языке существует два параллельных ряда звуков – курдячие и бокрячие; б) - курдячие звуки отличаются от бокрячих различным положением языка во рту; и в) – понятия курдячие и бокрячие в русском языке применительно к звукам не несут никакой семантической нагрузки, кроме естественно, сугубо фонетической, т.е. названных, к примеру, из футуристических намерений автора.

Однако же Л.В. Щерба применил названия к этим звукам «твёрдые» и «мягкие». Стало быть, он не нарушал традиций предков, которые также данные звуки называли теми же названиями. Но если эти названия не несут никакой семантической нагрузки, значит, люди, создававшие эти названия, ни черта не понимали в логике и дали названия по первым, пришедшим на ум «условно – предметным кодам».

Ведь всё это как-то противостоит и не совпадает с тем, что говорил классик советского психологического романа, современник Л.В. Щербы М. Булгаков: «Правду говорить легко и приятно».

Самым глупейшим по манере исполнения научным исследованием принято считать определение меры длины градуса земной поверхности, предпринятое тремя французскими исследователями во главе с Лакондамином, предпринятое ими в начале XVIII века. Для этого им понадобилось почти девять лет шататься в Андах, карабкаясь с одной вершины на другую.

Но самым грандиозным по исполнению научным открытием, по моему мнению, стало открытие автором данного приложения №1 принципиальной разницы между твёрдыми и мягкими звуками.

Когда подошло время проверки на практике выводов Л.В. Щербы о значимости артикуляции, ещё только – только начав проводить эксперименты с согласными звуками, сразу же появилось неоспоримое доказательство разницы между твёрдыми и мягкими звуками, подтверждавшегося в эксперименте. Вот думаю, надо же. Чтобы французским учёным получить одну – единственную цифру, понадобилось целых 9 лет жизни. А тут на тебе, не лазя ни на какие вершины гор и вулканов, не погружаясь в глубокие шахты с синхрофазотронами, не надевая скафандр космонавта, не вытаскивая с глубины Чёрного моря надгробий древних жителей Крыма и Тамани, а просто, сидя на обычном стуле в обычной комнатухе при свете обыкновенной лампочки, раз – и совершил величайшее открытие, узнал, за свои последние 30 лет раздумий, почему в русском языке одни звуки называются твёрдыми, а другие, наоборот – мягкими.

Таким образом, моё практическое доказательство, с оговоркой «не совсем и не во всём», стало смутно проявляться в моей голове, но при этом как – то сразу поразило само понятие «подтвердилось», поскольку в контексте рассмотрения этого слова мне вновь пришлось иметь дело с чем – то, что до этого имело статус «никакое», и вдруг «никакое», каким – то чудодейственным способом стало «подтверждённым», будто к этому «никакому» подставили невидимую «твёрдую» подпорку. Что бы там не говорили другие, но слово «твёрдость» – довольно странное, я бы даже добавил – «несколько нелогичное» слово в русском языке, не имеющее совершенно никакого конкретного материального обоснования. Поэтому для себя лично решил твёрдо и бесповоротно, и это я бы посоветовал делать другим – понятие «твёрдость», наряду с существованием в нём каких – то неопределённых контекстов, применять относительно русского языка только в высшей степени превосходства, называемой в русском языке термином «неоспоримость». Так оно получается лучше и спокойней. И в самом деле, что в русском языке неоспоримо – то твёрдо, всё что действительно твёрдо в русском языке – то неоспоримо. Из этого утверждения я также сформулировал для себя второй вывод – любой материально – малозатратный эксперимент, если он не даёт неоспоримого результата, является важной, по крайней мере – бесполезной тратой времени.

Ну, а сейчас настал тот час, когда пришла говорить совершенно серьёзно о совершенно серьёзных для русского языка вещах.

Лев Владимирович Щерба недоглядел того, что сумели доглядеть создатели первой русской азбуки глаголицы: язык при произнесении любого «мягкого звука» не только ПРИПОДНИМАЕТСЯ и прижимается к «твёрдому», как выразился сам Щерба, небу, а язык еще при этом и НАПРЯГАЕТСЯ, становясь при этом ТВЁРДЫМ.

Иными словами говоря, при определении фонетического значения роли языка в воспроизведении членораздельных звуков «значимым фонетическим явлением» в

подразделении членораздельных звуков на противоположные группы является не само ПОЛОЖЕНИЕ, т.е. занятие конкретно не определенного места языка в том или ином месте речевого аппарата, а его СОСТОЯНИЕ, которое, исходя из, опять таки, электромагнитных сил, в сфере которых он есть ни что иное как управляемая электрическим импульсом человеческого мозга мышца (мускул), т.е. отдельно взятый орган человеческого тела. Соответственно, если язык рассматривать в чисто физиологическом плане, т.е. в предикате мышцы, то он может вполне логически обоснованно находиться только в двух своих противоположных значениях, альтернативных друг другу. Альтернатива эта может быть либо твёрдого, либо мягкого состояния языка, позволяя, тем самым, нашему логичному уму умозрительно, в рамках нашего русского «языкового сознания» это действие не только представлять, но и производить, т.е. мышечно реализовывать «в натуре» его два противоположных состояния.

Поэтому роль языка в речевом аппарате не сводится к роли «ботала», каким его представляют сторонники «механистического подхода» к структуре речевого аппарата. Он несёт дополнительную функциональную нагрузку служить ни чем иным, как «ощущаемым языковым сознанием материальным носителем дифференциального признака». Исходя из логически обусловленной альтернативы (по аналогии с осетриной, которая никогда не может обладать свойством быть осетриной «второй свежести»), в языковой среде, где актуализированы парность членораздельных звуков по признаку их «твёрдости» либо «мягкости», места разного рода «полутвёрдым» и «полумягким» звукам попросту не находится. Иными словами говоря, возвращаясь к теме «оптимальных» языков, если в конкретной языковой среде не актуализирован в той или иной мере показатель «мягкости» звука, значит этот звук несёт в себе статус «индифферентности». Но когда показатель «мягкости» актуализирован, конкретный звук может быть только либо мягким, только либо твердым, без каких – либо промежуточных состояний, которые как раз и конкретизируются общим «языковым сознанием». Поэтому в русском языке понятия «мягкий и твёрдый звук» уместны, а во многих других – нет.

Остаётся добавить маленький штрих – в русском «языковом сознании» язык, как орган речевого аппарата ассоциирован с понятием «язык – народ» именно исходя из того, что у разных народов количественный состав членораздельных звуков (звуковой инвентарь) как раз и зависит в огромной степени от того, сколько в отдельно взятом языке твёрдых звуков и мягких звуков, которые как раз и создаются с помощью двух состояний языка. При этом актуализация мягких звуков, а) - несмотря на весь разноречивый технический средств, б) - происходит по единому и общему сценарию.

А. По поводу технических средств актуализации мягких звуков.

В русском языке на протяжении существования всех его азбук применялись разные варианты обозначения «мягкого» звука:

1. Созданием отдельных лингвистических символов «мягких звуков» типа «г мягкое – гвердь», «ф мягкое – фита», «э и о мягкие – носовые», «а мягкое – ять, перепрофилированное впоследствии в э мягкое» и т.д.
2. Присовокуплением к «твёрдому символу» графического элемента, как это произошло, в частности, с «ш твёрдое», превратившее его в «щ мягкое».
3. Прибавлением к согласному звуку «мягкого знака ь».
4. Прибавлением к согласному звуку символа «прямого йотированного дифтонга» Е, Ё, Я и т.д.

В других языках существовали дополнительные варианты «обозначения мягкости звука»:

1. Как уже говорилось, в немецкой и скандинавских графических системах к символам «твёрдых гласных звуков» наверх подставлялись две точки, (аналогично тому, как к символу русской буквы Е присобачили две точки, превратив её в Ё).

2. В польской графической системе, перешедшей на латиницу, в частности, «мягкость гласного звука» обозначалась подставлением под соответствующий «твёрдый» символ извилистой чёрточки.

3. В сербохорватской графической системе «мягкость» некоторых согласных звуков выражалась с помощью «лигатурного» объединения левой половинки «согласного символа» с правой половинкой мягкого знака, как это, в частности, произошло с «мягким л» и «мягким н».

4. В чешской графической системе, в частности, «мягкость» согласного звука «р» на письме передавалась с помощью надставления над символом «г» графического элемента типа ласточки.

Б. По поводу общего сценария в обозначении «мягких», «твёрдых» и всех остальных графических символов той или иной линейно - графической системы письма.

В структурно – логическом пространстве линейного письма любые лингвистические символы как «знакоместа» текста образуются весьма ограниченным выбором графических средств, в том числе как:

1. Надуказатель.
2. Подуказатель.
3. Предуказатель.
4. Послеуказатель,
5. Самоуказатель.
6. Околоуказатель.
7. Безуказатель, означающий пробел между букв, пробел между слов, пробел между сферхфазовым единством, называемый иначе «абзацем» и «общий пробел» между текстами.

Исходя из всей этой нагромождённой массы фактов, удалось сформулировать вполне доброкачественную визуальную форму доказательства:

А. В речевом аппарате человека существует особый механизм воспроизведения с помощью двух состояний языка двух вариантов одного и того же звука, очень чётко, целиком и полностью воспринимаемый с помощью органов чувств человеческим умом в виде умозрительного различия между твёрдыми и мягкими звуками .

Б. В русском языке для целиком и полностью ощущаемого в речевом аппарате умозрительного различия между твёрдыми и мягкими звуками были созданы многочисленные лингвистические символы - знаки, с помощью которых это двойственное чувственное ощущение человеческого мозга реализуется в письменной форме. (До сих пор в некоторых современных учебниках русского языка фигурирует утверждение Л.В.Щербы о том, что такое различие не вполне ощутимо и происходит из – за разности положения языка во рту во время произношении таких звуков, а само же различие носит туманный, «затемнённый», трудный умопостигаемый характер).

Первым неоспоримым доказательством чёткого различия между твердыми и мягкими звуками является то, что когда человек произносит мягкий звук, спинка его языка напрягается, уплотняется, в её ощущении наблюдается жёсткость, и если сказать более точней по смыслу - спинка языка становится «твёрдой». А вторым неоспоримым доказательством различия твёрдых и мягких звуков является то, что когда человек произносит твердый звук, спинка его языка остается вялой, слабой, обессиленной, пассивной, т.е. становится «обратной» по значению понятию «твёрдость», т.е. «мягкой». И сколько бы раз кто – либо не проводил эксперименты по произношению таких разных звуков, в одном случае спинка языка напрягается, а в другом – нет.

Если это доказательство различия между твёрдыми и мягкими звуками выразить в строгой логической форме, то дифференциальным признаком, создающим в русском языке две противоположных лингвистических группы мягких и твердых звуков является двойственно – противоположное состояние спинки языка, имеющее для человека важнейшее фонетическое значение.

И ведь действительно, если подойти к данному неоспариваемому утверждению сугубо с физиологических позиций, язык – это, прежде всего, сложная мышечная ткань, обладающая всего двумя противоположными по своему значению состояниями – сокращенным и несокращенным. Если на мышечные рецепторы подать небольшой электрический заряд – они сократятся, если не подавать – они расслабятся. Совсем как у тургеневского Базарова в его опытах с лягушачьими лапками. Разница между лапкой лягушки и языком состоит в том, что лапка представляет всего одну мышцу, а язык состоит из нескольких десятков, если не сотен мышц. Однако человек усилием своей воли настолько точно владеет техникой управления своим языком, что у языка возникает, говоря языком механики, сразу несколько степеней свободы.

Строго говоря, в процессе извлечения мягкого звука напрягается не весь язык целиком, а только одна или несколько групп мышц, расположенных на спинке, т.е. средней части верхней части языка. Вот и весь секрет между мягким и твердым значением состояния языка. И вот этот мимолетный нюанс чёткого различия не был уловлен Львом Владимировичем Щербой. Этот нюанс прошел каким – то образом мимо внимания его пытливого ума. А мне, автору «мнения Стрельцова» этот нюанс удалось зафиксировать. Вот и все чудо, которого в действительности не было, ибо это неоспоримая реальность существующего мира.

Остаётся подтвердить это доказательство на примерах из практики существования всех звуков русского языка.

Вводя в свой «эксперимент на стуле» всё новые и новые членораздельные звуки русского языка, и «О, чудо!», насчитываю в русском языке 48 членораздельных звуков, из которых 25 относятся к мягким звукам, а 23 – к твёрдым:

1. Твёрдые звуки: а, б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ш, ы, э – 23 шт.
2. Мягкие звуки: а', б', в', г', д', ж', з', й, к', л', м', н', о', п', р', с', т', у', ф', х', ц', ч, щ, и, э' – 25 шт.

При этом попутно выясняется, что из общего количества мягких звуков, которые на письме в современной теории русского языка выражаются с помощью мягкого знака «Ь» и еще четырёх так называемых «символов гласных букв «Я», «Ё», «Е» и «Ю», еще четыре мягких звука «й», «ч», «щ», «и» в русском языке имеют собственные лингвистические символы.

Чтобы не потерять нить удачи, т.е. чтобы дифференцирующий признак, подразделяющий все звуки русского языка на мягкие и твёрдые не растаял во мгле бескрайнего русского понятийного пространства, потребуется сформулировать его логически обоснованное определение:

Одним из общих для всех членораздельных звуков русского языка признаком, подразделяющим все звуки на «мыслимо» два равных ряда, является «признак чёткости звука», делящий их, в связи с альтернативным состоянием языка – твёрдым и мягким, на две «чети» (половины) – мягкую и твёрдую, умозрительно представляющие собой чувственно воспринимаемые различия, которые в «русском языковом сознании» становятся совершенно противоположными и ни сколь не похожими друг на друга.

Механизм разделения всех звуков на две половины, исходя из двойственного состояния «языка – мускула», всячески поддерживается умозрительным механизмом русского национального «языкового сознания». В рамках этого сознания в русской речи не может

существовать никаких иных звуков, кроме твёрдых или мягких. И даже если какой – то человек в русской речи будет при передаче смысла чего – либо применять полутвёрдые или полумягкие звуки, эти произнесённые звуки «языковым сознанием» размежовываются, фильтруются, но не отсекаются, а вкладываются в «прокрустову матрицу» «языкового сознания» самым решительным образом. Например, греческое слово «палательный» для нашего русского «языкового сознания» совершенно неактуален, но в рамках «греческого языкового сознания» это понятие как раз и служит обозначением «мягкого» звука. Иными словами говоря, если бы в русском языке твёрдые и мягкие звуки назывались «палательными и непалательными» или как уже ранее говорилось – «куздрячими и букрячими», внутренний бы смысл этих звуков так бы никогда и не был постигнут, но понятия «твёрдый и мягкий» предоставляют возможность такого постижения.

Механизм фильтрации языкового сознания справедлив также в отношении лингвистических символов. Как известно, в настоящее время человечество выработало свыше 10 тысяч шрифтов, т.е. 10 тысяч совершенно разных манер написания символов для одной и той же линейной языковой системы. Но «языковому сознанию» не важно, какой манерой воспроизведены символы, ему важна манера выражения на письме твёрдости или мягкости звука. Поэтому семантическая фильтрация «языкового сознания» в части «твёрдых» и «мягких» звуков существует и на уровне символов.

Остаётся выяснить все варианты практики применения так называемых «мягких гласных звуков». В русском языке существует одна весьма значительная особенность в отношении мягких гласных звуков. Историческое развитие русского языка строилось следующим образом:

А) Большинство его понятий, начинавшихся на гласный звук, не озвучивались «мягкой формой» такого звука. Единственное исключение, которое было принято в русском языке, составлял «мягкий вариант твёрдого звука «Ъ», т.е. «И».

Б) Второй значимой особенностью русского языка являлось то, что ни одно из его понятий никогда не начиналось с «твёрдого Ъ» - в русском языке до сих пор нет собственных понятий с начальным звуком «Ъ», а те что есть – это иноязычные заимствования. В отличие от русского, например, в скандинавских, немецком и тюркских языках начальный мягкий гласный применялся наряду с твёрдым гласным. Этот мягкий гласный звук получил название «дифтонг».

В) Третьей значимой особенностью русского языка было большое количество понятий, начинавшихся на так называемый «прямой йотированный дифтонг».

Г) Фонетическое значение особых, «мягких», нейотированных дифтонгов до сих пор окончательно не воспринято филологической общественностью с достаточной мерой, из – за чего каждый раз возникают проблемы качественного разграничения разных в фонетическом плане дифтонгов.

Все эти четыре особенности русского языка относительно существования не только в этом языке, но и во всех других языках мира «правильных» и «неправильных» дифтонгов вовсе не означает факта отсутствия мягких гласных в нём – такие мягкие звуки присутствуют во многих русских понятиях, к примеру, «мёд», «князь», «место», «тюль», «сито» и т.д.

Вместе с тем, специфика русского языка в области практики применения гласных мягких звуков породила в недрах создателей СТРА массу превратных суждений, настолько противоречивых и неестественных, что диву даёшься, как это непотребство русский язык умудряется терпеть.

Однако, поскольку нам еще предстоит доказательство различия между гласными и согласными звуками, а это различие, в свою очередь, влияет самым существенным образом на создание подлинной картины действительности, наиболее предпочтительным вариантом в данной ситуации был бы вариант отдельного рассмотрения всех «мягких значений гласных звуков».

Поскольку процесс осознания завершился вполне благополучно, остаётся сделать маленькое, но существенное утверждение:

В русском языке понятия «твёрдый» и «мягкий» в применении к звукам имеют прямое логически обусловленное значение, поскольку альтернативное состояние языка оказывает прямое «фонетическое воздействие» на произносимый звук, исходя из которого звук может быть либо твёрдым либо мягким.

Внутренний смысл русских понятий «гласный и согласный звук».

" Настанет время, когда потомки наши
будут удивляться, что мы не знали
таких очевидных вещей."

Сенека

Ситуация, сложившаяся в современной теории русского языка относительно самого существования в русском языке гласных и согласных звуков, а также удобоваримого критерия различения их между собой в точности напоминает ситуацию с «твёрдыми» и «мягкими» звуками. Также как в предыдущей, в данной ситуации наблюдается и присутствует незримое весьма авторитетное утверждение Л.В. Щербы о том, что в русском языке «твёрдыми» и «мягкими» звуками могут быть только «согласные звуки», а к гласным такая характеристика, в связи с «нечеткой артикуляционной составляющей» совершенно не подходит. Поэтому, если говорить конкретно, ошибочность позиции современной теории русского языка части гласных и согласных звуков целиком исходит из ошибочных представлений Л.В. Щербы, которые в своё время были не перепроверены. Всё то же русское упование на авось..

Обрѣте же тоу евангеліе и псалтырь русскими
писмени писано, и чловѣка шербѣтъ глаголюща тою ве-
сѣдою, и бесѣдова с нимъ, и слово рѣчи приимъ; своей
бесѣдѣ прикладаа разанчиаа писмена, гласнаа съгласнаа,
и къ богу молитеоу твора, въскорѣ начатъ чести
и сказати, и мнози са емоу диваху, бога хвалаще.

Текст «Паннонского жития» Кирилла, рассказывающий о на-
ходке Кириллом (Константином) русских книг в Херсонесе (Ко-
суни); из книги Н. В. Ястребова «Сборник источников для истории
деятельности Кирилла и Мефодия». СПб., 1911).

(Из книги В.А. Истрина «1100 лет славянской письменности»). 1988 г.в.)

Первые упоминания о существовании в русском языке гласных и согласных звуков относятся к 860 году н.э. В этом году Кирилл, создатель второй русской азбуки кириллицы, посетил хазарский город Херсонес Таврический, располагавшийся вблизи современного Севастополя в западной части Крымского полуострова. Кириллу в этом городе был преподнесён дар – Евангелие и Псалтырь, написанные «русскими письменами». Все рукописные списки так называемого «Паннонского жития» Кирилла, описывающие этот случай, (а их к сегодняшнему дню насчитывается 23 штуки), сообщают о том, что кроме обретения этих книг Кирилл «глаголил» с человеком «русином», подарившим ему эти книги, и во время беседы этот неназванный человек к своей беседе прилагал «гласные» и «согласные» письмена, т.е. указывал на буквы, обозначающие гласные и согласные звуки. Кроме «Паннонского жития» Кирилла, в так называемом послании черноризца Храбра «О письменехъ», написанного по мнению

историков также в конце VIII века, упоминается название «двугласные письма», своим обозначением указывающими на их прямую связность с «гласными» звуками.

Так что же в действительности представляют гласные звуки и чем они отличаются от согласных? Теория русского языка в этой части совершенно противоречива и исходит из существования кроме сугубо гласных и сугубо согласных звуков еще и существования каких – то «полугласных» и «полусогласных» звуков. Но если для «цельных» гласных звуков ею выработан некий критерий, то для «полугласных» звуков русского языка в современной теории русского языка до сих пор такого критерия не обнаружено.

Но есть ли вообще в русском языке полугласные и полусогласные звуки?

Как вы помните из предыдущего рассмотрения относительно «твёрдых» и «мягких» звуков, СТЯ в определённой мере допускает существование в русском языке «полутвёрдых» и «полумягких» звуков, поскольку полагается только на артикуляционную составляющую, не учитывая функциональную альтернативу состояния языка. Однако, когда в данном Приложении №1 были приведены соответствующие доказательства альтернативности состояния языка и его непосредственного влияния на консонантную форму звука, то реальной почвы к существованию «полузвук», как оказалось, и впоследствии подтвердилось окончательно, в русском не имеется. Иными словами, в части этих звуков русского языка СТЯ оказалась совершенно беспомощной, уязвимой и неадекватной.

Сейчас вам вновь предстоит убедиться в беспомощности и уязвимости СТЯ в части так называемых гласных и согласных звуков.

Для начала, как это было сделано в предыдущем случае с дисквалификацией квалифицирующего признака СТЯ «положение языка» и заменой его на действительный квалифицирующий (дифференциальный) признак «двойственное, биполярное состояние языка», предстоит дисквалифицировать текущий квалифицирующий признак «гласности» звука СТЯ и также заменить этот признак на новый, адекватно и непротиворечиво разобщающий все гласные звуки от всех согласных звуков в русском языке.

Напомню читателю, что согласно СТЯ под гласным звуком, к примеру, в редакции учебника по русскому языку для пятого класса авторского коллектива под управлением Т. Ладыженской, изд. «Просвещение», Москва, 1992 года, стр.108, понимается следующая формулировка дифференциального признака:

Гласные звуки [а], [о], [и], [ы], [э], [у] состоят только из голоса. При образовании гласных звуков выдыхаемый воздух проходит через рот свободно.

Практически тот же дифференциальный признак обнаруживается и в другом учебнике по русскому языку – «Русский язык». Теория. Учебник для 5 – 9 классов общеобразовательных учебных заведений, изд. «Просвещение», Москва, 1993 года, стр. 40:

Гласными называются звуки, при образовании которых воздух свободно проходит через полость рта, не встречая какой – либо преграды.

И в какой бы другой учебник русского языка читатель не заглянул, везде встречается одна и та же, общая для всех формулировка гласного звука. Мы настолько свыклись с этой формулировкой гласного звука, что создаётся впечатление о впитывании её вместе с молоком матери. И никому и в голову не приходит мысль на практике, что называется, «в натуре» проверить всю истинность данного утверждения. А если проверить, то выясняется следующее:

А) – При произношении, к примеру, русского звука «Х» и украинского «фрикативного звука «Г», проходящий сквозь ротовую полость воздух также не встречает препятствия на своём ходу. Однако эти звуки почему – то не называются гласными.

Б) – При произношении гласного звука «У» губы речевого аппарата складываются в узкую трубочку, создавая тем самым дополнительное препятствие для прохождения воздуха через рот. Тем не менее, никто не пытается оспорить утверждение о том, что звук «У» не является согласным звуком.

А это означает только одно – СТЯ не располагает к настоящему времени убедительным критерием дифференциации звуков на гласные и согласные, поскольку современная формулировка дифференциального признака требует исключений из собственных правил. Возникает вопрос – возможна ли формулировка такого дифференциального признака, которая совершенно не допускала каких – либо исключений из правил? Да, такая формулировка вполне осуществима. Но для этого следует ознакомиться с выводами и доказательствами, представленными в тексте данного Приложения №1.

Для такого случая на моей неширокой личной библиотечной полке нашлось сразу несколько словарей, в том числе – польский Анджея Богуславского, чешский Копецкого, немецкий Никонова и Цвиллинга, английский Шапиро и украинский Аматыни.

В процессе обнаружения прямых и веских доказательств по тому или иному поводу, наиболее продуктивным оказывается путь обращения к внутреннему понятийному ресурсу русского языка. Это позволяет сразу и непритязательно, по уже проторенной тропке ввалиться в «русский понятийный ресурс» и определить контекст того или иного понятия. С этой целью мне пришлось поочерёдно заглядывая во все имевшиеся в моём распоряжении словари, попытаться найти внутренний смысл понятия, который требуется установить с необычайной тщательностью. Т.е. мне пришлось вновь «присобачивать значения понятия «гласный» применительно к понятию «звук». На этот раз тайна значения раскрылась гораздо раньше, чем при поиске «истинных» значений понятиям «твёрдый и мягкий» звук. По весьма банальной причине – в понятийном ресурсе русского языка содержалось всего два противоположных друг другу значения понятию «гласный». Что интересно, так и во всех мною рассмотренных значениях понятия «гласный» в других языках – польском, чешском, английском, немецком, украинском языках, оно также имеет только два основных значения. Всё это указывало на тот факт, что данное понятие не является омонимом, т.е. двойственность значений понятия «гласный» имеет конкретно в русском и во многих других языках, если не во всех остальных, не случайный, а закономерный – обусловленный характер.

В первом значении под понятием «гласный» понимается некое «вокально - акустическое образование», обладающее такими признаками как «самопроизнесённый», «самооглашённый», «громогласный», «громкий», «шумный», «надоедливый», «звонкий», «оглашённый», «зычный», «гулкий», «слышимый», «резкий» и т.д..

Второе значение несколько отличалось от первого, акцентировалось не на «вокальной» стороне понятия «гласный», а на «визуальной» стороне происходящего, в значении : публичный, видимый, осязаемый, явный, знатный, познаваемый, очевидный, открытый.

Анализируя полученные значения, обнаружилась примечательная вещь – полисеместы первого, «вокального» порядка в подавляющем своём большинстве применимы и к согласным звукам.

А вот «визуальное» значение понятия «гласный» носило явно ограниченный характер и сосредотачивалось на одном, общем для всех гласных звуков значении – действительно «быть визуально воспринимаемыми звуками». Иными словами говоря, гласные звуки, кроме того, что мы их слышим, мы ещё их и видим. Об этом, в частности, свидетельствует выражение «читать по губам».

Интересным моментом оказывался факт синонимии, поскольку в русском языке понятия «губы» и «уста» являются синонимами друг другу. Более того, синонимами

оказались и омонимы «губа и устье», которые в русском языке обозначают «расширенное место выхода реки». Да и сами понятия «река» и «речь» в смысловом пространстве обозначают некий непрерывный поток, течение – в одном случае , воды, а в другом – звуков.

В сложившихся условиях первое, «вокальное» значение понятия «гласный» сразу же отметалось категорически. Причиной такой категоричности служил один из самых главных законов формальной логики, называемый не иначе как «Закон исключения», согласно которому о любой вещи необходимо говорить в одном и том же отношении, в одном и том же качестве. Если кто помнит, понятие «звонкий» в русском языке применяется для обозначения именно согласных звуков, но никак не гласных. Но мы ведь рассматриваем внутренний смысл понятия «гласный», а не «согласный».

Исключив из обсуждения «вокальное» значение понятия «гласный», тем самым ограничивался, суживался район поиска действительного значения русского понятия «гласный». Но этого оказывалось мало.

Поэтому логичней всего значение понятия «гласный» требовалось рассматривать в контексте «очевидности», «открытости». Что может быть общего между понятием «гласный звук» либо «открытый звук». Самым вразумительным объяснением , позволяющим установить логическую связь между понятиями «гласный» и «открытый», служит ранее упомянутый факт, что гласные звуки , по отношению к тем же согласным, имеют способность визуально наблюдаться, т.е. каждый человек способен , что называется, «воочию» видеть «произношение гласного звука» по причине того, что для разных гласных звуков существуют свои собственные «формы раскрытия рта». Иными словами говоря, необходимо установить логическую связанность понятий «гласный» и «губной». Причина такой связанности реально существует, эта связанность выдумана не автором приложения, а определяется «русским языковым сознанием», и в этом мы убедились на примере семантической связанности понятия «губа» в русском языке с его синонимом - понятием «устье» .

Существует ещё одна семантическая связанность русских понятий «река» и «речь». Все северные реки России имеют каменистое «твёрдое» по определению дно, поэтому во время периодического разлива геометрический размер реки в поперечнике увеличивается. Место увеличения геометрического размера реки русскими названо как «губа», к примеру, Обская губа А вот славянские реки южного направления, к примеру, Дунай и Волга имеют илистое, глинистое, «мягкое» по определению дно. Поэтому во время разлива в нижнем своём течении эти реки не разливаются по примеру северных, а продвигаются к морю по множеству глубоких и размытых небольших русел, называемых русским понятием «гирло». Это русское понятие, несомненно, семантически связано как с понятием «горло», так и понятием «жерло», указывая тем самым на некую формальную зафиксированность, относительную «твёрдость» канала. Речь наша также проходит по руслу речевого аппарата, который в просторечии называется как «горло».

Кроме того, в русском языке существует ещё одно понятие «губа», точнее «губы». Вопрос в том, являются ли это название «губы» омонимом к «губам рта»? Ведь если посмотреть на одни «губы», а потом посмотреть на другие «губы», то вполне очевидно наблюдается их различие. Одни располагаются горизонтально, другие, как мне по опыту известно – вертикально, хотя в многочисленных мужских байках проскальзывают утверждения о поперечном их расположении кое у кого.

В этом ракурсе рассмотрения всех трёх, связанных в одно общим русским понятием имеющих в нашем распоряжении «губ» , в том числе и «губой реки», получаются семантически связанными понятия «гласный» и «губной», поскольку они все сразу обладают одновременно еще дополнительными , общими для всех смыслами:

А) - Быть «оконечными», выходно - входными.

Б) – Быть «эластичными», т.е. расширяться и стуливаться (сужаться) в необходимых случаях.

Рассматривать такое совпадение как некую обычную случайность было бы весьма опрометчиво и глупо. Понятие «губы», таким образом, в русском «языковом сознании» являются не омонимами, а представляют особый вид синонимов, которые вполне уместно назвать «логико – структурирующими полисеместами».

Остаётся самая малость – определиться с внутренним смыслом понятия «гласный», он же «губной», он же «устный» звук. Как это и не покажется парадоксальным на первый взгляд, но подсказал мне «внутреннее смысловое значения» понятия «гласный звук» тот самый, ранее мною уже упоминавшийся черноризец Храбр в своем сказании «О письменехъ». Текст этого сказания достаточно велик. Велико также количество мыслей по тому или иному поводу. Однако меня, автора Приложения №1, прежде всего заинтересовала мысль, посвященная первому символу русской азбуки.

В частности, обыгрывая значение названия первой буквы русской азбуки «Азь, т.е. «А», Храбр называет главной причиной установления этой буквы на переднее место в кириллице тем, что эта буква получается от «великого раздвижения уст», а все остальные образуются «малым раздвижением уст». Итак, гласный звук «А», согласно мысли Храбра, это продукт широкого раздвижения «уст», т.е. губ. Уже на этом этапе Храбр опровергает СТРЯ, указывая на фонетическое значение гласного звука как «раздвижение уст», а не «беспрепятственное прохождение воздуха сквозь рот».

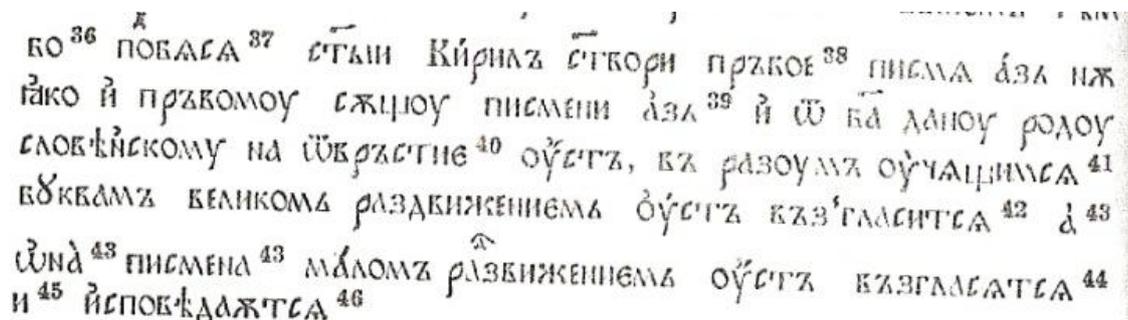

Иллюстрация части текста «О письменехъ» черноризца Храбра по поводу гласного звука «А».
(Источник – книга В.А. Истрина 1100 лет славянской письменности». 1988 г.в.)

Следуя логике Храбра, кроме великого раздвижения, характерного для гласного звука «А», самому малому раздвижению уст, единственно ото всех прочих, может соответствовать только один. И этому условию соответствует гласный звук «У».

Дальше всё пошло как по маслу. Еще два гласных звука характеризуются тем, что при раздвижении уст для их произношения, образуются не два «круглых отверстия» - «широкого» - для «А», а «узкого» - для «У», а два «овальных отверстия»: для вертикального овала более всего подходит гласный звук «О», а для горизонтального – гласный звук «Э».

Когда методом логической дедукции были найдены строго определённые положения губ для четырёх гласных звуков, оставалось найти удобоваримое, логически безупречное положение губ еще для гласных звуков – звуков «Ы» и «И» (как уже было ранее доказано на практическом примере, первый из них является «твёрдым», а второй – «мягкой разновидностью» данного твёрдого гласного звука). Дабы далече не заходить в дебри поисковые, нахождение положения губ быстро было обнаружено путём наиболее естественного произношения данных звуков. Отверстие губ в результате эксперимента представляло собой не что иное, как банальную «щель». А о том что «щель» является наиболее естественным для этих звуков положением служила этимологическая связность гласного звука «И», глаголической руны 11 «Иже», она же «исток» и таких славянских понятий как «исток», «истошный», «неистовый» и «истотный, что значит одновременно и «естественный» и «существенный», а также украинское понятие «истота», означающая, по - русски, одновременно и существо, и создание, и истину. Само же понятие

«истина», этимологически восходящее к данным понятиям, в таком контексте оказывалось каким – то неуместным и даже несущественным. Кроме этого, если взглянуть на предоставленную ниже таблицу названий гласных звуков в древнегреческом алфавите, то подавляющее большинство их называется «псилонами». Но сами греческие понятия «псилон» в этом языке имеют ряд «полисеместных» своих значений, в том числе словом «псилон» в греческом языке обозначаются понятия «щель», «прикрытый», «протянутый», «продолговатый» и даже понятие «долгий, протяжный, протяжённый, продолжающийся, длинный, долгий».

Таким образом, в результате логической операции «диагноз», путем отсекаания маловразумительных, необоснованных и неподтверждаемых мнений, утверждений и отрицаний, сформировалась логически обоснованная база, в основе которой лежало положение о том, что:

Дифференциальным признаком гласного звука является предельное значение ротового отверстия, выражаемое пятью предельными его формами – широко открытое, узко открытое, вертикально овальное, горизонтально овальное и щелевое.

Чтобы и этот данный признак не вышел из поля внимания тех лингвистов, которые попытались бы слезть с «кукана добытого доказательства» и, таким образом, «якобы не заметить его», автор приложения озаглавил его следующим образом: «Общий дифференциальный признак гласности членораздельного звука» или просто «Признак гласности звука».

Теперь остаётся произвести некоторые манипуляции в определении действительного количества гласных звуков и сопоставить их со звуками других языков.

Итак, исходя из пяти предельных значений ротового отверстия речевого канала, а также из двух состояний языка речевого канала в современном русском языке имеются следующие гласные звуки:

1. А, О, У, Ы, Э – пять твёрдых гласных звуков.
2. А', О', У, И, Э' - пять мягких гласных звуков.

Всего, таким образом, в русском языке 10 гласных звуков. Из них 5 твёрдых гласных звуков и только один мягкий гласный звук «И» (всего 6 из 10) имеют в современной теории русского языка соответствующие лингвистические символы. Поэтому, исходя из фактического наличия соответствующих лингвистических символов, СТЯ считает, что в русском языке только 6 гласных звуков. И в то же время, несмотря на то, что в алфавите русского языка только 21 лингвистический символ означает согласные звуки, тем не менее, этой же СТЯ утверждается наличие в нём от 31 до 37 согласных звуков. Ну чем не «политика двух стандартов». Вот такая арифметика. Вот такое понимание не умом, а чувствами.

Вместе с тем, не следует упускать из виду ещё один понятийный компонент связного представления о численном составе членораздельных звуков русского языка:

Принципиальная разница между гласными и согласными звуками состоит в том, что губы, как один из компонентов речевого аппарата, не имеют важного фонетического значения для произношения всех согласных звуков, в том числе – «краткого И, он же «И», а также согласных звуков, относящихся к так называемой «губной группе», к которой относятся звуки «п», «б», «в», «ф», и «м».

Предельным значением для губной группы согласных звуков является «шестое предельное значение», т.е. закрытое ротовое отверстие, при открывании которого и возникают данные согласные звуки.

Если говорить о гласных звуках других языков мира, необходимо иметь ввиду, что, а) - ротовое отверстие речевого аппарата обладает высочайшей эластичностью; и б) – кроме пяти предельных значений ротовое отверстие может иметь огромное количество промежуточных значений, например, некие промежуточные значения между «О» и «Э», между «А» и «Э», между «А» и «О» и т.д.

Вот поэтому, в силу эластичности ротового отверстия во многих других языках существует кроме предельно – значимых огромное множество «неопределённо – значимых» гласных звуков. Например, у туземцев Тасмании насчитывается 40 гласных звуков, у французов 18, у немцев 15, у англичан 13 гласных звуков, не считая так называемых «дифтонгов», т.е. гласных звукосочетаний. Однако употребление в произношении звуков только в предельных значениях ротового отверстия способно максимально точно быть понято. Вот поэтому, выражение «говорю тебе русским языком» имеет смысл единственно реально, т.е. логически обоснованно говорить в рамках предельного понимания. Настолько предельно, насколько это минимально допустимо со стороны органов чувств человека.

Недовыясненным остаётся вопрос, почему допущена явная несправедливость по отношению к «мягким» гласным звукам и почему для них не найдено в русском языке соответствующих символов. Вся парадоксальность ситуации с «мягкими» гласными звуками состоит в том, что таких символов в первой русской азбуке также было пять, но в результате какой – то необъяснимой «примитивизации» мышления создателей теории русского языка, сам русский язык утратил целый ряд своих символов, стал «жуцым», а потому избыточным множеством исключений своих же собственных правил. А чтобы вы сами убедились в наличии целого ряда нестыковок в трактовке тех иных действительных положений русского языка, вам предоставляется для этого целый раздел, в котором критически пересматриваются все откровенные и скрытые бессмыслицы СТРА.

Содержательная часть.

Практическое опровержение извращенных представлений о русском языке на примере из правил и утверждений современной теории русского языка».

"Русский язык открывается до конца в своих поистине волшебных свойствах и богатстве лишь тому, кто кровно любит и знает «до косточки» свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли".

К.Г. Паустовский.

Любим ли мы свой родной язык? Конечно же да. Но. По правде сказать предпочтительней иметь дело с устным вариантом родного языка. Мы настолько привычно относимся к нему, что даже во сне разговариваем на нём родимом. Гораздо хуже дело обстоит с письменным вариантом. Если для устного требуется вертеть губами да языком, то употребляя письменный язык, приходится вертеть и мозгами, поскольку если не будешь придерживаться грамматических правил, рискуешь остаться непонятым. А так хочется жить без правил, или хотя бы свести их к небольшому количеству, чтобы не засорять лишним раз собственные извилины. Но возможно ли это в принципе? Об этом и пойдёт речь в содержательной части данного приложения.

Как вы помните, до этого была только сугубо теоретическая констатация ситуации, сложившейся к настоящему времени в области русского языка на уровне членораздельных звуков. Иными словами говоря, в предыдущем разговоре нами уяснен факт того, что

СТРЯ вовсе не обращала внимания на то, почему звуки называются твёрдыми, мягкими, гласными и согласными. Не обращая внимания на слонов, она тем самым свойственными утверждениями «перебила всю посуду в лавке». Перебила, но, как говорится, сумела «отмазаться».

Сейчас читателю будет показано далеко идущее последствие из этого невнимательного отношения к названиям собственных звуков. Проще говоря – конкретные, т.е. сугубо «средневековые» практические положения русского языка, вошедшие во все современные учебники по русскому языку. Практические положения, у которых нет никакого реального логического обоснования.

Итак, для тех, кто успел подзабыть факты, рассмотренные в предыдущих рассуждениях вновь их напоминаю.

1. В русском языке существует очень чёткое, целиком и полностью воспринимаемое органами чувств человека различие между твёрдыми и мягкими звуками. (До сих пор в учебниках русского языка фигурирует утверждение о том, что такое различие не вполне ощутимо и происходит из – за разности положения языка во рту во время произношении таких звуков, а само же различие носит туманный, «затемнённый», трудный умопостигаемый характер.)

2. В русском языке существует 23 твёрдых и 25 мягких звуков, в том числе 5 твёрдых гласных звуков и 5 мягких гласных звуков. (До сих пор в учебниках по этому поводу говорится о наличии гласных в количестве 6 штук, а согласных – по разным оценкам от 31 до 37 штук.)

3. Одним из общих для всех членораздельных звуков русского языка признаком, подразделяющим все звуки на «мыслимо» два равных ряда, является «признак чёткости звука», делящий, в связи с альтернативным состоянием языка – твёрдым и мягким, их на две «чети» (половины) – мягкую и твёрдую, умозрительно представляющие собой чувственно воспринимаемые разности, которые в «русском языковом сознании» становятся совершенно противоположными и ни сколь не похожими друг на друга. (До сих пор в учебниках по текущему мнению дифференциальным признаком между твёрдыми и мягкими звуками является различие положения языка во рту.)

4. Дифференциальным признаком гласного звука является предельное значение ротового отверстия, выражаемое пятью предельными его формами – широко открытое, узко открытое, вертикально овальное, горизонтально овальное и щелевое. (До сих пор в учебниках текущему мнению разница между гласными и согласными звуками происходила оттого, что во время произношения гласного звука выдыхаемый воздух сквозь рот проходит без помех, а для извлечения согласных звуков требуется какое – либо препятствие.)

5. На 48 членораздельных звуков в современном русском алфавите приходится 31 лингвистический символ, в том числе, на 10 гласных звуков – 6 лингвистических символов, а на 38 согласных звуков – 21 символ. Четыре лингвистических гласных символа несут тройную нагрузку: а) – указывает, что впереди стоящий перед ними согласный символ в слове является выражением «мягкого согласного звука»; б) - заменяет на письме лингвистический символ «мягкого гласного звука»; и в) – служит на письме лингвистическим символом «прямого йотированного дифтонга», в котором впереди стоящим звуком является звук «Й», а последующим – «мягкий гласный звук».

Последний, 5 пункт указывает на действительное состояние и основные характеристики современного русского языка. А сейчас вашему вниманию будет предоставлено должное, т.е. не такое, какое оно нам представляется сейчас, а ортодоксальное, логически неизменное видение общих характеристик русского языка.

1. Современный русский язык – единственный из всех славянских диалектов, избавившийся в процессе собственной эволюции от разного рода придыханий, призвуков и «фрикативностей».
2. В русском языке для всех 48 членораздельных звуков должно иметься соответствующее количество, в том числе и «четей», 23 пары лингвистических символов – твёрдых и мягких, отличающихся друг от друга какими-то общими для всех единообразными метками, единообразными лингвистическими элементами, а также условно – непарного звука «Ч» и непарного звука «Й».
3. Каждый лингвистический символ должен быть самодостаточным, т.е. не служить для других близлежащих символов «предуказателем», «послеуказателем» и т.д.
4. Знаки «Ъ» и «Ь» в силу своей неактуальности должны быть удалены из алфавита современного русского языка.
5. Кроме всех парных и непарных символов звуков, в русском языке должны присутствовать все 5 лингвистических символов - «прямых йотированных дифтонгов», т.е. «устойчивых звукосочетаний», сокращенно передающих фонетическое значение двух членораздельных звуков – переднего мягкого согласного звука «Й» и последующего за ним мягкого гласного звука «А'», «О'», «У'», «Ы'», «Э'».

Все эти 5 пунктов логически обусловлены и выявлены в результате тщательного анализа современных правил и норм правописания в русском языке. Это единственный способ упростить всё более усложняющуюся ситуацию, когда в русский язык из других языков с каждым годом вливаются сотни и тысячи чужих «понятий, становящихся в «русской среде» своими. Это главное, на что мне хотелось обратить внимание при обсуждении вопроса об извращениях русского языка, сложившихся в результате его становления.

А теперь, в качестве прикладного материала вашему вниманию показаны примеры непоследовательности положений современной теории русского языка. Сразу оговорюсь – это сугубо моя личная точка зрения, до сих пор такая точка зрения не предавалась публичности, и, соответственно, пока не имеет сторонников.

Утверждение 1. В русском языке звуки «Ш» и «Щ» являются парными звуками, первый из которых твёрдый, а второй – мягкий. (Как утверждают практически все учебники по русскому языку, звуки «Ш» и «Щ» являются «непарными звуками», дескать «Щ» - это производное от звукосочетания «шчь», а вот «тот самый» В.В. Маяковский, так он относил звук «Щ» вообще к звукосочетанию «сч»).

Когда я с помощью собственного речевого аппарата стал проводить эксперименты по произношению звуков «Ш» и «Щ», мне вновь удалось весьма явственно ощутить различие между этими звуками, поскольку для произнесения мягкого «Щ» требовалось напрячь спинку языка, а для твёрдого «Ш» этого не надо делать. В этой связи интересно отметить следующий факт- в старинных рукописях, написанных на кириллице, возле знака «Ш» почему-то иногда присутствовала почерпнутая из глаголицы руна, называемая «твёрдо»: такая надпись символа имела следующий вид – «Шт», только вместо символа «т» стояла руна. Руну «твёрдо» не требовалось произносить вслух, надо было сам звук «Ш» произносить твёрдо, т.е. не как звук «Щ». В самой же глаголице символ «Ш» был заимствован из древнееврейской азбуки, где он и обозначал звук «Ш», соответственно для славянского мягкого варианта, т.е. звука «Щ» в глаголице применён был несколько отличный символ – «Ш» с колечком - подуказателем». Поэтому первое кириллическое написание знака «Ш» как «Шт» явилось, по сути, извращённым

представлением этого звука . Однако в современном болгарском языке , там где было впервые применено такое знакосочетание, оно закрепилось в болгарском языковом сознании как «звукосочетание , среднее между «Шт» и «Щть» и до сих пор во всех случаях применяется в речи. Читателю в данном случае для полного убеждения в истинности авторского утверждения остается одно – самому попробовать произнести звуки «Ш» и «Щ» и определить действительную разницу между ними, сводящуюся к разности состояния спинки языка.

Утверждение 2. В русском языке звук «Ч» - условно непарный мягкий звук. (В современных учебниках по русскому языку , звук «Ч» трактуется не иначе как «фонологически непарный мягкий звук»).

Лингвистический символ современного русского языка «Ч» интересен тем, что в более раннем своем варианте, т.е. в глаголическом представлении он фигурально напоминает сосуд суживающийся кверху с опущенным в него шариком , «горошинкой», выпавшей вниз из этого сосуда. Кроме передачи звука глаголический символ «Ч» означал славянскую руну «Червь», т.е «масть», «стать» «принадлежность к некоему ряду , к роду». Если посмотреть на старинные рунические эпитафии, то этот знак часто встречается в конце надписи, которую принято считать «фамилией» . На базе этого лингвистического символа возник тот самый , широко известный символ Украинской Повстанческой армии националистов – бендеровцев. Но в древние времена, времена формирования Киевской Руси этот знак был отличительной меткой принадлежности данной вещи или самого хозяина её к имуществу того или иного князя (кнеза). Сейчас этот знак - «трезубец» является официальным символом республики Украина. Более того, в современных фамилиях славян - хорватов, славян – сербов и славян – русинов, очень часто встречается именно это окончание «Ч» - Рабинович, Абрамович, Дундич, Младич, Милошевич , Гнедич и др. В фамилиях же относящимся к сугубо «позднерусским», такого разнообразия нет, однако однообразие встречается во всех без исключениях отчествах русских : Иванович, Петрович, Сидорович и т.д. В русском понимании такое представление образует ряд – линия братьев от одного отца, поэтому оно, собственно говоря служит рунической типологической меткой общей родовой принадлежности (древу, верви) к единому для них отцу.

А вот кириллическое его представление также имеет тесную связь с глаголическим. Кирилл в своей азбуке символом для звука «Ч» выбрал латинский символ «У» и только через довольно продолжительный период времени знак «У» был трансформирован в современный «Ч». Но если вы посмотрите на дореволюционную орфографию церковнославянского письма, то вы непременно заметите тот факт, что после буквы, означающей звук «Ч» всегда ставился знак, который называется «твердый знак». Значило ли это проставление знака «отвердение» звука при его произношении? Можно твёрдо и вполне уверенно заявить – нет и для этого имеются веские причины, о которых вновь будет разговор , посвященный еще некоторым, до сих пор не бравшимся во внимание , значениям «твердый и мягкий знак». Стоит лишь заметить следующий факт - в сербохорватском языке существует два символа звука «Ч» : а) - прямой и б) - с закруглением. Своим начертанием оба варианта написания напоминают перевернутый с головы на ноги кириллический знак «Ч», а в естественном похож на латинский символ «h», который в немецком и латинском языках называется «аш», а в английском – «эйч». По всей видимости , этот знак «h» был когда – то особенной руной хазар, заимствованной ими из китайско – монгольского «языкового сознания», а затем его, «в перевернутом виде», включил в славянский алфавит Кирилл, избавившись от глаголического его начертания - в таком виде знак этот до сих пор пребывает в графически - типологическом инвентаре русского языка. Но только в одном варианте – в форме мягкого звука. Для другого , «твёрдого варианта» этого знака в русском языке места не

нашлось. Для этого, о чём справедливо замечает Л.В. Щерба, имеется весьма веская и прозаическая причина - в русском языке к настоящему времени нет ни одного слова с этим звуком и, поэтому твердый «ЧЪ» нашим языком не востребован совершенно. В контексте «узкого рассмотрения» русского языка как особой разновидности отдельно взятого «языкового сознания», утверждение о непарном характере звука «Ч» является совершенно уместным. Однако в контексте «широкого рассмотрения» русского языка, как единственного претендента стать общемировым средством коммуникации, утверждение о «непарном характере» звука «Ч» весьма сомнительно, поскольку каких – либо особых причин, препятствующих введению в русский язык дополнительного лингвистического символа, означавшего символ «Ч твёрдое» не имеется. Поэтому категоричность утверждения, что звук «Ч» является «непарным звуком» целиком и полностью лежит на совести изобретателей одного из логически необоснованных правил русского языка, допустивших эту оплошку, ибо она создаёт о русском языке в этой части весьма превратное представление.

Утверждение 3. В русском языке изначально в графическом виде было представлено все 5 (пять) лингвистических символов, передававших конкретное фонетическое значение так называемых «прямых йотированных дифтонгов». (СТРЯ допускает в русском языке наличие только 4 таких символов, но при этом данные символы несут неконкретную, двойственную, взаимоисключающую фонетическую нагрузку).

Разговор в этой части обсуждения пойдёт о четырёх специфических буквах современного русского алфавита, которые не вошли в состав символов, обозначающих мягкие, твёрдые, гласные и согласные звуки. Это современные символы «Е», «Ё», «Я» и «Ю». Кроме этих четырех, в русском алфавите была ещё одна буква, обладавшая аналогичным фонетическим статусом, буква «Ижица». Однако она безосновательно была удалена.

Чем же примечательны данные лингвистические символы русского языка? Все они представляют особый тип лингвистических символов, которые несут в себе одновременно последовательность двух разных по фонетическому значению членораздельных звуков:

1. Мягкий согласный звук «Й».
2. Один из пяти мягких гласных звуков – «А'», «О'», «У'», «Э'», «И».

У всех этих пяти символов русского языка до сих пор существует проблема. Проблема эта заключается в том, что они до сих пор остаются для русских лингвистов самой настоящей загадкой. Загадкой, по причине отсутствия надёжного критерия размежевания звуков - твёрдых от мягких и гласных от согласных.

В предыдущих рассуждениях данного приложения, посвященных сущностному выявлению дифференциальных признаков твёрдых и гласных звуков эти критерии были доказательно и бесспорно определены.

Исходя из этих проверенных доказательств, выясним ещё один немаловажный момент – какие в действительности типы дифтонгов существуют на самом деле. Слово «дифтонг» имеет, по всей видимости, латинские корни и передаёт двойственное значение а) - «два звука» и б) – «другой звук». Русским прямым синонимом понятию «дифтонг» служит ранее упоминаемое мной слово «двугласный», которое впервые на письме упомянул черноризец Храбр.

Но сначала посмотрим что о дифтонгах говорит СТРА. Все русские лингвисты, которым до сих пор остаются непонятными дифференциальные признаки гласного и твёрдого звука, с усердием, достойным глубокого сожаления, как «Отче наш» продолжают трубить, что:

1. Дифтонг - это звуко сочетание, содержащее в себе гласную «переднена начальную» «йоту» и один из гласных звуков. К этому типу, кстати, СТЯ почему то без каких – либо веских оснований относит ранее упоминаемые мною «немецко – скандинавские» дифтонги;

2. Дифтонг – это звуко сочетание, содержащее в себе согласный «послеконечный «звук «Й» и один из гласных звуков типа « латинского «ИЙ, выражаемого символом Y», либо «английского символа «I», звучащего в ряде случаев как «АЙ».

Такая неразбериха представляется действительно «невообразимым» спорным моментом в лингвистической практике, поскольку в этой мути , в этой глупейшей коллизии, что называется «чёрт ногу сломит».

Однако, если подходить к решению данного вопроса логически вооружившись, т.е. имея на руках неоспоримые дифференцирующие признаки гласности и твёрдости звуков, то вырисовывается совсем благопристойное и бесспорное определение данного «лингвистического феномена»:

Дифтонг – это устойчивое звуко сочетание, которое способно выражаться одним лингвистическим символом с двумя противоположными по своему фонетическому значению звуко сочетаниями согласного звука «Й» и какого – либо гласного звука», способного взаимодействовать в прямом и обратном значении:

а) - как «прямое» звуко сочетание с первым согласным звуком «Й» и последующим за ним одним из гласных звуков , типа «русского звуко сочетания «Я», «Е», «Ю», «Ё» , т.е. «ЙА'», «ЙЭ'», «ЙУ'», «ЙО'» и «ИИ»;

б) – Как «обратное» звуко сочетание с каким – либо первым гласным звуком и последующим за ним согласным звуком , типа «английского «I», т.е. «АЙ», либо латинского «Y», т.е. «ИЙ». Данный тип дифтонгов является правомерным, правильным, настоящим, поскольку в действительности состоит из двух членораздельных звуков.

Кроме правомерных, правильных дифтонгов, существует ещё один тип дифтонгов, который логичней всего назвать неправомерными, неправильными, ненастоящими. Почему?

Под дифтонгом в ряде случаев в общем современном языкознании понимается особый лингвистический символ, неправомерно воспринимаемый как особенное звуко сочетание, в действительности представляющий особую разновидность, модификацию, а если говорить точнее – «мягкий вариант» того или иного твёрдого гласного звука, типа «немецко - скандинавских дифтонгов», означающих «мягкое А», «мягкое О», «мягкое У», «мягкое Э» и «мягкое Ы, т.е. И». В таком дифтонге нет двух гласных звуков, зато сам звук данного дифтонга «языковым сознанием» воспринимается как «другой гласный звук», как это случается, например, в произношении твёрдого либо мягкого варианта любого согласного звука.

Согласно СТЯ знаки «Е», «Ё», «Я» «Ю» , несмотря на их фонетическую разницу в русском языке, в настоящее время объединяют сразу в себе не только взаимоисключающие функции, но на них взвалена ещё одна несвойственная функция – служить «послеуказателем» мягкости стоящего перед ним согласного звука. Иными словами, эти символы есть одновременно и правильные и неправильные дифтонги, в зависимости от конкретного контекста их применения в письме.

А ведь в первой азбуке русского языка , кроме конкретных «йотированных прямых дифтонгов - двузвучий» были и все пять символов конкретных «неправомерных дифтонгов», т.е. символов, обозначающих все пять мягких гласных звуков. Сейчас достаточно трудно установить всех головотяпов, допустивших прямой произвол в

отношении мягких и йотированных звуков, однако кое – какие сведения об этих головотяпах история всё же нам оставила.

По поводу «искусственного создания» лингвистического символа «Ё».

Как известно, данный символ «Ё» был предложен знаменитым историком и писателем Н.М. Карамзиным еще в 1797 году, т.е. свыше 210 лет тому назад. Кому интересно, могу сообщить, что данный символ Н.М. Карамзин впервые применил взамен ранее применявшихся в русском и украинском языках отдельных лигатур типа «ю» и «ьо». Однако такое «нововведение» не прижилось в русском языке, и лишь только в 1956 году данный символ получил свой утверждённый статус, попав в так называемые «Правила русской орфографии и пунктуации». Однако не прошло каких – то полстолетия и в российской прессе вновь поднимается вопрос о правомерности статуса «Ё» в русском алфавите. Объясняется это прежде всего тем, что символы «Е» и «Ё» практически совершенно одинаковы при написании (разумеется, кроме двух «почти незаметных» точек над Ё. Но если они одинаковы, точнее – совершенно «почти» одинаковы, то зачем засорять русский алфавит какими – то дополнительными символами? А раз так, в повсеместную практику издательского дела вошёл «способ прямой подмены знака «Ё» знаком «Е» - если вы посмотрите в большинство печатных изданий, в них крайне редко вы встретите именно букву «Ё».

Логически обоснованных оснований для изъятия из алфавита русского языка лингвистического символа, означающего «дифтонговое устойчивое звуко сочетание «ЙО», он же Ё», не имеется по нескольким причинам сразу:

А. Данный символ образуется при соединении звука «Й» с особым предельным основанием ротового отверстия в форме горизонтального овала, характерным для звука «О», а не вертикального, характерного для звука «Э».

Б. Данный символ представляет собой констатацию «мягкого модифицированного звука «О», тогда как символ «Е» представляет собой «мягкую модифицированную констатацию знака «Э».

В. Огромное количество понятий русского языка содержит это устойчивое звуко сочетание, которое в ряде случаев из – за подмены одного символа на другой искажает внутренний смысл данных понятий, например, «ёрничать и ерничать», «ёлка и елка», «полёт и полет», «льёт или льет», «орёл или орел», ну и т.д.

Г. Огромное количество имён собственных русского языка, в том числе имён, отчеств и фамилий содержат не только символ «Е», но и «Ё». Машинные средства обработки данных не в состоянии точно идентифицировать принадлежность того или иного варианта написания имени собственного к конкретному человеку, отчего создаётся множество дополнительных трудностей и препятствий: Алёхин это всё – таки не Алехин, Лёва это не Лева, Семён это не Семен или Сэмэн, Симон, Саймон.

Проблема данного лингвистического символа кроется в другом. Если бы создатель этого крайне важного для русского языка символа Н.М. Карамзин в качестве «логической болванки» взял какую – либо разновидность графемы «О» по типу немецкого одноимённого дифтонга, либо по типу польского «подуказателя» мягких гласных звуков, тогда бы этой «графоманской коллизии» не произошло. Данную коллизию удалось бы решить также в результате создания «Правил орфографии» 1956 года путём трансформации символа Ё в более отличный от символа Е, но об этом авторы – составители «Правил» как – то не подумали. Автор данной публикации надеется что в ходе предстоящей реформы графики и орфографии, а проведение её, в связи с существованием данного приложения является крайне важным и неминуемым мероприятием в области русского языка, такого рода недоразумения будут навсегда, бесповоротно и окончательно исключены.

По поводу «искусственного удаления» из русского алфавита «Ижицы», т.е. прямого йотированного дифтонга «ЙИ».

Данный лингвистический символ в первой русской азбуке глаголице кроме фонетического значения еще был одновременно и «типологическим послеуказателем множественного числа предметов и лиц женского рода с окончанием на дифтонг «Я» - «свиньи», «Дарьи» и т.д. , а также предметов и лиц мужского рода с окончанием на согласный звук «Й» - соловьи, воробьи, чьи и т.п. Эта функция «послеуказателя» была крайне важной в тех первичных условиях возникновения русской письменности, когда текст писался «слитным потоком», без пробелов, и когда не было знаков пунктуации.

Сама же идентификация данного лингвистического символа особых затруднений не вызывает – «Ижица» представляет собой звукосочетание, первым звуком которому

в Вост. Болгарии в кон. 9 в. (в Преславе) 11—12 вв. К. и глаголица употреблялись параллельно, впоследствии К. вытеснила глаголицу. Состав и форма букв К. изменялись. Первонач. устав с 14 в.

Кириллица		Греческое уставное письмо	Кириллица		Греческое уставное письмо
Буквы и их название.	Цифровое значение		Буквы и их название	Цифровое значение	
А — аз	1	Α	Х — хер	600	Χ
Б — буки			Ω — омега*	800	Ω
В — веди	2	Β	Ц — цы	900	
Г — глаголь	3	Γ	У — червь	90	
Д — добро	4	Δ	Ш — ша		
Є — есть**	5	Ε	Щ — ща		
Ж — живете			Ъ — ер		
З — зело*	6	Ζ	Ы — еры		
З — земля**	7	Ζ	Ь — ерь		
І — и*	10	Ι	Ѣ — ять*		
Н — иже**	8	Η	Ю — ю		
К — како	20	Κ	Ѧ — (и)я**		
Л — люди	30	Λ	Ѩ — (и)е**		
М — мыслете	40	Μ	Ѫ — юс малый*		
Н — наш**	50	Ν	Ѭ — юс большой*		
О — он	70	Ο	Ѯ — йотов. юс малый*		
П — покой	80	Π	Ѱ — йотов. юс большой*		
Р — рцы	100	Ρ	Ϝ — кси*	60	Ϝ
С — слово	200	Σ	Ψ — пси*	700	Ψ
Т — твердо	300	Τ	Ϡ — фита*	9	Ϡ
Оу — ук**	400		Υ — ижица*		Υ
Ф — ферт	500	Φ			

* Буквы, исключённые впоследствии из русского алфавита

** Буквы, у которых изменилось начертание

и специально созданные буквы, отсутствующие в греч. азбуке и необходимые для передачи соответствующих слав. звуков (Б, Ж, Ц, Ч, У, Ш, Ъ, Ь, Ъ, Ѣ, Ѧ, Ѩ, А и нек-рых др., первонач. состав их окончательно не установлен). До

вытесняется *полууставом*, к-рый положен в основу первых рус. печатных шрифтов. С кон. 14 в. в бытовой и деловой переписке распространяется *скоронись*, а в книжных заголовках — орнаментальная *вязь*. В 1708—10 Пётр I ввёл вместо

Иллюстрация, подтверждающая похожесть знака «Ч», «ижицы» и «й псилона».
(Источник — Большая Советская энциклопедия. 1973 г.в.)

является «согласный звук «Й», а последующим — «мягкий гласный звук «И». Как вы сами успели заметить, данная лигатура «ЙИ», в отличие от всех других («ЙО», «ЙЭ») и т.д.) в себе не содержит мягкого знака «Ь», поскольку в отношении знака «И» лигатура дифтонга «ЙИ» в виде «ЙЫ» либо в виде «ЙЬ» совершенно логически необоснованна, поскольку и «Ы» и «Ь» является искусственной лигатурой, в которой левый элемент обозначал лингвистический вариант руны «твёрдо», а правый — левый элемент сочетания «Инить — Ижеи», т.е. мягкого звука «И».

Эту особенность буквы «Ы», в контексте её прямой фонетической связности с буквой «И» нам ещё предстоит рассмотреть крайне обстоятельно. Но в данном случае пока мы

рассмотрим с пристрастием символ «Ижицу» в ракурсе всех её «помимофонетических» значениях. Для этого слегка отвлечёмся от рассматриваемой темы и обсудим один важный вопрос относительно происхождения в русской азбуке данного символа. У ижицы в русском языке довольно странная и противоречивая судьба. Как это и не выглядит несколько мистичным, но в структурно – логическом пространстве глаголицы данный символ чрезвычайно понятно по своим начертаниям согласуется как с лингвистическим символом 11 «Иже – исток» в контексте предлога «из», так и символом глаголицы 20 «Слово» в контексте предлога «с». Однако в кириллице символ «ижицы» удивительным образом совпадает по своим начертаниям с символом кириллицы 26 и символом глаголицы 29, означающим «Червь». Кирилл первоначально изобразил знак ижицы, своими начертаниями одновременно напоминая как «почти знак «Ч», так и внешний вид латинского символа «У», т.е. «ипсилон». Какие у Кирилла были соображения на сей счёт? Почему чуть позже символ «У» исчез из кириллицы, а его место занял ныне пребывающий в современном русском языке символ «Ч»? Чтобы глубоко не забираться в лингвистические дебри происхождения лингвистического символа «Ижицы», для общего ознакомления, поскольку конкретное ознакомление со всеми значениями этого символа предполагаются в от дельном приложении, посвящённом славянским рунам, отмечу всего один факт с далеко идущими последствиями: Если структурно «глаголическая ижица» связана только с символами 11 и 20 глаголицы, то в «кириллическая ижица» имеет более обширные связи, самым тесным образом стыкуясь со «славянскими» знаками «Ч», «К», «С», «В», «У», «у», «І», «і», «И», «Оук», «Х», и «пси», а также с латинскими символами «С», «V», «I», «J», «Y», «у», «h» и греческими символами византийского устава «Эта (ита) – и), «Йота (и – краткое), «Хи (X)», «Пси (пс)», а также «Й псилоном (и псилоном)». Всей этой связности существует логическое оправдание, поверьте мне на слово.

А теперь, закругляясь в отношении самого чтимого символа русского языка, приведу коллизии ижицы, сопровождавшие её на своём веку. Во времена «Великого раскола» с подачи «хохлов» «ижица» трансформируется в «палочку с двумя точками над ней». В 1708 году по распоряжению Петра I ижица изымается из азбуки русского языка. Через 2 года ижица вновь восстанавливается. В 1735 году ижица, уже по распоряжению коллективного органа в лице Императорской Академии наук, вновь изымается из русского алфавита. Однако через 23 года, в 1758 году вновь от лица всё той же Академии восстановлена «ненужная» ижица. Окончательный приговор ижице вынес Декрет Совета народных комиссаров РСФСР, опубликованный 23 декабря 1917 года, казалось бы, навсегда упраздняющий данный символ из алфавита русского языка.

Навсегда ли? У автора приложения №1 есть целый ряд сомнений по этому поводу.

1. Типологический инвентарь в виде окончания «йи» в русском языке, как и во многих славянских языках, еще не изжит, и не будет изжит в отдалённом будущем, поэтому устойчивые звукосочетания с окончанием «ЙИ» - чйи, овечйи, свиньйи, соловьйи, ну и т.д. будут продолжать своё хождение в речи.
2. Кроме этого, такое «раздельное» написание, либо «общее» написание в виде дифтонга «ижицы» является наиболее естественным для речи славянских языков, поскольку наиболее естественно передаёт сам строй славянского произношения.
3. Если в некоторых языковых системах данный символ несёт около 7 фонетических значений, как это случилось, к примеру, в английской языковой системе, то в рамках русского языка данный символ нёс одно – единственное значение, значение «прямого дифтонга», состоящего из «согласного звука «Й» и последующего «мягкого гласного звука»И», т.е. «ЙИ».
4. В русском алфавите издревле, помимо самой ижицы, существовали ещё четыре символа, означающих «прямой дифтонг»: «Я», «Е», «Ё» и «Ю». Добавление в эту плеяду также издревле существовавшего в русском языке дифтонга «ижицы» самым

«впечатлительным» образом завершит логично – слаженный ансамбль, стройную композицию всех «русских настоящих дифтонгов» и придаст системе русской азбуки полную завершённость, потому что в таком случае не надо будет прибегать к разного рода «эрзац – выражениям» типа «свиньи», «соловьи», «Фотии» и т. д. и т.п. Этим мы отдадим дань первым создателям «русских письмен», оказавшихся более дальновидными, чем сегодняшние их современники, борющиеся за так называемую «чистоту русского языка», к чистоте данного языка не имеющей никакого отношения.

5. Кроме этого, восстанавливая ижицу, восстанавливается логическая обоснованность «предельных значений ротового отверстия», которых «в натуре» всего 5. Этим самым фиксируется «логически правильное устройство гласных звуков», согласно которому в русском языке 5 твёрдых, 5 мягких и 5 йотированных (звукосочетательных) гласных звуков.

6. Вводя в русский язык данный символ, а наиболее логичными вариантами данного символа лучше всего будут служить символы «ижицы» из «украинского языка» - «раскольная ижица», русский язык еще более теснее сплотится с братским славянским языком, способствуя тем самым, большому сплочению вокруг общей для многих народов мира «Системы графического выражения звуков», получившей общее название «кириллица».

Таким образом, возвращение ижицы в русскую азбуку – это возвращение русской азбуке изрядной доли здравого смысла, когда этот смысл «отдельными тупоголовыми существами» чуть было не был окончательно рассеян. Ведь даже монголы, которых в русском обществе считали и считают недостаточно продвинутыми в сфере образования, поскольку по современным стереотипам именно их далёкие предки за трёхсотлетнее время татаро – монгольского ига отбросили развитие России на задворки цивилизации, так и те имеют в своей графике, кстати, также основанной на кириллице, символ «ижицы». Русские же в этой ситуации вновь оказались «позади планеты всей». Крайне горько и крайне несправедливо для русских – потомков и татар, и монгол и остальных всех «русичей». Вот, пожалуй, и все мысли по поводу символа «ижица».

Надеюсь и читатель вполне остался доволен доказательством того, что русский алфавит не был «обремененным пустобрёхом», а содержал все пять весьма важных символа русского языка, являющихся «действительными устойчивыми звукосочетаниями»

Утверждение 4. В русском языке существовало 5 (пять) конкретных лингвистических символов, обозначавших «мягкие гласные звуки». (Согласно текущим выводам СТЯ, в русском языке нет никаких мягких гласных звуков, а единственно оставшийся в нём звук «И» расценивается как самодостаточный , т.е. к твёрдому звуку «Ы» не имеющий никакого отношения).

С начала начнём с конца, т.е. парадигмы о том, что в русском языке никаких мягких звуков не было, а значит, никогда не будет. Жил в своё время великий математик и физик Макс Планк. А знаменит он тем, что его имя зафиксировано в одной постоянной физической величине, которая так и называется - «постоянная Планка», иными воспринимаемая не иначе как «постоянный запрет», а также «уравнением Планка», которое якобы совсем недавно было решено одним петербургским математиком. Скажу откровенно – математической, а тем более физической мути Планка мне не пришлось отвеждать. Но. Кроме этих двух своих сентенций, Макс Планк еще создал величайшую формулировку общественного прогресса науки, опровергнуть которую невозможно было ни тогда , ни сейчас, а тем более , в некоем отдалённом будущем времени в силу своей логической безусловности. АДП также попытался её опровергнуть, но не получается. Пока. Для тех русских филологов, кто её не знает, привожу дословный перевод:

«Научная мысль торжествует по мере того, как вымирают её противники».

Это первое и весьма важное замечание. А теперь переходим к более содержательному анализу доказательств существования в русском языке мягких гласных звуков.

При анализе первой русской азбуки глаголицы автором приложения №1 конкретно было определено пять лингвистических символов, несших конкретное фонетическое значение «мягкого гласного звука».

1. Символ 11- как мы выяснили раньше, это знак «мягкого гласного звука «И»».
2. «Юс малый», иначе обозначаемый как «Э носовое».
3. «Юс большой», иначе обозначаемый как «О носовое».
4. Символ под названием «Ять».
5. Еще один символ глаголицы, названный мною как «Ю – разорванное»

Проведем структурный анализ данных символов глаголицы по внешнему виду. Оказывается, первый, четвертый и пятый символы состоят всего из одной так называемой графемы, а вот символы 2 и 3 представляют собой лигатуру, т.е. соединение, созданное из двух символов. Зная о том, что в славянской среде «языкового сознания» существует понятие «двугласные», нетрудно предположить, что «носовое О» и «носовое Е» в этом же «языковом сознании» воспринимались как «дифтонги». Однако у нас, помимо ранее распространенного в научной среде определения понятия «дифтонг» имеется логически обоснованное его понятие. Это понятие называется «ненастоящие, неправильные дифтонги».

В предыдущем рассмотрении нами были выявлены следующие закономерности:

А) – В русском языке имеются только 5 (пять) прямых настоящих дифтонгов – Я, Ю, Е, Ё и «ижица».

Б) – Обратных настоящих дифтонгов в русском языке нет.

А это может значить только одно – «носовое О» и «носовое Е» являются «ненастоящими дифтонгами», поскольку представляют собой «модифицированные мягкие гласные звуки, соответственно, «О'» и «Э'».

Теперь проведем структурный анализ понятийных названий звуков. У первого, четвертого и пятого символа каких – либо семантических значений в глаголице нет. Зато имеются такие значения для 2 и 3 символов:

А) – Оба символа несут в себе одно и то же название – «Юс».

Б) – Оба символа несут название одной и той же характеристики – это «носовые звуки».

Что можно сказать по поводу названия «юс». Обратившись к понятийному ресурсу русского языка, выясняется следующее: славянское понятие «Юс» является однокорневым понятию «уста, губы», показывая тем самым, что эти звуки являются «устными», т.е. «губными», т.е. «гласными».

Но если эти «юсы» гласные, то какие предельные значения ротового отверстия для этих звуков являются характерными? В результате практического апробирования этих звуков с помощью собственного речевого аппарата становится совершенно ясным: для «юса малого «Е»» предельным значением ротового отверстия является «горизонтальный овал», а для «юса большого О» - «вертикальный овал»

Итак, в результате предыдущего и текущего логических анализов установлено три предельных значения ротовых отверстий для символов «1», «2» и «3»:

А) – Щель, характерная для «мягкого гласного «И»»;

Б) – Горизонтальный овал для «носового Е»;

В) – Вертикальный овал для «носового О» .

Теперь необходимо выяснить в каком контексте к «мягким звукам О и Э» применяется понятие «носовой». Обратимся к понятийному пространству русского языка и постараемся выяснить семантическое значение данного понятия.

В русском языке имеется три значения понятию «носовой»:

1. Всё, относящееся к передней, фронтальной части какого – либо предмета или явления.
2. Всё, относящееся к особому нюхательному органу головы человека, расположенному между его лбом и губами головы.

3. Всё, относящееся к прохождению сквозь две носовые полости, расположенные внутри носа.

Проанализировав все существенные резоны, приходишь к следующему единственно верному выводу:

В распоряжении современного русского языка относительно общей фонетики существует особое фонетическое понятие, обозначающее специфическое языковое явление, называемое «прононсом». В частности, «прононс» используется в современном французском языке и в языках некоторых африканских племён. История появления такого фонетического явления связана с тем, что во время широкого распространения «варварских германских племён» по территории Европы, огромное племя так называемых «галлов» расселилось в крайне неудобном для человеческого проживания месте – в болотистых местах современной Франции. Возникшая из – за таких стеснительно – трудных климатических условий «хроническая заложенность носа», продолжавшаяся в течении жизни многих поколений галлов специфически зафиксировалась в их «языковом сознании». Таким образом, «прононс» – это характерная особенность языкового сознания, формирующаяся в результате длительного органического поражения вспомогательного компонента речевого аппарата человека, которым является нос. В славянском «варварском обществе», расселявшегося также в различных климатических средах, как и германские племена, «прононс» имел сугубо локальный, фонетически незначимый, случайный характер. Поэтому вовсе неслучайно появление в славянском языковом сознании таких понятий как «гнусавый» и «гундосый», которые в уничижительном виде актуализировали нехарактерную для всего славянского общества манеру произношения звуков. И всё же понятие «носовой звук» в понятийном пространстве русского языка существует, поэтому требует своего удобоваримого объяснения.

Для этого конкретно выраженного языкового славянского «феномена», по мнению автора Приложения №1, существует единственное разумное, т.е. логически обоснованное объяснение.

Это объяснение опирается на логически обусловленное произношение «мягких» и «твёрдых» звуков. Как вы помните, практически вполне выяснено – для произношения твёрдых звуков «спинку» языка не надо напрягать. А для произношения «мягких» звуков напряжение спинки языка является обязательным. Так вот, при напряжении «спинки языка» так называемая «нёбная часть» речевого канала суживается, поскольку напряжённая спинка языка самым естественным образом стремится приблизиться к основанию «нёба». В связи с частичным перекрытием отверстия речевого аппарата изменяется «консонантный поток» воздуха – этот поток в речевом аппарате поднимается вверх, т.е. начинает проходить в геометрическом отношении ближе к носу. Кроме этого, наиболее актуализированным, т.е. наиболее чётко физически ощущаемым этот «поднятый консонантный поток» воздуха наблюдается именно только для двух предельных значений ротового отверстия – для «горизонтального овала» и для «вертикального овала», т.е. для «мягких модификаций «гласных звуков «О» и «Э». А вот для остальных предельных значений ротового отверстия – «широко открытого А», «узко открытого У» и «щелевого И» ощущение «приподнятия консонантного потока» менее ощутимо, менее актуально. Поэтому «мягкие звуки «А'», «У'» и «И» славянским языковым сознанием не были отнесены к статусу «носowych звуков». Проверить это объяснение может каждый человек. Произнося «мягкие модификации всех гласных звуков», что называется, в «натуре», просто невозможно не уловить и ощутить как поток воздуха при произнесении «мягких О и Э» слегка приподнимается.

Теперь остаётся установить принципиальную разницу между фонетическими значениями «прононса» и «славянского носового гласного звука». Такая принципиальная разница существует:

А. Для «прононса» обязательным атрибутом является «частичное перепускание консонантного потока» сквозь носовые полости.

Б. Для «славянского носового гласного звука» обязательным атрибутом является «приподнимание консонантного потока» в речевом аппарате с помощью «напряжения спинки языка».

Возвращаемся к доказательству того, что символ «ЯТЬ» также в глаголице служил символом обозначения «мягкого гласного звука».

В нашем распоряжении имеется несколько письменных памятников, написанных глаголицей и в некоторых из них наблюдается графический символ, называемый «Ятью». Наиболее характерными, а значит, наиболее доказательными аргументами, для нашего рассуждения являются славянские понятия, содержащие сразу подряд эти два символа.

В качестве образца возьмём два понятия «всяя» и «чаяние».

Начнём с последнего – «чаяние». Как известно из предыдущего утверждения, в русском языке звук «Ч» является условно – непарным мягким согласным звуком. В строгом соответствии с «мягкостью» в современной теории русского языка существует правило, согласно которому звукосочетания типа «ча – ща», «чу – щу» пишутся с твёрдым гласным звуком, в частности – со звуками «а» и «у».

Следуя этой логике, древние писцы, написав слово «чаяние» через «чяние», допустили грубейшую ошибку. Но это по современным правилам орфографии русского языка. У славян в разных диалектах в то время было в хождении два варианта звука «ч» - мягкий, характерный для современного русского диалекта и «ч» - твёрдый, характерный, к примеру для сербохорватского языка (кстати для их различия в этом языке существуют ранее уже упоминавшиеся мною немного отличающихся друг от друга два разных символа).

Поэтому, когда мы произносим «мягкий вариант» звука «Чь», то следующий за ним звук «А» приобретает звучание «мягкого А'». Но если бы мы произносили «твёрдый вариант» звука «ЧЬ», то это вызвало произношение следующего звука в виде «твёрдого А» - «чъяание». И вот чтобы исключить двойственность произношения данного понятия в разных славянских диалектах, грамматической нормой глаголицы было именно сдвоенное написание «гласных мягких звуков А в виде А'ЙА'» в понятии «чаяние».

По поводу славянского понятия «Всяя». Если обратиться к лингвистическому инвентарю глаголицы, то, по крайней мере, несколько символов её обозначают фонетическое значение «мягкого согласного звука», к примеру, «гервьь, т.е. мягкое г», и «г твёрдое», «ш» и «щ», «ф твёрдое «ферт» и «ф мягкое «фита». А вот если мы обратимся к современному сербохорватскому языку, образованному на кириллической основе, то в нём также имеется несколько пар «мягких и твёрдых» символов звуков, в частности, «н», «л», «ц». Но ни в глаголице, ни в сербохорватском языке «пары символов», обозначающей «отдельный мягкий съ» и «отдельный твёрдый с» нет, потому что мягкость данного звука, как и подавляющего большинства остальных гласных звуков на письме передавалась с помощью «подставления, приписывания» после символа этого звука мягкого знака «ь». Но также как и в понятии «чаяние» стоящие рядом два символа «ЯЯ» имеют, несмотря на то, что они совершенно одинаковы по своему начертанию, два совершенно разных фонетических значения:

1. Первый символ «Я» передаёт значение «ложного дифтонга мягкого гласного звука «А'».

2. Второй символ «Я» передаёт значение «настоящего прямого дифтонга Я», состоящего из «начального мягкого согласного звука «Й» и последующего за ним «мягкого гласного звука «А'».

Как мы помним из истории, в 863 году н.э. Кириллом была для славян изобретена вторая азбука – кириллица. Русский народ начал практически использовать на письме кириллицу только спустя почти 130 лет, в результате крещения Киевской Руси в 981 году князем Владимиром Красное Солнышко. К тому времени кириллица прекратила своё хождение в Великой Моравии, да и в Древней Болгарии она понемногу вытеснялась из церковной службы византийскими обрядами, где они проводились на греческом языке. В

результате разного рода непродуманных деформаций, фонетическое значение «Яти» исказилось и в конце концов свелось к фонетическому выражению в речи и письме «мягкого гласного звука «Э'», например, в слове «всЪем». А поскольку для фонетического выражения звука «Ъ, он же Э'» также существовал кириллический символ «юс малый», создавая тем самым неразбериху в грамматическом написании слов с одинаковыми фонетическими значениями, но разными по графике символами, знак «ять» постановлением Совета Народных Комиссаров был исключен из русского алфавита. Но с исключением «яти» и некоторых других символов, особого порядка, систематического характера русский алфавит так и не приобрёл, поскольку для обозначения разных по фонетическому значению «ложных дифтонгов» и «настоящих дифтонгов» остались одинаковые по своим начертаниям символы «Я», «Е», «Ё» и «Ю». Кроме того, обстановку усугубило выдворение из русского алфавита «настоящего дифтонга» «ижицы». Поэтому мы имеем в действительности то, что имеем – глупое и безобразное скопище символов под названием «современный русский алфавит», не обладающий никаким внутренним единством и организованностью. Настолько неорганизованным, что даже выдающиеся русские языковеды из этих «отбросов» неспособны с достаточной точностью определить, сколько же в действительности членораздельных звуков имеет современный русский язык.

Однако найдя, по крайней мере, 4 лингвистических символа, выразивших на письме гласные мягкие звуки, остаётся определиться с «пятым», завершающим весь ансамбль элементом.

Как – то, в очередной раз роюсь в бесконечной сети Интернета, мне попала одна чрезвычайно интересная вещичка. Это было издание «Глаголица» так называемой «Инглиистической церкви староверов», выпущенное в Соликамске.

В конце этого издания были помещены все символы глаголицы, которые существуют в разных письменных источниках, написанных данной азбукой. И вот среди этих символов мною были обнаружены два символа, отличавшихся друг от друга лишь наличием и отсутствием в символе нижней чёрточки. Вначале этому обстоятельству не было придано никакого значения – мало ли ошибок, описок и даже целых выпадений из текста не то что букв, а и целых слов допускали прежние переписчики. Но когда мною начал осмысливаться логический ряд символов «мягких гласных звуков», при более глубоком подходе окончательно выяснилась разница фонетических значений практически одинаковых по своей графике символов.

Разговор идёт, как вы уже догадались, о пятом элементе, о том самом недостающем элементе глаголицы, который якобы в ней отсутствовал, создавая тем самым, явно ощущаемый семантический перекосяк в первой русской азбуке.

Итак, вначале о символе 35 глаголицы, символе с фонетическим значением звука «Ю» (на стр. 38 он значится под №41). Как следует из тщательного анализа, этот лингвистический символ несёт фонетическое значение «настоящего прямого дифтонга», содержащего в себе последовательность фонетического значения «мягкого согласного звука «Й» и мягкого гласного звука «У'» - «ЙУ'» (напомню, у этого глаголического символа «мягкого Ю» два вертикальных графических элемента внизу соединены прямой чёрточкой.)

24	Ɱ	Оукъ	ОУ	400	У
25	Ɱ (ф)	Фѣртъ	Ф	500	Ф
26	Ь	Хьнъ	Х	600	Х
27	Ɱ	Отъ	ОТ	700	—
28	Ɱ (ѣ)	Пѣ (не)	П, (ф)	800	—
29	Ѡ	Ци (си)	Ц, (с)	900	Ц
30	Ɱ (ѣ)	Чръвъ	Ч	1000	Ч
31	Ш	Ша	Ш	—	Ш
32	Щ	Шта	Щ, (шт)	800	Щ
33	Ѡ-ѡ	Кръ	Ѡ краткое	—	—
34	ѡ-ѡ	Кры	Ы	—	Ы
35	ѡѡ	Кры	Ы	—	Ы
36	ѡѡ	Кры	Ы	—	Ы
37	ѡ-ѡ	Кръ	ѡ краткое	—	—
38	Ѡ	Ѡть (ать)	Ѡе дифтонг.	—	Э
39	Ѡ	Хльмъ	Х придых.	—	—
40	Ѡ (R)	Юсь	Ю ю	—	—
41	Ѡ	Юс	Ю ю	—	Ю
42	ѠѠ	Большой юс (ю)	Ѡе краткое	—	—
43	ѠѠ	Едо (одо)	Ѡе полукрат.	—	—
44	ѠѠ	Одо	Ѡ носовое	—	—
45	ѠѠ	Есьмъ	Ѡе носовое дифтонг.	—	—
46	Ѡ	Ѡита	Ф мягкое	—	Ф
47	Ѡ	Ижица (V)	Ѡи	—	—

Иллюстрация, доказывающая существование в глаголице «Ю – разорванного». В данной таблице он обозначен под № 40. (Из самиздатской брошюры христиан – староверов Севера России. 1990 г.в.)

Другой же символ не содержит такое соединительной точки и графически напоминает латинский символ «R». В «инглистической глаголице» данному символу присвоено фонетическое значение «звукосочетания ИУ». Но ведь и звуку «И» и звуку «У» в глаголице имеются соответствующие символы. Но если вспомнить ошибочную версию Л.В. Щербы, которую мы всё – таки рассмотрим в дальнейшем, о существовании в

русском языке «мифического гласного звука «J», которого в действительности нет, то выражение «ИУ» есть ничто иное как очередная попытка выразить «мягкий звук У'», но уже не через первый символ «J» и «У», а через символы «И» и «У». Кроме того, конкретные включения этого «разорванного R» только в середину слова, ибо в начале слов этот символ никогда не встречается, поскольку в русском языке единственным «мягким гласным звуком, стоящим в начале слова является только «ложный дифтонг» «ЬИ», т.е. «И», говорит лишь об одном – этот символ в ряде случаев как раз и служил фонетическим выражением мягкого звука «ЬУ». Именно такой звук существует во многих современных русских словах, к примеру, «утюг», «трюмо», «брюхо», фонетическое значение которого противоположно по своему значению «настоящему прямому дифтонгу» «Ю – «ЙУ'», к примеру, в русских словах «краюха», «Минюст», «блеют», «гниют» и т.д.

Все эти соображения и позволили сделать весьма важный вывод, который необходимо зафиксировать в письменном виде:

В первой русской азбуке глаголице все пять мягких гласных звуков «А'», «О'», «Э'», «У'» и «И» были АКТУАЛИЗИРОВАНЫ путём обозначения их своими собственными лингвистическими символами. Вины самих русских в том, что эти символы впоследствии практически полностью испарились нет. Вся вина лежит на совести создателей теории русского языка.

И доказывать обратное, что в настоящее время происходит в современных учебниках русского языка - это значит пускать пыль в глаза, попытка чёрное выдавать за белое.

Утверждение 5. В русском языке звук «Й» - единственный непарный согласный мягкий звук. (В некоторых учебниках по русскому языку имеются утверждения о том, что парой « звуку «Й» служит «согласный звук «J – йота»).

В современной теории русского языка спор о природе звука такого типа разделил все школы русского языка на два противоположных лагеря: одни считают – звук «Й» имеет свою пару в виде условного символа «согласный J», другие считают - данный звук пары не имеет. Недоразумение по этому вопросу опять - таки связано с Львом Владимировичем Щербой, который, как вы помните, не смог уловить существенную разницу между твердыми и мягкими звуками. Теперь пришла очередь разбираться в отношении трактовки Л.В. Щербой вопроса различия между естественным русским звуком «Й» и «мифическим звуком J».

Вот что он пишет по поводу существования в русском языке двух противоположных форм этого звука : « Многим кажется неправильным отождествление ... звука, обозначенным «Й» с первым элементом ... йотированных дифтонгов. При этом подчеркивается - в первом случае мы имеем дело с ...гласным, а втором – с особым согласным, известным в западных языках под названием йота. В этом есть большая доля правды». Заметьте на всякий случай, что а)- Л.В. Щерба называет звук, обозначенный отождествление, т.е. предполагает существование двух слегка похожих друг на друга звука, видит их заметное различие, символом «Й» - ГЛАСНЫМ ЗВУКОМ, б) – он сам считает неправильным отождествлять эти совершенно разных звука, при этом не имея возможности распознать их с помощью чёткого дифференциального признака.

А далее он делает совершенно логичный с его стороны, но нелогичный с позиции натуральной логики , вывод: «Оставлен в стороне вопрос о фонетической природе звука , как вопрос очень трудный и спорный». После этого идет набор фраз, перемежающихся терминами типа «начальносложный, конечносложный и т.д. т.п. И только в разделе, посвященном сущностному анализу твердых и мягких согласных звукам русского языка, у Л.В. Щербы появляется взвешенное и мудрое утверждение:

«Неверное понимание сути вещей коренится, конечно в смешении звуков с буквами, т.е. в применении к звукам того, что понимается по отношению к буквам.»

Далее следует перечисление достоинств русского языка, связанное с использованием на письме мягкого знака, позволившего обходиться в письме почти вдвое меньшим количеством букв. Ничего более вразумительного, т.е. в данном контексте рассмотрения – логичного. И прежде всего, наиболее ожидаемого – почему в русском языке одни звуки названы гласными, а другие согласными. Ведь если бы такой вопрос прозвучал, а на этот вопрос был бы найден адекватный ответ, наверняка формулировки Л.В. Щербы по отношению к природе этих звуков отличались бесспорностью и не создали того семантического тупика, о который каждый раз спотыкаются начинающие и зрелые лингвисты..

Для выхода из этого сложного семантического тупика нам вновь потребуется естественная логика русского языка. Как уже выше подчеркивалось, материальным дифференцирующим признаком твердых и мягких звуков является условно нами называемая «твёрдая спинка языка». Попробуем произнести звук «Й» с твёрдой спинкой. У нас получился прекрасный во всех отношениях чистейший мягкий согласный звук, который в русском языке обозначен буквой «Й». И это хорошо.

А теперь попробуем произнести этот же самый звук с помощью «вялого, мягкого языка». У нас это попросту не получится. Дело в том, что мягкий согласный звук «Й» имеет еще одну важную характеристику членораздельного звука – консонантность. Что это за термин? Этим термином обозначается тот факт, что одним из многих звукоизвлекающих элементов для всех «русских» членораздельных звуков является проходящий во время произношения звука воздух сквозь речевой аппарат человека (это утверждение справедливо и в отношении подавляющего числа звуков в других языковых системах). Если говорить обо всём сразу но понемногу, в некоторых африканских языках существуют «реконсонантные звуки». Это звуки в русском понимании означаются такими понятиями как чоканье, чеканье, чмокание, чмеканье, цокание, цекание, цмокание, и другое нечто подобное, когда в речевом аппарате создается эффект «разрежения». В русском языке такие звуки могут иметь место быть, но только в качестве нечленораздельных, за которыми не скрывается какой – либо семантический смысл, но имеется некая эмоциональная окраска. Более всего эти звуки следует отнести к междометиям, в основе которых лежат понятия типа «тпру», «гм», «хм» и т.д. Междометие не является «понятием» в полном смысле этого слова, поскольку не подразумевает под собой никакого реального либо идеального объекта окружающего мира – это своего рода «безобъектный объект».

Для «консонантного» исполнения «J, он же Й - твёрдый» неприменим, поскольку его невозможно воспроизвести, что называется, в чистоте, поскольку вместо него будет воспроизводиться «призвук, похожий на нечто среднее между «Й» и «И».

Как выбраться из этого понятийного лабиринта? В природе, как уже было замечено выше, «свято место пусто не бывает». По логике вещей получается следующее – если данный звук не может подходить ни к консонантным, ни к реконсонантным, а тем более - к нечленораздельным, ибо звуки такой природы здесь не рассматриваются - значит этот звук может быть только «неконсонантным», т.е. «никаким». Как это следует понимать? Просто - напроосто это не звук, а его «невоплощенное в звук намерение». Это не звук, а технический прием, который человек способен осуществить благодаря большому количеству степеней свободы языка. Это артикуляционное действие речевого аппарата, не подкреплённое соответствующим перепусканием воздуха сквозь речевой аппарат. Именно этот статус «немного звука Й» мудрыми создателями глаголицы, (а затем перенесенным Кириллом в кириллицу), был выражен в виде лингвистического символа, называемом в русском языке «мягким знаком Ъ» (как мы помним, эта буква русского языка, наряду с «твёрдым знаком Ъ» в русском языке не является самостоятельной фонетической формой).

Это обретение, состоящее из двух «немых знаков звуков Ъ и Ы» сугубо специфическое, сугубо славянское, присущее только данному конкретному «языковому сознанию». При этом необходимо отметить тот примечательный факт, что во всех остальных человеческих языках, в том числе и западных, принимаемых рядом российских филологов и лингвистов как «статусно – образцовыми», создатели теории этих языков, в силу отсутствия в их языке «ни твёрдых, ни мягких» звуков, не смогли уловить «немую, невидимую, фантомную» природу этого технического приема и воплотить его в реальную плоть самостоятельного лингвистического символа, не имеющего никакой возможности «самореализовываться в своем чистом виде». Да им этого и не надо было делать, также как создателям русской теории русского языка не требуется выдумывать символ «твёрдого Ч», поскольку такого звука в русском языке нет. Получается логичная и простая конструкция – если мы при произношении любого членораздельного звука русского языка применяем эффект «немого, но мягкого звука Й», то данное «соитие звуков» является ничем иным как конкретным «вариантом - мягким звуком» противоположному по значению тому или иному «варианту твёрдому звуку». Иными словами говоря, для того чтобы мы произнесли мягкий вариант, допустим, звука «С», нам надо произносить твёрдый звук «С» совместно с формой языка в виде «немого звука Й - Ј». Для этого нам надо «напрячь спинку языка». В итоге у нас получается чистейший мягкий звук «СЬ». Это же положение распространяется на все остальные «мягкие произношения звуков русского языка», за исключением, естественно, «Ј».

Всё, что нам требуется для создания «неконсонантного» варианта «мягкому Й» - напрячь спинку языка, но при этом не пропускать через данную конструкцию воздуха. И поскольку такой технический приём не имеет фонетического значения, то для его актуализации в рамках «древнерусского языкового сознания» потребовалось создание особого лингвистического символа. Поэтому исходя из природы «немого звука Й, т.е. Ъ», в русском языке, как впрочем, и во всех других языках, включая ранее упоминаемые Щербой западными языками, твёрдого варианта согласному мягкому звуку «Й» не существует. А звук, который обозначается, к примеру, в немецком языке как «Ј», совершенно аналогичен русскому «Й», поскольку является согласным звуком. Гениальность Л.В. Щербы для логического решения конкретного случая выразилась в том, что он реально ощутил разницу значений между звуками и буквами их выражающими на письме и существование такой разницы подтвердил. В тоже время, при всей своей гениальности, он на практическом материале русского языка не смог реализовать понятийно сложную логику природы данного «знакозвука» ясно и непротиворечиво. Тем не менее существенное замечание Л.В. Щербы не обошло внимания автора данной публикации и послужило ему весьма важным ключом к исследованию и выявлению разницы, с одной стороны - между природой «мягкого Й» и звука, названного «йотой Ј», а с другой – между природой согласного «Й» и «мнимогласного Ј».

Попытаюсь выяснить ещё один принципиальный момент. А именно – в чём же тогда состоит суть заблуждений Л.В. Щербы в отношении звука «Ј, он же йота»?

Как и в предыдущем случае, когда Лев Владимирович перечислял «русские твёрдые и мягкие звуки», а затем «латинские «якобы твёрдые» и «якобы мягкие» звуки, им вновь была допущена стратегическая ошибка. Как вы помните, в русском языке нет понятий, начинающихся на «мягкий гласный звук», (разумеется, кроме звука «И»). А к примеру, в немецком языке, такие понятия есть. Так вот, Л.В. Щерба, особо не вникая в эту существенную мелочь, принял «ненастоящий дифтонг» иностранного происхождения, который в действительности есть «мягкий гласный звук» за некий промежуточный вариант «настоящего, йотированного прямого дифтонга». Принципиальная же разница между этими двумя типами дифтонгов состоит в том, что «настоящий дифтонг» начинается с согласного мягкого звука «Й», а «ненастоящий дифтонг» начинается с «призвука», в данном случае ощущаемого как некая «краткая» разновидность звука «И».

Прямым подтверждением этому служит следующее обстоятельство – в том же немецком языке, для того чтобы действительно произносился «прямой настоящий дифтонг» на письме применяется знакосочетание, состоящее из первого лингвистического символа «J» и последующего за ним какого – либо гласного звука, например , «Jawa», т.е. Ява , по – русски.

Лев Владимирович, таким образом не принимал во внимание то важнейшее обстоятельство, что конструкция «мягкого звука с напряженной спинкой языка» не является сочетанием двух отдельно существующих членораздельных звуков. Мягкий звук, это всё – таки один членораздельный звук, представляющий собой «модифицированный » вариант противоположного в фонетическом значении звука, т.е. в конкретном виде имеющий несколько иную фонетическую окраску чем звук твердый.

И поэтому, не до конца постигнув, не ознакомившись с этой особенностью, им были сделаны крайне неосмотрительные скоропалительные выводы.

Напоследок остаётся выяснить один важный момент – что конкретно подразумевал Л.В. Щерба , называя J «гласным звуком»? Как вы уже успели понять, «J, он же «Й – немой» - это технический приём «отвердевания» языка. Языку для его отвердевания требуется некоторый промежуток времени. Да и само извлечение звука, не важно, «твёрдый» это звук или мягкий, также требуется время. Так вот самый начальный период произношения носит некий «инерционный» характер и этот период имеет несколько отличное звучание. По сути – это не сам звук, а его предварительная стадия, призвук, находящийся во времени раньше звука. В материальном аспекте «призвук «J» - это ничто иное как «придыхание», возникающее при произношении любого « мягкого гласного звука». Тем не менее, подавляющее большинство западных и русских языковедов , в том числе, разумеется, и Щерба Л.В. считают «призвук, придыхание «J - йоту, он же «Ь – мягкий знак, он же «Й – немой»» отдельным «впередистоящим» звуком, не имея на это никаких логических обоснований. Для этого надо найти специальное место, чтобы окончательно определиться, почему этот звук безосновательно считается гласным

Утверждение 6. Ни в русском языке, ни во всех остальных человеческих языках звук «Й» никогда не был и никогда не будет гласным звуком. (В качестве продолжения развития темы дифференциации гласных и согласных звуков, но уже под другим углом рассмотрения невозможности «спаривания в одно» разных по природе звуков).

Как вам было заявлено из предыдущего утверждения, звук «Й» не имеет своей консонантной пары в виде технического приема, выражаемого в русском языке через символ « мягкий знак Ь». «Й» - единственный непарный согласный звук. А сейчас вам будет продемонстрировано ещё одно доказательство невозможности одного и того же членораздельного звука быть одновременно и гласным и согласным звуком.

Из рассуждений Л.В. Щербы понятно его предпочтение называть звук «Й» звуком гласным. Самое разумное – самое очевидное. Всё дело в том, что во многих учебниках по русскому языку, а также в орфографических и толковых словарях лингвистический символ называется по разному. Иногда его называют «йот», но в большинстве случаев названием этому звуку служит «И краткое». Но. Каким бы кратким не был звук «И», этот по своему прямому определению есть именно гласный звук. И вот тут, на фоне этой коллизии возникают сразу три взаимопротиворечащих друг другу исключения – а): нелогичен русский язык; б): нелогичен Щерба Л.В.; в) – нелогичен автор данного приложения, доказывающий отсутствие в русском языке «гласного звука Й». В этой ситуации крайне важно выяснить – какие основания и резоны позволяли Л.В. Щербе утверждать «гласную природу звука Й»?

Греческие буквы (византийский устав)			Славянские буквы — кириллица и глаголица					
Название буквы	Звуковые значения букв	Форма буквы	Форма буквы		Название букв	Звуковые значения букв	Цифровые значения букв	
			кириллица	глаголица			кириллица	глаголица
альфа	а	Α	А	Ⲁ	аз	а	1	1
бета, (вита)	б, затем и	Β	Б	Ⲃ	буки	б	—	2
гамма	г	Γ	Г	Ⲅ	веди	в	2	3
дельта	д	Δ	Д	Ⲇ	глаголь	г	3	4
э псилон	э (краткое)	Ε	Е	Ⲉ	добро	л	4	5
—	—	—	—	—	есть***	е, э	5	6
(дигамма)	(w)	(F→S)	Ѡ	Ⲋ	жизнеть	ж	—	7
дзета	дз	Ζ	З	Ⲍ	лепо**	з—дз—з	6	8
эта (ита)	э (долгое, затем "и")	Η	И	Ⲏ	земля***	дз—з—з	7	9
нота	и (краткое)	Ι	И	Ⲑ	юже***	и	8	20
—	—	—	—	—	и [†]	и, й	10	10
каппа	к	Κ	К	Ⲓ	дервь	г (палатальный)	—	30
лямбда	л	Λ	Л	Ⲕ	како	к	20	40
ми	м	Μ	М	Ⲗ	люди	л	30	50
ни	н	Ν	Н	Ⲙ	мыслеть	м	40	60
о микрон	о (краткое)	Ο	О	Ⲛ	наш***	н	50	70
пи	п	Π	П	Ⲝ	он	о	70	80
ро	р	Ρ	Р	Ⲟ	покой	п	80	90
сигма	с	Σ	С	Ⲡ	рши	р	100	100
тау	т	Τ	Т	Ⲣ	слово	с	200	200
—	—	—	—	—	твердо	т	300	300
фи	ф	Φ	Ф	Ⲥ	ук***	у	—	400
хи	х	Χ	Х	Ⲧ	ферт	ф	500	500
—	—	—	—	—	ха	х	600	600

омега	ο	Ω	Ѡ	Ⲋ	омега [†]	ο	800	700
—	—	—	ϰ	Ⲍ	ца	ц	900	900
—	—	—	Ϸ	Ⲏ	червь	ч	90	1000
—	—	—	ϸ	Ⲑ	ша	ш	—	800
—	—	—	Ϲ	Ⲓ	шта	щ	—	—
—	—	—	Ϻ	Ⲕ	ер	о ² (краткое глухое)	—	—
—	—	—	ϻ	Ⲗ	еры	ы	—	—
—	—	—	ϼ	Ⲙ	ерь	е ⁴ (краткое глухое)	—	—
—	—	—	Ͻ	Ⲛ	ить**	сверла ѡа, ѡе, затем закрытое е	—	—
—	—	—	Ͽ	Ⲝ	ю	ю (йотиров.)	—	—
—	—	—	ϻ*	Ⲟ	и***	и (йотиров.)	—	—
—	—	—	ϼ*	Ⲡ	е***	е (йотиров.)	—	—
—	—	—	Ͻ*	Ⲣ	юс малый**	ѣ ²¹ (новосое)	—	—
—	—	—	Ͽ*	Ⲥ	юс большой**	ѣ ²² (новосое)	—	—
—	—	—	ϻ*	Ⲧ	юс малый**	ѣ ²³ (новосое)	—	—
—	—	—	Ͻ*	Ⲩ	йотированный юс большой**	ѣ ²⁴ (йотированное)	—	—
—	—	—	Ͽ*	Ⲫ	йотированный юс большой**	ѣ ²⁵ (йотированное)	—	—
кси	кс	Ξ	Ѡ	—	кси*	кс	60	—
пси	пс	Ψ	ѡ	—	пси*	пс	700	—
тета	ѡ	Θ	Ѣ	—	фита*	ѡ — ф	9	—
й псилон (и псилон)	ѣ (немецкое) затем "и"	Υ	Ѥ	—	ианца*	и (русское)	300	—

Таблица 1.

Алфавиты кириллицы и глаголицы в сопоставлении с буквами византийского устава. В графе «Форма букв кириллицы и глаголицы» крестиком помечены буквы, появившиеся, по-видимому, после написания Храбром «Сказания о письменах». В графе «Названия букв» (славянских) одним крестиком помечены буквы кириллицы, исключенные из русского алфавита вследствие

их начальной неужности для передачи звукового состава старославянской и русской речи; двумя крестиками — буквы, исключенные в связи с историческими изменениями звукового состава старославянской и русской речи; тремя крестиками — буквы, у которых изменилась графическая форма

Иллюстрация непоследовательности использования в обозначениях византийских символов понятий «длинный и краткий». (Источник — книга В. А. Истрина «1100 лет славянской письменности». 1988 г. выпуска.)

У Л. В. Щербы были веские и убедительные причины называть знак «Й» гласным звуком. Дело в том, что одновременно и в русском языке, и в греческом языке, с которого Кирилл делал свои переложение новой графической системы письма, существуют противоречия относительно названий гласных звуков. Например, 6 символ древнегреческого письма византийского устава называется «э псилон», а звуковое его значение выражается как э — краткое. 9 символ называется эта (ита) и поначалу имел

значение э долгого, а потом просто звук «и», кстати, соответствующий глаголичному символу 11 «Иже». 10 символ называется иота со звуковым значением «и краткое», соответствуя 10 символу глаголицы, состоящему из двух символов – левой «Инити» и правого «Ижеи». 16 символ о микрон имеет звуковое значение о краткое. А последний символ этой азбуки называется и псилон (й псилон) со звуковым значением «и», в то же время соответствуя символу глаголицы «ижица».

Путаница в названиях и звуковых значениях очевидна по самой простой причине: греческое понятие «псилон», в данном конкретном случае относительно понятия «краткий», означая «длинное», тем не менее, невзирая на такое обстоятельство, в некоторых случаях обозначает как «краткий», так и «длинный» звук (выступая в своём дополнительном значении как «прикрытый, щелевой»). А вот понятие «микрон», будучи применённым только раз, обозначает действительно «краткий» звук, не имея при этом дополнительного значения «открытый, заметный». Самое странное для русского человека название имеется в фонетическом значении «Й псилона, он же и псилона» - во – первых, трудно даже представить, каким образом можно произносить «длинный звук, или даже прикрытый «Й». По крайней мере, как я сам не старался, этого у меня не получилось, а во вторых интересно само фонетическое значение, даваемое в книге : «немецкое И».

Оба понятийных элемента в отношении гласных греческих звуков существуют не раздельно, а образуют некую семантическую связку, выражаемую в русском языке как «короткий – длинный». О том что длительность звука имеет значение в некоторых языках, Л.В. Щерба прекрасно знал – по крайней мере, значению длительности согласных в русском языке он посвятил достаточное количество места в своих публикациях, вполне и окончательно определившись в том, что фонетического значения длительность согласных звуков в русском языке не имеет никакого. Не мог он не знать и о существовании значения длительности гласных звуков (по крайней мере – исходя из практики существования таких звуков в некоторых западных языках, например, в шотландском.) Но даже если он и не имел сведений о значении длительности гласных в шотландском языке (а для выяснения значения этих звуков лишь только в конце двадцатого столетия ООН выделило около 70 миллионов долларов), о существенном значении длительности гласных он мог знать по самой простой и вразумительной причине: и в русском языке, и в греческом уставе (азбуке, на которой были изложены первые христианские тексты) для обозначения рассматриваемого здесь нами звука «Й» применялось двойственное по своей сути понятие. Например, в греческом языке для выражения этого звука на письме применялся знак «йота». Но кроме «йоты» в качестве эрзац – заместителя применялся еще один лингвистический символ, называемый в греческом языке ита (эта).

А теперь о самом важном звене утверждения. Если посмотреть на все символы византийского устава, а также на символы кириллицы, обозначающие все «краткие» и «длинные» гласные звуки, то они состоят из одного символа. Но вот глаголический аналог древнегреческому символу «йоты» состоит из двух символов, ранее уже упоминаемых «Инити» и «Ижеи». Однако фонетическое значение в русском же языке ия данного символа носит общее «двусмысленное (полисемическое) его значение, как «и – краткое».

Но ведь О краткое и Э краткое в нашем представлении отличаются от И краткого, поскольку «И краткое» по сути есть «двуликий Янус» - с одной стороны его можно произнести как И, а с другой – как Й. Остальные гласные краткие звуки невозможно исполнить в «согласном варианте» По этой причине Щерба прямо и откровенно заявил – о природе этих звуков в российской филологии существует спор. Этот спор имеет место быть и до настоящего времени.

Если отбросить малосущественные моменты, основанием для неразберихи и спора в российской филологии было и остается недопонимание внутреннего фонетического

содержания понятия «И – краткое». Как уже было сказано, до сих пор в ряде работ по русскому языку содержится указание о том, что «И – краткое» это как раз то, что мы называем звуком «Й» или просто «йот, йота». Но в работах Щербы «И – краткое» как раз и называется гласным звуком, поскольку уже из самого названия этого понятия следует непреложный логический вывод о том, что «Й» - это «краткий вариант» гласного (именно гласного, а не согласного) звука «И». А если в русском языке имеется согласный звук «Й», то по каким причинам в этом языке не может быть места гласному «Й»? Логика железная и такой логике очень трудно что – то возразить, особенно если она проистекает из уст уважаемого ученого, и тем более что для подтверждения и лингвистического подкрепления «двуединой» природы этого звука в теории русского языка имеются особенные термины, называемые «переднеконечные» и «заднеконечные» звуки. Поэтому существование «гласного Й», по сути, не было проблемой для Л.В. Щербы, ибо он ее решил путем введения в понятийное обсуждение символа «J». Существование данного гласного звука было проблемой оппонентов Щербы, не нашедших достойных контраргументов для логически обоснованного отказа существованию «гласного Й», т.е. звуку J» в русском языке.

И вот тут нам для сущностного разбора и определения реальности либо нереальности существования в русском языке одновременно «гласно – согласного звука Й», т.е. «И краткого» вновь приходится обращаться к его внутреннему понятийному ресурсу, Ибо куда ещё обращаться, кроме как к нашей последней надежде?

Если у кого из читателей сохранилось в памяти сущностное рассмотрение понятий «твёрдый и мягкий», о которых речь велась выше, то под внутренним понятийным ресурсом понимались семантические значения, применяемые относительно к конкретным понятиям. А поскольку такой подход оказался вполне продуктивным, т.е. логически обоснованным, поскольку именно благодаря такому подходу был определен контекст значений «твёрдый и мягкий» применительно к звукам, нам остаётся попробовать определить конкретное значение «краткий» применительно к тому, что называется «И краткое».

Оказалось, что в русском языке совершенно очевидна связь понятия «краткий» с понятиями «кроткий», «короткий», «кратный» и «крутой». Несомненна и коренная связь этих слов с украинскими понятиями «краплина – капля дождя», «крапка – точка», а также с русским «накрапать – написать». Всё это накладывало дополнительные трудности при определении действительного контекста понятия «краткое И».

Как же так – существует понятие «краткий звук», а семантического значения в данном контексте русский язык не имеет. Чужь какая – то. И даже несколько приближенное семантическое значение «короткий», т.е. небольшой, для обозначения хотя бы разницы в высоте написания букв не находило реального обоснования, поскольку в рукописных текстах большая высота букв могла быть как у «и – краткого», так и «и – длинного».

После долгих и бесплодных попыток найти какой – либо удобоваримый вариант значения, мой окончательный интуитивный выбор остановился на понятии «кроткий». Почему?

1)- Во первых, синонимов к этому понятию в русском языке оказалось гораздо больше, чем к «короткий» и «крутой», а стало быть, и выбор оказался значительно большим: тихий, спокойный, нетребовательный, застенчивый, робкий, послушный, вежливый, невозмутимый, не возражающий, покладистый, обязательный, смущающийся, безгласный и, наконец, незаметный.

2) - Понятие «незаметный» в контексте «кроткий» выделялось одной характерной особенностью – данное понятие совершенно контекстуально совпадало с одним из значений греческого понятия, обосновавшемся в русском языке под названиями «микрон» и производным от него понятием – «микроскопический».

Однако связанность понятий «о – микрон», в одном из вариантов выразивших греческое понятие «И краткое» с русским понятием «И – краткое» была сугубо интуитивной, поскольку не хватало ощутимых аргументов подтвердить в реальности данную связь по

признаку «незаметность». Как применить признак незаметности к понятию «краткий, значит незаметный», когда в русском языке существует фразеологическая идиома «ни на йоту не ошибиться», означающая такой вариант действия, когда любая малая – мальски неточность может свести на нет всю скрупулезность предыдущих действий. Эта же идиома, как на грех, имела непосредственное отношение к письменности, к написанию членораздельных звуков, требовавшая от переписчика текста максимального внимания к точному и абсолютно адекватному выражению в письме всех графических элементов, поскольку одним из значений понятия «йота» в русском языке как раз является «самый минимально значимый элемент письма». Да и само понятие «йота», в некоторых случаях служит прямым синонимом понятию «буква», «знак». Это каким же надо быть идиотом, чтобы не заметить совершенно незначительной разницы (типа «совершенно незаметного слона») между русскими лингвистическими знаками, например «г, т», «ш, щ», «н, ч, и, п», «ж, х», «ь, ъ, ы», «й, и», «з, в» и т.д. В таких условиях, когда «комар носа не подточит», не то что говорить о контекстной связанности определения звука «краткий» как «незаметный», а даже и мечтать не приходится.

В таких условиях надо особым образом проявить не столько прыть и знание языка, сколько оригинальность авторского видения ситуации, творческий неординарный подход и аргументацию, к которой, будь жив Лев Владимирович Щерба, так и тот не нашел чем возразить. Поэтому мне пришлось как в сказке, пойти туда куда каждый уважающий филолог должен был заглядывать много раз и добыть то, чего каждый уважающий себя филолог в том месте не смог приметить. Этим местом оказалась глаголица – первая русская система письма, существование которой реально, и не знать русскому филологу о ее существовании один из семи смертных грехов.

Покопавшись в Большой Советской Энциклопедии, мне удалось обнаружить «азбуку глаголицы» и прилагавшуюся к ней статью, из которой следовало, что: «Почти полностью совпадая со второй славянской азбукой – кириллицей – по алфавитному составу и расположению, звуковому значению и названию букв, глаголица резко отличалась от неё формой букв».

Однако, внимательно взглянув на глаголицу, автору бросилась в глаза некая нестыковка, заключающаяся в том, что 10 (десятый) по порядку символ глаголицы, который, судя по всему, являлся графическим выражением звука «И краткое» и 33 (тридцать третий) содержат в себе общий для обеих символов элемент в виде схематически нарисованной фигуры женщины, одетой в платье с пышными короткими рукавами. Это меня заинтересовало чрезвычайно и я, как и полагается в таких случаях, решил более подробно ознакомиться со всеми значениями кириллицы и глаголицы.

У русских языковедов существует одна библиографическая редкость, которая называется «1100 лет славянской письменности» В.А. Истрина. Из этой книги следовало, что между двумя азбуками существуют значительные различия, и прежде всего, в числовом значении, в количественном составе, а также в некотором расхождении фонетических значений символов. Однако наиболее значимый результат мне принесло почерпнутое из Интернета своеобразное издание «Глаголица», созданное, как это указывалось на обложке, адептами «Асгардского Духовного училища Древнерусской Инглистической Церкви Православных Староверов – Инглингов». Один из духовных центров этой церкви располагается, как следовало из установочных данных, в г. Соликамске. Скажу сразу – в духовном аспекте это издание совершенно противоречиво: чего хотя бы стоит утверждение о том, что глаголица является последующей копией, т.е. торговым, особым «шифрованным» вариантом письма «буквицы», при том, что под «буквицей» подразумевается кириллица, имеющая историческую дату своего появления и автора, а глаголица такой даты не имеет. Несмотря на очевидные противоречия, ряд рациональных моментов всё же имеется.

Иже (исток) И 20

Иллюстрация, подтверждающая помимофонетическое значение данного символа служить «начальным основанием». В глаголице это был 11 по порядку символ, «конный», т.е. «законный», запредельный для 10 впереди стоящих символов с титлами от 1 до 10. В кириллице символ «Иже» утратил данное внефонетическое значение, тем не менее. Называясь «десятычным И».

Инить ĭ 10

Ижен і 10

это лучший способ выжить. И это все обозначалось **ИНИТЬЮ** - глаголической буквой. Она всегда ставилась в том контексте, который касался общинной деятельности - копой (или, как многие говорят, не копой, а купой, потому что писалось через Ѹ (оук), совокупность копа (кѹпа) - общинное право), отсюда, слово купно - сообща. И поэтому в словах, которые обозначают общинную структуру, т. е. совместные действия людей, ставилась в глаголической форме **инить** Ѹ (или в буквенной форме ĭ). Если разбирать слово Мир: Мѣрь -

Иллюстрация о помимофонетическом значении этих двух специфических символов, объединённых в один - символ 10 глаголицы, называемый общим словом «Ижеи».
(Источник – самиздатовская брошюра христиан - староверов «Глаголица», Соликамск 1990г.)

Исходя из данных этой брошюры, к тому же веско подкрепляемый БСЭ, 10 (десятый) символ глаголицы действительно состоит из двух самостоятельных лингвистических символов, левый из которых называется «Инить», а правый «Ижеи». Оба символа при этом несут единое для обеих цифровое значение 10. Но вот следующий за этими символами символ «И – иже, исток» почему – то несёт цифровое значение 20. Существует ли между «двумя десятыми» и «одним одиннадцатым» символами глаголицы какая – либо связь? Это обстоятельство занимало меня долгое время, но как – то вдруг мне в голову пришла мысль о том, что такая связь имеется, по той простой причине, что я знаю украинский язык. Но при чём тут, вы спросите, украинский язык, если речь идет о «глаголице»? Дело в том, что в украинском языке существует две формы написания одного и того же союза «И» - в виде союза «і» . и в виде союза «й» По сути, эти два лингвистических символа являются прямыми синонимами друг другу, но только когда они применяются в качестве союза – во всех остальных случаях это совершенно разные буквы.

А ещё мне на ум пришла расхожая детская загадка – поговорка: «А и Б сидели на трубе, А упало, Б – пропало, что осталось на трубе?». Обычно в качестве разгадки служит ответ: «И» осталось на трубе. Загадки такого типа не имеют однозначного ответа, потому что при любом варианте ответа подразумевается вполне обоснованный «продублированный вариант ответа». Игрушкой этой загадки служил «союз И», который в одном случае олицетворяется как некая вещь, а в другом – «пустой промежуток», т.е. ничего.

Кроме этого, в «Соликамской глаголице» отмечался тот факт, что оба элемента символа 10 всегда ставились в том контексте, который касался чего – то общего, т.е. некой совокупной, общинной структуры. Но какой наименьшей единицей общинной структуры может служить «десятый» символ « глаголицы», кроме «четы»? И действительно, «два символа в одном» своими очертаниями напоминают чету, состоящую из женщины (слева) и мужчины (справа). Более того, такие символы чрезвычайно близки по начертанию символам, которые рисуют на дверях, к примеру, мужского и женского туалета в общественных местах, разумеется, не вместе, а отдельно.

Исходя из такого целостно – созревшего для меня представления, возник и вполне логически обусловленный вывод о том, что данный «десятый» символ глаголицы нес кроме фонетического значения еще целый ряд «помимофонетических» значений.

Например:

а) - данный символ заменял на письме весьма важный арифметический символ «плюс +» (в русском значении данный символ обозначается как «знак СОЧЕТАНИЯ»), т.е. прямо и недвусмысленно указывает именно на одно из прямых значений данного символа (конкретное переименование выглядит совершенно логично и непротиворечиво : «А+(плюс) Б сидели...» и далее по тексту).

Обнаруженная в Новгороде «берестяная грамота» с текстом азбуки кириллицы как иллюстрация реальности применения символа «Ижеи» в качестве знака сочетания (между «Иже» и «К» стоит «+»).
(Источник - учебник по истории СССР для 8 класса .Изд. «Просвещение» 1986г).

Ещё одно «помимофонетическое» значение данного символа состояло:

б) - в передаче логически обусловленной связи, союза, который, в формальной логике имеет специальный термин «конъюнкция». «Чета», т.е. брачный союз мужчины и женщины как раз и является логически обусловленной связью, логическим результатом чего обычно становятся детишки.

Кроме этого данный союз:

в) - имел «структурно - лингвистическое значение, передававшее на письме отношение, называемое в русском языке как «союз «И».

Ко всему прочему, , как это следует из практики применения данного союза в украинском языке, это :

г) - фонетический акцент, которого следовало бы придерживаться, т.е. для поименования союза либо как звуком «й», либо как звуком «и», ибо ничего среднего, попросту не существует в природе, по причине полного их равенства в контексте выражения «союза И».

Наконец:

д)- имеет смысл вспомнить контекст ранее уже обсуждавшегося звука «Ч», который, как известно, ставился в конце фамилий славян и отчество русских.

Если данный «десятый» символ глаголицы рассматривать в контексте какой – либо логической принадлежности, то еще одно «помимофонетическое» значение данного символа состоит в том, что:

е) - он служил своеобразным «послеуказателем принадлежности к тому или иному роду, семье.

Именно этот «послеуказатель» до сих пор существует во многих фамилиях польского, еврурусского и украинского происхождения : например, Хмельницкий, Троцкий, Войцеховский.

Во всех пяти поименованных «помимофонетических» значениях символ 10 глаголицы писался не то что «слившись в экстазе», а рядом – достаточно плотно друг ко другу, состоя, таким образом, не из лигатуры, а из двух самостоятельных символов. Но этими пятью значениями данный символ не ограничивался. Если мы обратимся к 33 символу глаголицы, то данный символ представляет собой также «сочетание» из двух символов. Эта специфическая особенность данного символа нам крайне важна , поскольку в данном символе содержится еще одна тайна русского языка, которую логичней всего назвать «фонетической связностью « звуков «И и «Й», , которую следует вынести за рамки текущей темы и представить в виде отдельно взятого доказательства логики русского языка.

Наконец, еще одним:

ж) – шестым логически важным значением символа «десять» глаголицы следует считать весьма близкое к значению «союза И» прямое , точное и чёткое его значение, внутренний смысл которого составляет та самая «ощущаемую незаметность». Например, мы прекрасно понимаем семантическое различие понятий «официальность, чопорность» и «фамильярность, панибратство», однако , кроме сугубо умозрительного характера разницы, мы также понимаем, что для той же самой «фамильярности» имеется вполне материальное основание – некая «родовая близость» по крови или даже по некоему призрачному «духу».

В этом контексте «незаметности» «И краткое» служило образцом противоположности рядом располагавшемуся с ним символом «одиннадцатым Иже», который считался «заметным», поскольку входил в то или иное «слово – понятие» языка, тогда как совершенно одинаковое его значение в виде «Инити» подразумевало «незаметность», служа «безобъектным союзом И». При этом надо исходить из того, что древний человек обладал в большей мере конкретным мышлением чем современный человек, поэтому вполне логически оправданным считается тот факт, что не только в латинской системе письма, но и в глаголице не нашлось места для выражения конкретного «отсутствия объекта», которое в современной форме на письме получило свой отличительный признак в виде математического символа «0 - ноль».

А теперь перейдем к доказательству того, что звук «Й» никогда не был и никогда не будет гласным звуком, в чём нас пытался убедить Л.В. Щерба и пытаются убедить идейные сторонники его взглядов.

Вся причина в том, что: греческое и латинское «языковое сознание» , в которых не были актуализированы признаки «мягкого» и «твёрдого» звуков, неспособны актуализировать признаки гласного и согласного звука.

А ведь всю свою доказательную базу Л.В. Щерба строил , исходя из знаний, которые обрело языкознание на основании существования зарубежной литературы, зарубежной науки , прежде всего – европейской. Но вот сопоставимы ли данному в типологическом плане тот же русский язык и какой – либо другой европейский язык?

Поэтому в качестве примера действительной невозможности на базе любого продвинутого европейского языка адекватно отразить суть явлений, мною взят пример английской языковой системы. Почему, вы сами поймёте. Итак.

Английские языковеды не скрывают того, что их язык, это по сути «инглизированная версия «латинского языкового сознания», перенесённая на другую языковую почву, т.е. английский - это «новый латинский язык», поскольку для обеих языков «корневые тезаурусы понятий» во многом сходны, т.е. одинаковы. В то же время, если говорить применительно к символу «Y» как лингвистическому аналогу русскому символу «Й», в современном английском языке этот символ применяют, минимум, в семи фонетических значениях:

1. Для передачи звука «И» (manu) – мани, т.е. «минута» по-русски;
2. Для передачи «обратного дифтонга «АЙ» - (my) – май, т.е. «сайка» по-русски;
3. Для передачи согласного звука «Й» (yes) – йэс, т.е. понятие «его» по-русски;
4. Для передачи «прямого дифтонга «ЙИ» (yield) – йилд, т.е. «кий», «острый стержень» по-русски.
5. Для передачи на письме, в частности, русского звука «Ы» (aty – baty), т.е. аты – баты по-русски;
6. Для передачи окончаний славянско – польских и еврорусских фамилий, т.е. «обратного дифтонга «ИЙ» (целиком и полностью соответствуя этим значением одному из помимфонетических значений глаголического символа 10) - Kaminsky, т.е. «Каминский» по-русски.
7. Для передачи окончаний русско - славянских фамилий типа «ый» (в виде односимвольного обратного дифтонга «ЫЙ – «у») (Bedny) – Бедный (Демьян) по-русски.

А ведь в некоторых других европейских языках звук «Й» передается с помощью символа «J» - а тут на тебе, совсем другой символ «Y».

Но если для «древнего» латинского языка такая «многозначительность» данного символа объясняется всё более прогрессивным развитием значения символа «от более размытого» значения «к менее размытому», для современного английского видения такая «многозначительность» является лишним подтверждением «безобразно древнего анахронизма» современных фонетических представлений в сфере «английского языкового сознания». Наверняка, инопланетяне, будь они пришельцами на нашу Землю после нас, так и не смогли бы до конца понять всех значений символа «Y» в английской языковой системе.

Перед нами зримый пример того, что Европа и Запад в действительности для нас не указ, в силу примитивности представлений на сей счёт.

Зададим себе честный вопрос. Если сейчас, в данное время, в одной из прямых версий латинского языка существует явная неразбериха с фонетическими значениями одного и того же символа, мог ли быть более лучший порядок в более древней версии, т.е. в версии латинского языка, существовавшего, к примеру, во время возникновения первой русской азбуки глаголицы? Наверяд ли.

Единственно прямым доказательством актуализации знака «Й» может служить только символ 10 глаголицы, в котором одновременно находится и гласный звук «И - Инить» и согласный звук «Й - Ижеи». Даже Кирилл и тот не смог его актуализировать, ограничившись неопределённой констатацией его как «И краткого». И только гораздо позже, благодаря развитию украинского литературного языка, а вслед ему – развитию русского литературного языка этот звук действительно актуализирован в своей первоначальной чистоте. Во всех же остальных языках он произносится смешанно, т.е. с придыхательным призвуком «И», т.е. в варианте «J», на существование которого в этих языках и обратил своё пристальное внимание Л.В. Щерба.

Поэтому, как бы не хотели адепты признавать существование «гласного J», во всех языках у которых под этим символом подразумевается звук «Й», (а, к примеру, не звукосочетание «ДЖ» или «ДЖЬ»), везде это СОГЛАСНЫЙ звук. Подтвердить это можно сугубо практическим путём. Как уже было ранее заявлено, предельное значение ротового отверстия для согласных звуков не обладает каким – либо фонетическим значением.

Поэтому, если для произношения гласного звука «И» требуется обязательное приведение губ в положение «щели», то для произношения согласного звука «Й» приводить губы в состояние «щели» вовсе не обязательно.

Надеюсь, читатель вполне в этом отношении солидарен с соответствующим утверждением автора Приложения №1..

Утверждение 7. Членораздельные звуки «И» и «Ы» в русском языке являются парными звуками, первый из них мягкий, а второй – твёрдый. (В учебниках по этому поводу какого – либо вразумительного толкования автору встретить не пришлось).

История развития филологических знаний засвидетельствовала имя человека, впервые высказавшего фонетическое сходство обеих звуков. Это был французский профессор Бодуэн дэ Куртэнэ. Об этом факте, в частности, сообщается из книги Льва Владимировича Щербы.

Из этой публикации Щербы Л.В. выясняется действительное отношение его к парности приведённых звуков. Вот что конкретно говорится по этому поводу (в разделе, озаглавленном «Фонема «Ы»): а) - вопрос парности звуков «И» и «Ы» является спорным; б) - вопрос спорности сводится к тому, является «Ы» самостоятельной фонемой или это только оттенок, вариант фонемы «И»; и в) – интуитивно Льву Владимировичу что – то мешает считать «И» и «Ы» одной фонемой.

Однако интуитивно что-то мешает нам считать „и“ и „ы“ за одну фонему. И действительно, хотя в конкретных русских словах „ы“ никогда не встречается в независимом положении, тем не менее нас несколько не затрудняет его изолировать и в конце концов по аналогии с глаголами *акать, окать, экать, йкать* образовать глагол *ыкать* (пример Д. Н. Ушакова). А раз так, то уже трудно утверждать, что „ы“ не является особой фонемой, хотя появление его и является фонетически обусловлен-

Иллюстрация того, как интуиция иногда подводит великих русских учёных.

(Источник – «Языковая система и речевая деятельность» Л.В. Щербы) 1961 г. выпуска.)

Автор данной публикации совершенно солидарен со Львом Владимировичем в части того, что не только ему, но и Стрельцову также «что – то интуитивно мешает считать «И» и «Ы» одной фонемой – очевидно тут существует полное затмение сознания , при котором возникает полная неспособность даже графического разграничения самих букв «И» и «Ы».

Однако даже не обладая даром ясновидения, логическим путём вполне объясняется одинаковость этих символов – это «почти» как две капли похожие друг на друга буквы. Или это не так? Вот на тебе, дожили до чего – родных сестёр не признаёте, родимого пятна не находите? А ведь у этих букв имеется один, общий для обеих букв лингвистический элемент – крайняя правая вертикальная палочка у символа «Ы» и крайняя левая вертикальная палочка у символа «И» . Не верите глазам своим? Всё ещё сомневаетесь? Чтобы снять все сомнения, надо заглянуть в первую русскую азбуку глаголицу и увидеть собственными глазами символы «10 и «33».

Что вы в них находите общего? Совершенно верно – левый элемент 10 символа и правый элемент 33 символа являются совершенно одинаковыми, т.е. как я вам и говорил раньше, похожи друг на друга как две капли воды. И в 10, и в 33 символе этот лингвистический элемент называется «Инить», выражавший на письме ранее уже упоминавшийся «мифологический образ гласного «Й», хотя действительное его

фонетическое значение служить «И кратким», т.е. и кратковременным вариантом гласного звука «И».

Ⳑ	а	Ѡ	и	Ѡ	т	Ѡ	ъ
Ѣ	б	Ѡ	мягкое г	Ѡ	у	Ѡ	ь
Ѥ	в	Ѡ	к	Ѡ	ф	ѠѠ	ы
Ѧ	г	Ѡ	л	Ѡ	Ѡ	Ѡ	е я
Ѩ	д	Ѡ	м	Ѡ	х	Ѡ	ю
Ѫ	е	Ѡ	н	Ѡ	о	Ѡ	е носовое юс малый
Ѭ	ж	Ѡ	о	Ѡ	шт	Ѡ	о носовое юс большой
Ѯ	дз	Ѡ	п	Ѡ	ц	Ѡ	Ѡтированный юс малый
Ѱ	з	Ѡ	р	Ѡ	ч	Ѡ	Ѡтированный юс большой
Ѳѳ	и	Ѡ	с	Ѡ	ш	Ѡ	ижица

Первая русская азбука глаголица.
(Источник – Большая Советская энциклопедия 1973 г. издания.)

Однако написание «Инити» совместно с «Ижеи» в виде символа 10 фонетически воспроизводилось в полной форме как «обратный дифтонг «ИЙ», где звук «Й» был последним звуком данного звукосочетания (в то же время, все современные трактовки этого символа почему – то без всяких оснований придают ему фонетическое значение «ЙИ»).

Кирилл при создании кириллицы вместо двух самостоятельных в фонетическом отношении символов создал один (выше уже была представлена азбука кириллица) . Этот символ также состоял из двух элементов – «і». Если у читателя хорошее зрение, то он сможет увидеть как над вертикальной палочкой подрисовано то, что в русском языке называется словом «точка». Вот из этой самой «точки» в русском языке возникло глубокомысленное замечание : «Поставить точки над и», в греческом варианте произносимое обычно как «Ни на йоту не ошибаться». Современному русскому человеку, мягко говоря, не вполне знакомому с той, старославянской буквой «і», совершенно непонятно, как над буквой «и» ставить точку, когда до него уже другие постарались «впендлярить» туда сразу две маленькие , горизонтально расположенные точки, связанные между собой тоненьким жгутиком, отчего она приобрела статус звука «Й».

У украинцев, которые ко времени воссоединения в 1654 г. с Россией имели собственную кириллицу, этот знак служил фонетическим символом звука «И – русского». А вот символ « И – русское» в украинской азбуке служил выражением звука «Ы – русского» Такого символа как «Ы» у украинцев не было, но зато у них была особая разновидность ижицы, представляющая собой кириллическую «і», но уже с двумя точками над ней. И вот когда печатный вал «украинской христианской литературы» в середине XVII века двинулся на Россию, возникла проблема несоответствия ряда лингвистических символов «украинской христианской литературы (УХЛ)» с уже имевшимися на руках русских образцами «кирилло – византийской христианской литературы (КВХЛ) ». А раз существует проблема, необходим поиск взаимоустраниваемого решения. Патриарх Никон, к тому времени «Соправитель» русского царя Алексея Михайловича, собирает редакционный совет , как ранее говорили – «собрание справщиков». Одним из таких справщиков становится протопоп Аввакум, фанатично преданный христианству человек, в его «кирилло – византийском варианте». И вот в собрании «справщиков» протопоп Аввакум устраивает настоящий дебош. Какой

главный аргумент Аввакума? По нашим меркам совершенно ничтожный: какая – то там небольшая разница в написании вроде бы даже как бы и не существовавшего человека имени Господа нашего Всевышнего, т.е. имени Иисуса .

Никому из членов собрания «справщиков» не удалось понять и объяснить сущность коллизии, почему в навязываемом Никоном потоке «УХЛ» имя Христа писалось как сочетание двух «ii», а в потоке староверческой «КВХЛ» - с помощью сочетанного символа, своими очертаниями весьма близкое к данному здесь символу «Н», т.е символу «десятиричное И», которое в кириллице находится под порядковым № 10 – в глаголице порядковый номер символа, выражавшего этот звук числится под № 11. Ну а сам читатель хоть что – то понимает, о чем идет конкретно речь, что имеется ввиду?

По мнению Аввакума «хохлы» своим «хохлацким» написанием первоначальной буквы имени «раскололи Христа надвое», в «такую» новую христианскую веру он не станет верить и призывает к этому всех своих сторонников, новые книги соблюдать не будет, крестное знамение будет совершать «двухперстием», но не «троеперстием», как «хохлы – щепотинники», а за свою старую веру готов кости положить. Вот и пошла религиозная резня , жестокая расправа над людьми, имевшими свои собственные , независимые от официальной точки предпочтения, свои собственные мнения на сей счёт, свои виды на жизнь. К тому времени еще не было изобретено средств быстрого уничтожения - крематориев. Поэтому, дабы придать делу уничтожения религиозных противников планомерно – промышленный вид, «Никоновской камарильей» было создано особое средство, из того что находилось буквально под рукой – деревянные срубы. Ловко «скатывается» сруб, накладывается под сруб сухая соломка и валёжник, загоняешь в этот сруб ватагу староверов, хорошенько подпираешь выход, подождённый смоляной факелок бросается на соломку, и фьють – души староверов напрямиком отправляются ко всем святым. Это стало настолько обычным делом, что порой дело доходило до «самообслуживания» - староверы сами, без чьей – либо помощи извне посылали самих себя, что называется , «на небо». Вот как описывают те страшные времена нынешние старообрядцы: «Одно из первых известий о самосожжении старообрядцев в Сибири относится к 6 янв. 1679 г., когда в Тобольском у. на берегу реки Березовки сгорело 300 (по др. источникам, 1700) чел., спасавшихся в пустыни под началом священноинока Даниила (в миру иерея Доментиана). Об этой гари пишет в своем "Житии" и святой протопоп Аввакум, знавший о. Доментиана. Через месяц в тех же краях случилась новая гарь: крестьяне и казаки собрались во дворе драгуна Константина Аврамова и, несмотря на уговоры местного приказчика, "послушались дьячка Ивана Федорова и все сожглись". В 1687 и 1688 гг. последовали крупнейшие гари на Северо-Востоке России, в Каргопольском у., в местности Доры, где погибло, по преданию, более 4000 чел. По далеко не полным данным, в России до 1690 г. в гарях погибло 20000 чел. В 1693 г. в Пудожской гари погибло ок. 1000 чел. Эпидемия самоистребления охватила старообрядцев. Самосожжение часто происходило на глазах открывшей их убежище воинской команды. При этом, чтобы не самим себя поджигать, поступали следующим образом: на засов, запиравший дверь, ставили зажженную свечу, а на пол наваливали соломы. При первом же толчке в дверь свеча падала, начинался пожар».

Несмотря на всю негативность Великого раскола, тем не менее, этот период самым непосредственным фактом своего существования содействовал расселению русского народа по необъятным просторам Урала, Сибири и даже Дальнего Востока , способствуя тем самым не только освоению природных богатств тех краёв, но и распространению русского языка. Вера то верой, а жить хочется, вот и прыскали староверы от никоновских реформ как пескари от щуки.

С того времени и до сих пор, очаг недопонимания между православием никоновским и староверческим православием тлеет и тлеет. И пока не находится веских причин взаимонепонимание это устранить. Хотя сам Мордовцев Д.Л. считает главной причиной Великого раскола печатный станок, однако, как не крути, как не верти, не

станок в этом виноват, а обычное человеческое недопонимание. А прямым доказательством существования в человеческой среде этого «совсем неприсущего человеку явления» есть данная публикации, призванная поставить ранее не проставленные точки над «И».

Поэтому позвольте вновь вернуться к обсуждению парности звуков «Ы» и «И» в русском языке. Итак, утверждение о том, что глаголические символы «Инить» и «Иже (исток)», он же кириллический знак «десятиричный И» являются лингвистическим выражением гласного звука «И», уже не вызывает никаких сомнений, ибо данное положение не только логически оправданно, но и документально подтверждено. А теперь вновь обратимся к глаголице, к символу 33 – знаку звука «Ы». Этот символ, как вы уже помните из предыдущего доказательства, состоит из двух символов – левого и правого. Правый «Инить» вы также узнаете. Остаётся выяснить какое значение у левого символа. Поскольку мы не знаем, а точнее, считаем незнакомым для нас название символов глаголицы, но совершенно прекрасно знаем названия «кириллических символов, то левый в кириллическом варианте буквально значит как «Ерь». Однако же это также не даёт нам никаких зацепок относительно значения данного знака, который, как мы видим из самых ранних памятников кириллического письма применялся охотно и часто. Но поскольку знак «Ерь» весьма похож одним из своих элементов на глаголический символ 19, означающий в глаголице звук «Р» нам становится очевидная логическая зависимость происхождения понятия «Ерь» и подобных ему «Ерь» и «Еры» - бесспорно это название Кирилл взял из того, что все кириллические знаки содержат глаголический знак 19, имеющий фонетическое значение звука «Р», но он в кириллической азбуке применён совсем не в том значении, что в глаголице. На этом все концы рвутся.

Однако у нас имеется понятийный ресурс русского языка (как хорошо, что он у нас есть), из которого мы узнаём, что среди трёх «Еров» только один из них – «еры» несёт фонетическую нагрузку звука «Ы». Остальные знаки фонетической нагрузки вроде бы не несут, но по всей очевидности, называются также, как и в современной теории русского языка: соответственно, «мягкий знак» и «твёрдый знак». При таком раскладе создаётся логически обоснованное мнение, что и соответствующие названия эти символы носили в глаголице, и только редакция Кирилла в назывании символов 31, 32 и 33 потребовалась для облегчения слухо - визуального восприятия и запоминания этих символов «в натуре».

А теперь вновь вернёмся к символу 33 глаголицы. После того, как мы поняли «нефонетическое» значение твёрдого знака, а именно, что этот знак присутствует в качестве левого элемента символа 33 как «предуказателя твёрдости» последующего «И», мы с полной логической уверенностью читаем точное семантическое значение символа 33. Оказывается, этот двойной символ буквально обозначает «твёрдое И». Заглядываем в кириллицу, смотрим на знак «Еры», который мы также знаем, что он обозначает звук «Ы», и вновь с полной логической уверенностью видим лигатуру, состоящую из а) - «твёрдого знака Ъ» и б) - символа «И», т.е. «І». (В обратном значении «мягкий Ъ» как раз и был бы звуком, обозначенным «И», что целиком и полностью подтверждает родственность связи обеих символов и звуков).

Но ведь «древнее кириллическое» написание символа «Ы» чуть отличается от современного написания «Ы». По имеющимся у автора письменным источникам находишь того человека, который произвел «усекновение», иными словами говоря – «обрезание» головки, конкретнее - верха левой палочки символа «твёрдый знак в контексте со звуком И». Это был Пётр I, который ввел в 1708 году в обиход так называемый «гражданский шрифт». Согласно его уложению, из русского алфавита поначалу были убраны аж 8 лингвистических символов, а всего через 2 года, большинство их снова, по другому распоряжению Петра, попали в азбуку. И в этой суматохе даже и не заметили как с лигатуры левого знака «Ы» исчез лингвистический элемент – «закорючка». Был «Ы», стал «Ы» - ничего страшного в этом преобразовании не случилось.

Удивительный же был человек Пётр Первый, что ему не сунь под руку, мгновенно усекновляет. Сунь стрельца, враз голова отлетает от тельца, сунь твёрдый знак, враз облупит его. Спасибо Богу, что автору данной публикации – чего это я все так и пишу? – не проще ли писать впредь в «облупленном виде» - АДП; Спасибо богу, что АДП не пришлось быть современником Петра Первого, иначе, несомненно, за всю хулу на русский язык, его голова, «усекновенно» отдельно взятая, и язык, также «усекновенно» отдельно взятый, стали бы несомненным украшением любого из имеющихся стендов Петербургской Кунсткамеры.

Преобразованная, усекновенная лигатура знака «Ы» является исключительным лингвистическим событием русского языка. Как мы все прекрасно осведомлены, символ твёрдого знака нам известен по трём его «нефонетическим» значениям – служить «послеуказателем твёрдости согласного звука», «послеуказателем» мужского рода вещи и «послеуказателем лица «мужского пола» . Теперь, выясняется, этот знак «сменил ориентацию» и проявил себя в роли «твёрдого преуказателя» стоявшего после него гласного звука. С повеления Петра, он снова «сменил ориентацию», став уже «мягким преуказателем» мягкого звука «И». Как показали изыскания АДП, этими четырьмя функциями дело не закончилось, поскольку «Ерь» в кириллице обладает еще одной весьма значимой функцией – разъединительной, согласно которой если в слове после символа согласного звука стоит «Ъ», стоящий после него «йотированный гласный звук» провозглашается «дифтонгово йотировано», когда такого знака нет, то гласный звук провозглашается «дифтонгово нейотировано».

А сейчас только что и остаётся читателю, как согласиться с тем, что звуки «Ы» и «И» в русском языке являются парными. У кого же остались последние сомнения, пусть на собственной практике попробует поочередно произносить эти звуки, и он всеми фибрами своей души ощутит разницу этих звуков, состоящую лишь в том, что звук «И» необходимо произносить с «твёрдой спинкой языка», а «Ы», соответственно – мягкой, вялой.

Утверждение 8. В русском, также как и в древнерусском языке, шипящие звуки «Ж» и «Ш» всегда были твёрдыми, а звуки «Ч» и «Щ» всегда были мягкими. (В современных учебниках по русскому языку существует устойчивое убеждение, что все эти шипящие звуки изначально были мягкими, но со временем в силу неназванных, но почему – то «объяснимых» исторических причин звуки «Ж» и «Ш» мутировали и отвердели.).

Скажу сразу – я отвердеваю, уважаемая редакция, в этой ботве современной версии русского языка.

В этой связи приходится вновь напоминать еще один раз формулировку дифференциального признака твёрдых и мягких звуков, гласящий :

Общим для всех членораздельных звуков признаком, подразделяющим их в русском языке на два абсолютно выражаемых, «мыслимо» равных ряда, является «признак чёткости звука», делящий, в связи с альтернативным состоянием языка – твёрдым и мягким, их на две «чети», т.е. чувственно воспринимаемые разности, которые в «языковом сознании» становятся совершенно противоположными и ни сколь не похожими друг на друга.

В строгом соответствии с этим определением звуки «Ж» и «Ш» произносятся без напряжения спинки языка, и поэтому являются «твёрдыми», а звуки «Ч» и «Щ» с напряжением спинки языка, поэтому они являются «мягкими». И никогда в истории существования русского языка данные звуки не меняли своей ориентации.

Но тогда в чём проблема, какие достаточные основания у представителей современной теории русского языка заявлять о некоем «звуковом дрейфе» части шипящих звуков.

Ответ один - в отсутствии должного понимания , в отсутствии надёжного критерия различия на сей счёт.

Дело в том, что в большинстве письменных памятников как кириллицы, так и глаголицы, при написании отдельных слов в их конце очень часто встречаются как «твёрдые знаки», как это, например, происходит с написанием русских отчеств – «Петровичь», с написанием слов мужского рода – «коммерсантъ», так и с написанием целого ряда русских понятий женского рода, заканчивавшихся на так называемые «шипящие звуки» - «вошь», «рожь», «помощь», «речь». Кроме этого, во многих русских словах - наречиях и словах - глаголах обязательным атрибутом был последний знак в виде «Ь» - «сиречь», «напрочь», «слышишь», «молчишь» и т.д. Если бы их не было – одно дело. Но если мягкий знак действительно в этих словах писался , о чём существуют письменные источники, подтверждающие такую действительность - совсем другое дело.

Остаётся выяснить причины , почему во многих словах окончанием слова служили как твёрдый знак , так и мягкий. Из истории развития теории русского языка ясно - это был весьма мучительный и весьма противоречивый процесс: то одни буквы убираются, то другие вставляются, то одни буквы изменяют свои начертание, то другие буквы изобретаются и «втискиваются» в русский язык. Царил полный хаос, одним словом. И причина этого хаоса одна – «смутное представление» о конечном составе членораздельных звуков русского языка. Ведь ни Кирилл, ни его ближайшие последователи не оставили после себя никаких «правил грамматики» и «правил орфографии» (тем более, что русины берегли её как зеницу ока. Никого не посвящая в свои таинства). В «Письменехъ» черноризца Храбра перечислялся лишь состав букв русской азбуки кириллицы, а в самом тексте сплошь и рядом присутствовал хаотический порядок применения лингвистических символов, дублирование одних знаков другими. Хуже того, первые переписчики кириллических текстов практически даже не использовали в письме никаких знаков препинания, а переписчики глаголицы – пробелов между словами. Кстати сказать, даже во многих кириллических памятниках, конкретно – на новгородских берестяных грамотах , практически не видно никаких пунктуационных знаков, а текст записывался слитно, без пробелов.

К сведению любопытного читателя, первый знак препинания «точка» (.) придуман монахом Альдо Мануцием, который изобрёл её в конце XV века для латинских христианских текстов. А в русском языке пунктуация, т.е. совокупная система знаков препинания появляются лишь во времена Сумарокова.

Поэтому наиболее логичным в этом случае будет ответ, что наличие в славянских текстах твёрдых и мягких знаков объясняется желанием таким образом, т.е. путём проставления мягких и твёрдых знаков «развести» отдельные слова текста, отгородить их друг от друга некими значками - символами. Конечно же, в таком объяснении имеется некоторая доля истины, поскольку, как мы знаем, в первых письменных источниках , тексты практически писались слитно. И если бы не наличие особых символов – послеуказателей окончаний слов, то прочитать такой текст , притом, чтобы этот текст стал понятным читателю, было весьма трудным и мучительным делом. Но тогда возникает резонный вопрос – почему для этого использовались два разных по написанию знака, т.е. знак Ъ и знак Ь, когда для «разруливания» хватило бы и одного?

Для более удовлетворительного ответа на значение твёрдого и мягкого знака на письме необходимо обратиться к «грузинской языковой системе», которая возникла, по некоторым историческим источникам, в I веке нашей эры. Интересная особенность «грузинской языковой системы» заключается в том, что в ней имеется так называемая «неопределённая форма рода». В русском языке имеется неопределённая форма глагола, а в грузинском – рода. Как это понимать? В русском языке есть имена существительные и местоимения трёх родов – мужского, женского и среднего. А у грузин такого подразделения слов по половым признакам на рода нет. Это не значит, что грузины не понимают разницу , к примеру, между мужчиной и женщиной, это значит, что особых

отличительных признаков в словах, обозначающих принадлежность предмета к тому или другому роду нет. В русском языке этому положению, например, соответствуют слова Валя, Женя, Шура и т.д.

Но при чём тут твёрдый и мягкий знак?

И вот тут на вновь необходимо вернуться к помимофонетическим значениям символов «Ч» и «Ижеи» и «ижица» русской азбуки. Как вы ещё не успели забыть, «ижица» одним из своих значений «ИИ» обозначает «принадлежность к сообществу, к роду». То же самое наблюдается и в отношении «Ижеи» с фонетическим значением «ИЙ». А вот символ «Ч» также обозначает, кроме своего сугубо фонетического значения, «принадлежность к «русскому роду», т.е. к одной из семей, фамилий, окончанием для которой служит знак «Ч». Но если человек, принадлежащий к этому роду, кроме неопределённой формы принадлежности к нему имеет еще и мужской пол, то дополнительно к знаку «Ч», ещё по глаголическим нормам правописания, присовокуплялся еще один знак - тавро «Ъ знак». А чтобы такой порядок обозначения представителя мужского рода традиционировать, в качестве альтернативы, для обозначения представителей женского рода, к последнему символу слова, означавшего предмет женского рода, в написании присовокуплялся ещё один знак - «Ь». Главным назначением этого знака служило визуальное предупреждение о том, что данное слово не обозначает предмет мужского пола. Поскольку в древнерусском языке было очень много понятий женского рода, заканчивавшихся на «шипящие звуки», то современное «смутное восприятие СТЯ» данного «своеобразного лингвистического изобретения древних создателей русской азбуки» восприняла в превратном свете, весьма далёком от логично – предопределённого.

Дополнительным подтверждением такого применения мягкого и твёрдого знака в качестве «послеуказателя принадлежности к женскому либо мужскому полу» служит, к примеру, немецкая языковая система. Например, в немецком языке для обозначения слов женского, мужского и среднего рода применяются так называемые «артикли» - die, der, das. Кроме немецкого, артикли существуют и в нескольких других современных языках Европы. Разница же, к примеру, между немецким языком и русским в структурно - логической форме выражения артикля следующая: в немецком артикль – это служебное слово, которое ставится непосредственно перед самим понятием, а в русском языке артикли, они же мягкий и твёрдый знаки, ставились в конце слова и не являлись отдельными частями речи.

Наиболее дальновидно и глубокомысленно в отношении правописания слов, оканчивающихся на шипящие звуки, поступили представители «украинской языковой системы», исключив абсолютно из всех этих слов окончания «Ъ» и «Ь» еще в XVI веке. И только «смутность представления» представителей современной теории русского языка позволяет по каким – то только для «истинных провозвесников чистоты русского языка» понятным и осязаемым признакам, осознавать «особенную», «виртуальную дымку» значимости разницы слов, к примеру, «вошь и грош», «помощь и хвощ», «рожь и хадж», «печь и меч», а также многих других слов типа «слышишь», «прочь» и т.д.

Русские люди не настолько тупы, чтобы эту тупость подкреплять еще и дополнительным знанием о том, каким родом и каким вторичным половым признаком отличается «мышь – самец от мышь – самки» или «вошь – самка от вошь – самца». Пора глупостям в теории русского языка прекратиться и на такой почве больше не создавать ни к чему не обязывающих правил и норм. То что было оправданно в древние века, когда принадлежность к роду являлась весьма значимым моментом сохранения русской семейной традиции, а в последующем служила основанием для «наследуемой власти», в современное время является совершенно неактуальным и неуместным. А поэтому обязано быть исключено из ресурсов русского языка как устаревшее и непрактичное для дальнейшего использования обречение. Наиболее достойным местом этому и другим заблуждениям должен стать специальный раздел русского языка, который ещё предстоит воссоздать в его недрах под общим названием «История возникновения,

развития и совершенствования теории русского языка». И этот предмет истории русского языка должен преподаваться в школе наравне с русским языком, дабы он был наглядным примером реального совершенствования человеческих представлений.

Утверждение 9. На всём протяжении существования древнерусского, старославянского и русского языка в русском языке происходила логически обусловленная эволюция фонетического значения символов, в результате которой отсеивалась вся «фонетическая шелуха», а членораздельные звуки обретали совершенно «чистый вид» (В СТЯ эта эволюция определяется как совершенно случайный, сугубо исторический процесс).

В качестве примера такой эволюции вашему вниманию предоставляются преобразования, произошедшие в русском языке со звуком «О».

Как свидетельствуют исторические источники, как в глаголице, так и в кириллице существовало, по крайней мере 5 (пять) особых лингвистических символов, в той или иной мере несущих в себе фонетическое значение звука «О»:

1) – «О твёрдое», 2) - «Он», 3) - «Оук», 4) - «О юс большой йотированный», 5) – «О носовое, юс большой».

К слову сказать, например, в современном украинском языке существует только один лингвистический символ, несущий в себе фонетическое значение звука «О» Насколько правомерно и логически обоснованно применительно к данному языку – это разговор не по моей части, это так, к сведению читателя, для его общего развития.

Каждый символ звука «О» в русских азбуках нёс кроме фонетического, ещё и какое – то своё, помимофонетическое значение. Давайте попытаемся определить какие это были значения и почему все помимофонетические значения поочерёдно исчезли из русского алфавита.

1. Звук «омега», он же «О твёрдое», он же символ 26 глаголицы с титлом 700, он же символ кириллицы с титлом 800.

У Кирилла в его одноимённой азбуке, данному звуку соответствует греческий аналог, который называется «омега» - это самый последний звук древнегреческого языка, а греческий вариант пословицы «от альфы до омеги», т.е. «от начала до конца» в современном русском значении и порядке алфавита звучит так : «от А до Я». Если вы возьмёте в руки какой – либо образчик так называемой «церковнославянской литературы», то в его тексте вы нигде не обнаружите одного только кириллического символа «омеги», выполняющего в письме роль «О твёрдого». Вместе с ним присутствует ещё и «слабенькая копия» глаголического символа «От» (к примеру, в понятии «Отче»). Однако в отличие от кириллического, абстрагированного представителя фонетического значения «твёрдого гласного звуко сочетания «От» русского языка, в глаголическом представлении этот символ выполнял несколько иных, «помимофонетических» значений

А) - Как мы помним из утверждения о парности звуков «Ш» и «Щ», для визуального обозначения символа «твёрдого Ш» в глаголице справа дорисовывался символ «твёрдо» - получалось как «Шт». Знак «Ш», как мы знаем, означает согласный твёрдый звук. А вот для гласного твёрдого звука, т.е. конкретно для звука «О», указатель твёрдости, (тот же самый, но слегка трансформированный рунический символ «твёрдо»), ставился не сбоку, а сверху. В такой конструкции символ «твёрдо» был «надуказателем твёрдости». А поскольку и знак «О» и символ – надуказатель находились в паре, то он одновременно имел фонетическое значение «О – твёрдого», а также особенное фонетическое значение, обозначаемое как «последовательное звуко сочетание «От». В кириллице, на азбуке которой написано всё так называемое «православное христианское наследие» данный лингвистический символ применялся сразу в двух своих фонетических значениях. Поэтому мы, если откроем синодально канонизированный «Краткий молитвослов» издания Троице – Сергиевой лавры (той самой, в Загорске, где Мещеряков в одном из интернатов для слепоглухонемых создавал и применял на практике «тактильный» метод

общения) , то в текстах данного молитвослова заметим, например, что символ «От» в разных понятиях читается по разному: в знакосочетании «Оче» его следует читать как «Отче», т.е. именно как сочетание «От» и далее по тексту, а , к примеру, в знакосочетании «веков», где «О» пишется как греческая «Омега», он читается просто и незамысловато - «О».

Б) - Как мы помним из утверждений относительно 10 символа глаголицы «Ижеи», данный символ нёс ещё целый ряд помимфонетических значений, в том числе - роль союза, т.е. роль «служебного слова. Кроме этого совершенно ясно, что символ 20 глаголицы «слово» кроме фонетического значения являлся обозначением предлога «с». Поэтому, исходя из структурно – логических представлений, символ «От» олицетворялся в «древнерусском языковом сознании» с некой точкой опоры, своеобразной точкой отсчёта (ещё одним символом «изначалия», как уже было сказано выше, был символ «И Иже - исток»). И с этих позиций , кроме фонетического значения символ «От» выражал лексическое значение предлога «от», который до сих пор присутствует в русском языке.

2. «О – он», 16 символ в кириллице, «О – оне», 17 символ в глаголице, «титло 70 в кириллице» и «титло 80 в глаголице. Первоначально, в глаголице, это был не звук, а «краткое гласное звуко сочетание «УО» - его прямым аналоговым символом, к примеру, в английском языке является символ «W». Так, например, в разных переводах «Шерлока Холмса» его напарник и друг воспроизводится то как « доктор Ватсон», то как « доктор Уотсон». В противовес данному звуко сочетанию для противоположного его произношения служил другой лингвистический символ глаголицы - «Оук», на речи передававший «краткое гласное звуко сочетание «ОУ». Но в кириллице звуко сочетание «ОУ» «раздробилось» соответственно на «О», означающего звук «О» и «У», означающего звук «У», став , тем самым еще одним, дополнительным символом «О», передававшим звук «О – твёрдого» (наравне с «От» - также фактически служившим для передачи на письме «О – твёрдого»). Пётр Первый попытался было удалить «От» - «О твёрдое «омегу» из гражданского шрифта, но этому воспротивились защитники «канонических христианских текстов». Лишь в результате реформы Совнаркома 1917 – 18 годов в русском языке остался один знак звука «О – твёрдого» , то самое , современное кириллическое написание «О». В дополнение, для общего развития читателя следует отметить, что данный символ представляет собой славянскую руну «оне», т.е. оные, остальные, враги, чужие и т.д. – противоположную по значению славянской руне «Н - наш» , т.е. «ны», наши, свои, родные, братья, земляки и т.п.

Однако, кроме фонетического значения, в «слитной глаголице» данный лингвистический символ в ряде случаев выполнял ещё одну, помимфонетическую функцию - был «типологическим послеуказателем окончания слова среднего рода». Об этом, в частности , свидетельствует общность написания многих гласных символов, графическую основу которым составляет геометрическая фигура «овал».

3. 39 символ глаголицы и кириллицы, он же «йотированный юс большой» в глаголице и «йотовый юс большой» в кириллице. Об особенностях и крайней необходимости его существования в современном русском языке подробно освещалось в разделе, посвящённом «искусственно – созданному» лингвистическому символу «Ё».

К этому остаётся добавить весьма важный штрих., впрямую касающийся таких специфических отраслей русского языка, которые называются «семиотика» и «семантика». Своим существованием как специфических отраслей русского языка , они обязаны величайшему уму человечества Чарльзу Пирсу. . Дело в том, что выдающийся автор семиотики и концепции знаковых систем Чарльз Пирс, создавая свою знаменитую на весь мир так называемую «Классификацию знаков и знаковых систем », определил целых 66 дифференциальных различий всех символов, существующих в человеческой практике. Все его положения как раз и вошли в основу отраслей русского языка под названием «семиотика» и «семантика».

Однако автор Приложения №1, анализируя некоторые теоретические моменты учения Чарльза Пирса, нашел в его концепции одно, чрезвычайно уязвимое место.

Самым ущербным, а потому не соответствующим логике действительности местом его классификации является подразделение всех символов на а) – «естественные»; и б) – искусственные.

Понять Чарльза Пирса можно, поскольку основным предметом его рассмотрения послужила та самая древняя латиница, графика которой практически полностью воспринята современным американским (т.е. одной из специфических версий английского) языком. Действительно, после того, как в XI веке из Индии сначала в арабский мир, а затем и в Европу перекочевала особая система счёта, называемая «арабицей», вытеснившая из экономического обихода так называемую «римскую систему счёта», латинская система письменности сохранила за собой только одно значение – значение «фонетического обозначения» лингвистических символов.

По логике Пирса, если лингвистические символы содержат под собой некое реальное обоснование, к примеру, тот или иной единовременный акустический эффект (проще говоря – членораздельный звук), значит это «естественный символ». Если же этого единовременного акустического эффекта символ не содержит, значит это «искусственный символ». Это весьма примитивное представление о природе символов Чарльза Пирса, кроме как чепухой иначе и не назовёшь.

Формат приложения не позволяет широко распространяться на логике формирования человеческим умом представления о том или ином предмете, как знаке, но всегда и везде во всех этих значениях «знак информации» человеческого ума выступает как некий умозрительный «слепок с прототипа». При этом несколько значений знака имеют некое реальное обоснование и только два значения знака не имеют никакого реального обоснования:

- А) Руна как совокупность желобков (черт, резов, канавок), а также все остальные носители символов, начертания которых «вытравлены» (выгравированы, стиснены и т.д.), т.е., одним словом, все «пустоты», очерченные вокруг пустот каким – либо материалом.
- Б) Жест человека, поскольку тело человека и его движения не являются «материалом» символа.
- В) Пробел текста.

Если исходить из предложенной Чарльзом Пирсом терминологии, единственными «естественными знаками» будут только те, которые совершенно случайным образом создала природа. Например, несколько лет назад в СМИ прошла информация о том, что в Таджикистане родилась чёрная овца, на одном из боков которой чётко выделялось имя известного пророка ислама, образованное пятнами с естественной белой шерстью. Кроме того, в частности, учёные, занимающиеся насекомыми, выявили и сфотографировали не только все цифры, знаки арифметических действий, буквы, но и большое количество иероглифов, случайно образовавшихся на крыльях насекомых, особенно бабочек. А ведь большинство бабочек и насекомых возникло гораздо раньше человека, гораздо раньше чем человек обрёл речь и письменность.

Поэтому, если уж и разграничивать буквы от всех остальных знаков, а в этом действительно существует нужда, то наиболее подходящим, т.е. наиболее логически обусловленным будет подразделение их на три вида:

- А) - знаки имеющие только фонетическое значение.
- Б) - знаки не имеющие фонетического значения.
- В) - знаки, кроме фонетического, имеющие промежуточные, смежные, нефонетические, помимо фонетического значения.

К промежуточным, в данном контексте, должны быть отнесены все ранее рассматриваемые нами лингвистические символы той же глаголицы, которые кроме фонетического значения несут ещё целый ряд помимо фонетических значений.

В природе нет и никогда не было естественных знаков. Естественными следует считать только реальные предметы объективного мира, да и то условно, потому что материя при определённых условиях способна «исчезать», аннигилироваться, превращаясь в энергоинформационное поле. Поэтому все знаки носят искусственный характер. Даже отдельные символы языка запахов и всех остальных языков в виде «призывных жестов». В качестве доказательства искусственности всех лингвистических символов как раз и служит пример с Карамзиным, который сугубо искусственным путём создал знак, который по классификации Чарльза Пирса считается не искусственным, а «естественным». Поэтому в этой части СТЯ также необходимо более чёткое уяснение концепции Ч. Пирса, которая была принята ею на веру, без достаточного критического анализа всех положений и установлений. Данное существенное замечание высказано вовсе неслучайно, поскольку позволяет уяснить ещё одно утверждение автора данного приложения, которое сводится к изъятию из современного русского языка двух лингвистических символов, к настоящему времени не имеющих совершенно никакого фонетического значения, а именно «Ъ – твёрдого» и «Ь – мягкого» знаков. Но об этом читайте ниже. А чтобы ещё больше усомниться в противоречивости концепции разделения знаков на естественные и искусственные, на досуге попытайтесь найти ответы на следующие вопросы:

А) – Является ли знаком пробел, т.е. отсутствие знака?

Б) – Является ли естественным знаком ошибочно поставленный в понятии символ звука?

В) – Является ли естественным знаком логически необусловленный знак звука?

Г) – Является ли пробел ума знаком тупости человека?

4. «О носовое, он же юс большой». Как уже было ранее рассмотрено, данный мягкий гласный звук был представлен в русском алфавите, поскольку имеет весьма значимое для «русского языкового сознания» особое фонетическое значение. Но поскольку СТЯ не уделяет достаточного внимания его своеобразному месту в системе членораздельных звуков русского языка, задача автора состоит в том, чтобы в систематическом изложении показать практическую уместность существования в русском языке соответствующего лингвистического символа данному звуку.

5. «Оук», он же 22 символ глаголицы, он же символ 21 кириллицы, а также «титло «400» в обеих русских азбуках. Как уже было сказано чуть выше, при обсуждении значения символа «оне», этот знак был «одионочным гласным символом» в виде «разорванного овала» по внешнему виду зеркально отличавшийся от гласного символа «Э». Во времена создания глаголицы как «системы слитного письма», система применения эллипсов была вполне оправданна, поскольку своей «одиозностью» позволяла «останавливать внимание», т.е. актуализировала данный символ как символ гласного звука. Чтобы не нарушать возникавшую традицию, для глаголицы была создана «слитная лингвистически сдвоенная лигатура символа «Он», которая выражала фонетическое значение гласного звукосочетания «ОУ». В то же время данная лигатура служила выражением отдельно взятого звука «У твёрдое». Однако в процессе «понятийной дифференциации» данная «фонетическая лигатура» теряет свою актуальность быть «общим для всех славян звукосочетанием», сохраняясь лишь в отдельно взятых версиях славянских языков. В связи с широким распространением кириллицы, данный глаголический символ «ОУ» был преобразован в различные графические варианты. Например, в сербохорватском и белорусском языках данная фонетическая лигатура осталась «в изначальном виде» - например, в сербохорватском понятии «п[оу]ковник, т.е. полковник по – русски, а в белорусском в понятии «во[оу]к», т.е. волк по – русски, графическое выражение которой выглядит в виде буквы «У» с хвостиком, как у буквы «Й». В современных же украинском языке и в русском языке данная фонетическая лигатура оказалась невостребованной. И если первоначально Кирилл эту лигатуру воспроизводил на письме как «слитное ОУ», что было весьма естественным и для византийского стиля, поскольку в нём не было «отдельно взятого фонетического значения

данного символа», то последующие реформы русского языка оставили в нём хождение только для правого символа «У». Этот символ «У» до сих пор в русском языке сохраняется, передавая этим знаком только «фонетическое значение «У – твёрдого». К сведению же любопытного читателя, например, в английском языке, отдельно взятый лингвистический символ «О» в ряде случаев имеет статус того самого, глаголического фонетического смысла, т.е. служит выражением «гласного звукосочетания «ОУ»: если же символ «ОО» спарен (типа «book»), то в таком случае он является достаточно точным аналогом звука «У твёрдый». Кроме того, если мы обратимся к древним текстам, написанным латинской азбукой, то мы увидим замечательную особенность – в этих текстах латинский символ «V» одновременно обозначает и гласный звук «У» и согласный звук «В». И лишь значительно позже в латинице появляется отдельный символ для звука «У» - в виде символа «U». В чём причина таких разночтений, характерная для столь непохожих друг на друга языков, к примеру, английского, латинского и русского?

Как уже было ранее отмечено, дифференциальным признаком гласного звука является предельное значение ротового отверстия. Для гласных звуков «О» и «У» это соответственно – «вертикальный овал» и «узкий круг». В отличие же от гласных, для «губных согласных звуков» предельным ротовым значением, шестым по счёту, служит «полностью закрытый рот». В произношении для звуков «О», «У» и «В» имеется одно и то же место в речевом аппарате - центральная часть, «полоска смыкания, соединения» верхней и нижней губ. На первоначальных этапах развития речи принципиальная разница между предельными значениями ротового отверстия, «одно и то же, общее место» их возникновения остаётся для «языкового сознания» сугубо индифферентным, но по мере развития словарного запаса эта «принципиальная разница» всё – таки улавливается, о чём свидетельствует введение тех или иных дополнительных лингвистических символов. Поэтому неслучайно, что в русском языке возник самодостаточный символ «У», а в латинице, кроме уже упоминаемого «U» возник еще один символ : «дубль «В» - «W», который представляет собой некий промежуточный, придыхательный вариант между, собственно звуком «У» и звуком «В».

К этому остаётся добавить весьма важный момент касательно современного английского языка: к настоящему времени постоянно развивающийся английский язык формально скован «латинским шрифтом», успев к этому времени вылезти из «штанишек» латиницы. А поскольку в английском языке до сих пор никаких алфавитно - орфографических реформ не производилось, по сути, это не язык, а «историко – традиционное месиво, представляющее из себя весьма жалкий вид. Король - то голый. Вектор дальнейшего развития письменности направлен в сторону графико – фонетической адекватации, т.е. строгому соответствию фонетического значения и его лингвистическому выражению, поэтому чисто в прогрессивном плане данный язык не способен выполнять функцию «общемирового языка» по причине огромного количества исключений правил и норм писания тех или иных понятий.

В то же время. По сравнению с теорией и практикой применения в письме английского языка, действительно основанном на «первобытно древнем мышлении», современная теория и практика русского языка, несмотря даже на «средневековое мышление» текущих адептов его теории, является более зрелым и более взвешенным вариантом «лингвистического обустройства» глобального межчеловеческого общения.

А для устранения всех «отрыжек прошлого», СТРА требуется совсем немного- поскольку в русском языке действительно и доказательно существует пять твёрдых, пять мягких и пять йотированных мягких гласных звуков, то все 15 положенных для этого лингвистических символов, объединить в три иерархических уровня с общей для каждой тройки «лингвистико – графической болванкой» твёрдого звука и одинаковыми отличительными признаками для мягкого и йотировано – мягкого варианта. Т.е. 10 семантически разрозненных имеющихся символов современного русского алфавита заменить на 5 систематизированных, но при этом каждому из пяти добавить некие

отличительные лингвистические элементы, дабы не путать твёрдые, мягкие и йотированные звуки. При этом не заимствовать, не создавать каких – либо новых, а произвести разумный отбор из имеющихся в наличии.

Утверждение¹⁰. В связи с полной утратой фонетического значения «Ъ – твёрдый знак» и «Ь – мягкий знак» без каких – либо проблем могут быть удалены как из русского алфавита, так и из письма в целом, тем самым сняв с русского языка огромное количество помимфонических их значений, исторически возникших в недрах «русского языкового сознания». (Тенденция современной теории русского языка сводится к исключению из русского языка только твёрдого знака.)

Для начала перечислю все помимфонетические функции, которыми к сегодняшнему дню обладают твёрдый и мягкий знак в версии СТЯ.

1. "Артикль женского и мужского рода предмета", как рудиментарный атрибут "анимационного представления" древних славян. Если для древних германцев артикль был служебным словом - знаком указания рода, ставившимся перед самим названием, т.е. был "предуказателем рода", в "славянском видении" этот знак был "послеуказателем рода", включенным в само слово.
2. "Знак конца имени предмета, заканчивающийся на согласный звук", т.е. типологический послеуказатель окончания слова.
3. "Знак смягчения или отвердевания конечного согласного звука слова". При этом действительное фонетическое значение имел мягкий знак, поскольку «языковое сознание» заставляет при произнесении конечного звука в слова язык «напрягаться», только в случаях, когда эти звуки не относятся к так называемым «шипящим», т.е. «Ж», «Ш», «Щ» и «Ч». В отношении «твёрдых шипящих» «Ж» и «Ш» само смягчение не производилось, а звуки «Щ» и «Ч» в силу своей природной «мягкости» вовсе и не требовали какого – либо дополнительного смягчения. И совсем бессмысленно на этом фоне выглядело применение «Ъ – твёрдого знака», поскольку он никогда не обладал в русском языке самодостаточным фонетическим значением.
4. "Мягкому" знаку, наряду с "твёрдым", в русском языке была присвоена "функция разделения" разных по природе звуков в слове, в которой они "вынужденно" оказывались играть роль не "послеуказателя", а уже "предуказателя" для стоящих после них "йотированных гласных звуков", например, "вьюга", "пьянка", «подъезд», «объявление».

А вот ещё дополнительные функции мягкого знака:

1. Мягкий знак, как исключительное правило, выполнял в тексте также особую типологическую функцию, служа непосредственным "послеуказателем отдельно взятой части речи" для некоторых форм частей речи, в частности - глаголов, служа в ряде понятий "звуком - знаком", заменявшем в ряде случаев звук «и» - к примеру, слово «делати» в слитном тексте легче было отыскать в варианте «делать», заканчивавшемся на мягкий знак. Этим в частности, объясняется огромное количество русских понятий – глаголов, в которых без достаточных фонетических оснований применяется данный знак, например, «слышишь».
2. В русском языке мягкий звук обладал "сократительной функцией", позволяя делать без нарушения смысла сокращение окончаний огромного количества русских понятий. Например, вместо звукосочетания из четырех букв "коли" с его помощью можно устно производить, звукосочетание всего из трех звуков - "коль" (но записывать все же приходилось четыре знака).
3. Ещё одной дополнительной функцией мягкого знака, послужило наделение его смыслом "быть послеуказателем смягчаемого перед ним согласного звука" в середине слова на письме, к примеру, «письмо», «коньки» и т.д.

После перечисления помимофонетических функций нелишне упомянуть ещё и о фонетических функциях этих знаков. Было в истории теории русского языка и такое недоразумение.

На первый взгляд, данные символы в русском языке никогда не были выражениями каких – либо звуков. Но это только сугубо поверхностное суждение. Если произносить любые , как твёрдые, так и мягкие согласные звуки, то последняя фаза их звукового произношения резко отличается друг от друга: у «мягкого знака » чувствуется некоторая мягкость данного звука, а у «твёрдого» - некоторая твёрдость. Ощущать то мы его ощущаем, но по сути, это не передаваемое словами ощущение.

На основании того, что у этих символов существуют то, что ощущается «мягкостью» и «твёрдостью», древнее языковое сознание наделило их особым , специфическим статусом.

Вот какие мысли по поводу специфического фонетического статуса «Ъ» и «Ь» мы находим у известного историка В.О. Ключевского в его статье «Этнографические следствия колонизации Верхнего Поволжья ...», посвященные, в частности говору древней Киевской Руси:

« В сочетании гласных и согласных соблюдалась известная гармония: звуки согласные, гортанные г, к и х сочетались с твёрдыми гласными; а, о, ы, у, э с ПОЛУГЛАСНЫМ Ъ (подчёркнуто мной), а зубные и свистящие з, с и ц, и нёбные или шипящие ж, ч и ш – с мягкими гласными я,е,и,ю и с ПОЛУГЛАСНЫМ Ь (также подчёркнуто мной)».

Практически те же мысли выражает и знаменитый исследователь возникновения письменности у славян В.И. Истрин в своей книге, посвящённой созданию кириллицы.

Интересная конструкция вырисовывается : поскольку какой – либо из этих звуков имеет статус «ПОЛУ», и поскольку в русском языке имеются только мягкие и твёрдые звуки, а также только гласные и согласные, то , к примеру, полугласный «Ь» – это одновременно и полусогласный и полутвёрдый и полумягкий «Ь». В той же самой мере данное утверждение относится и к «полусогласному Ъ». Налицо полная неразбериха.

В действительности мы имеем дело не со звуками, а с призвуками, придыханиями, которые возникают либо чуть – чуть ранее , либо вслед после произношения «действительно чистого членораздельного звука». Конечно, когда у славян было «смутное» представление, данные знаки без какой либо систематики вставлялись в разные слова понятия, например , в древнее понятие «слънце», т.е. солнце , по - современному.

В этой связи обнаруживается сквозная связность «смутных представлений» вообще в области письменности на примере тех же «смутных древнерусских представлений» со «смутным древнееврейским представлением» . С единственной значимой разницей – последние просто игнорировали ставить в словах символы подобного «полутипа». Да и вообще, гласные звуки, в силу ряда особенностей словообразовательного процесса в древнееврейском языке не имели «достаточного» фонетического значения и поэтому просто игнорировались. Древнееврейское произношение гласных звуков было «мимолётным мимоходом», в силу того, что между согласными звуками в их речи с необходимостью существует некий ритмико – интонационный промежуток в виде придыхания. Кстати, и армянский язык во многом склонен к таким нормам произношения, например, фамилия «Мкртчан», которую безосновательно пишут через букву «Я». А вот славянское произношение в ряде диалектов постепенно , в результате развития своей инфраструктуры понятийного состава, начинает производить «акцентировку» гласных звуков, произнося их «с расстановкой». Так , например, в сербохорватском языке до сих пор в ряде некоторых понятий, например, «српы», т.е. сербы, гласные звуки произносятся «мимоходом» как придыхательные призвуки, а в русском, белорусском и украинском языках такая «мимолётность» уже давно потеряла актуальность.

Поэтому, когда Ключевский В.О. говорит о якобы «полугласности» и полусогласности» знаков «Ъ» и «Ь», то это несомненная чушь, поскольку она опирается только на документально зафиксированные нормы писания тех или иных понятий, для реального существования которых нет никакого обоснования. Сам то Ключевский с древними «руси́нами» не общался «тет – а тет», хотя фамилия его несомненно указывает на принадлежность этого автора, по крайней мере, если не к прямым потомкам «руси́нов», то хотя бы к потомкам «руси́ной» челяди.

Следовательно, если, к примеру, в болгарском языке до сих пор существует норма записи понятия «солнце» в виде «слънца», то символ «Ъ» является в болгарском языке символом с фонетическим значением звука «Э'», и никакого там «полугласно - полусогласного «Ъ» нет, а есть соответствующий самодостаточный гласный звук.

В современном русском языке, в литературной его форме, в отличие от болгарского языка, в котором до сих пор существует похожий на твёрдый знак, знак гласного мягкого звука, который в кириллице назывался «ятем», знаки «Ъ» и «Ь» к настоящему времени в связи с ранее уже упоминаемой «эволюцией представлений о фонетических значениях звуков», никакого собственного фонетического значения не имеют. А это значит, что данные знаки в русском языке не являются ни гласными, ни согласными звуками. Это знаки – фантомы, причем, если знак «Ь» хоть в какой – то мере логически обусловлен, поскольку техническое использование в речи данного приёма оказывает влияние на фонетическое значение любого гласного и согласного звука, то «Ъ» никакого логического обоснования не имеет. Это ясно как дважды два – четыре.

Всяческая многосмысленность фонетических и помимофонетических значений мягкого и твёрдого знака самым прямым и непосредственным образом сказывается на создании правил применения данных символов в том или ином случае. Вокруг применения этих символов наклепано столько взаимно противоположных правил, что создана реальная ситуация неосознанного их нарушения, поскольку такую массу правил попросту очень трудно удерживать в рамках памяти. Поэтому наиболее правильным, радикальным во всех отношениях способом было бы повсеместное исключение применения данных символов на письме. Этим самым мы бы не только избавили собственную память от ничего не обязывающих правил, дополнений, норм и исключений, но приблизили бы все нормы написания к наиболее естественной форме, т.е. писать каждый применяемый в литературной речи звук в его точном лингвистически – символическом варианте.

Очень важными были изменения в значении и применении кирилловских букв «ер» (ѣ) и «ерь» (ь). Первоначально эти буквы служили для обозначения редуцированных (ослабленных, глухих) гласных, близких к о («ер») и е («ерь»); например, в «Сказании о письменах» Черноризца Храбра в словах 'грѣчьскій', 'сѣтвори'. Примерно с XII—XIII вв. звуки «ер», «ерь» в одних случаях (например, в конце слов) выпали и перестали произноситься; в других же случаях перешли в полногласные звуки о и е (например, 'греческий', 'сотвори').

Иллюстрация о действительном фонетическом применении твёрдого и мягкого знаков на письме.
(Взята из книги В.А.Истрина «1100 лет славянской письменности» 1988 г. издания.)

Сколько звуков, столько и букв. Тем самым резко бы снизилось количество самих правил. Их количество стало бы совершенно минимальным. Соответственно и приобщение к русскому языку людей с другим языковым сознанием не становилось бы для них настоящей пыткой. Ведь уже не для кого не является секретом, что русский язык является трудным не в том смысле, что очень трудно запоминаются его понятия, а в том, что сама

запись понятий требует учёта многочисленных исключений из правил. Устраняя недоразумения и противоречия, русский язык, тем самым, получит большее количество своих сторонников и адептов. Для этого требуется самим нынешним адептам, нынешним сторонникам чистоты русского языка, разобраться во всех несуразных нагромождениях смысла, которые обозначаются кратким понятием СТЯ.

Утверждение 11. Совершенное адекватное правописание в русском языке звуков в виде «эквивалентных знаков» может быть вполне обеспечено без наличия в нём символов мягкого и твёрдого знака, поскольку полностью выявлен самодостаточный состав всех без исключения членораздельных звуков русского языка. (Данное утверждение выступает своего рода гарантийным подтверждением исключения этих символов из русского алфавита).

Сейчас уже всё вполне ясно – за время становления древнерусского говора, правопреемником которого является современный русский говор, в самой русской речи допускалось множество «излишеств непотребных». Были в этой речи и редуцированные, и полугласные, и полутвёрдые, и полумягкие, и полусогласные, и полугласные, и разного рода промежуточные звуки. Были придыхания, разные фрикативности и призвучия. Но в результате междиалектного диалога, произошедшего всего за последнее столетие с небольшим, в результате массового охвата населения России СМИ, русский говор стал практически единообразным, разумеется, за исключением нескольких «отстранённых» территорий, в которых до сих пор наблюдаются бытовые пережитки тех или иных русских говоров и диалектов. Все мы русские, стали говорить «ОДИНАКОВО». И эта одинаковость речи будет продолжаться ровно столько, сколько будет существовать единая общность русских людей. В результате сложного, во многом – творчески трудного, логико – исторического процесса, у русских людей, по сравнению с носителями иных «языковых сознаний – языков», открылась реальная возможность впервые в мире произвести «аутентификационную сравнительную ревизию» своих членораздельных звуков с системой собственных лингвистических символов. А осуществив в практическом плане такую ревизию, русские люди первыми из всех людей планеты способны будут свою речь в письме воспроизводить совершенно адекватно, без применения каких – либо дополнительных подпорок и указателей. «Ъ» и «Ь» - самые настоящие подпорки, которых во всех иных языках мира, кроме основанных на кириллице, нет.

Твёрдый и мягкий знак не являются звуками, это всем давно известно и уже набило изрядную оскомину. Пока не был установлен предельный состав «русских звуков», общество мирилось со всей «хаотичностью теоретико – практических представлений» СТЯ. Но теперь, когда мы знаем точно и бесспорно о всех 48 самодостаточных элементах русской речи, пора бы привести в соответствие и предельное количество лингвистических символов этой речи.

Не скрою, конечно, это будет достаточно мучительный процесс перестройки наших привычек. Но ведь за всю историю трансформаций символов русской азбуки, а таких глобальных трансформаций по самым скромным подсчётам было четыре раза, с каждым разом «русское письмо» оптимизировалось, становилось более проще, но в то же время – более глубже в своём конкретном фонетическом значении. Даже если сравнить наши современные нормы правописания, принятые около 90 лет тому назад, с «досоветским периодом», то это весьма ощутимый прогресс. Поэтому и предлагаемые автором Приложения №1 меры только в начальной стадии вызовут некоторые трудности. Но пережив такие трудности, нашим наследникам, нашим детям будет гораздо легче обучаться прекрасному и могучему русскому языку, поскольку в результате реформы мы получим версию самого оптимального, самого привлекательного, самого удобного и самого минимального свода правил. Время обучения нормам и правилам русского языка

сократится к минимуму, и уже «сэкономленное» на этом время можно направлять на изучение наших «славных русских литературных творений». А то в последнее время, в связи с загруженностью, огромное количество русских действительно представляют «полуумков», не получивших ни глубоких знаний о правописании русского языка, ни глубоких знаний о русской литературе. Результат, как говорится, налицо.

У русского языка нет никаких исторических перспектив в будущем по каким – либо причинам изменять свой ранее уже сформировавшийся фонетический состав речи. Предлагаемая ревизия будет последним историческим преобразованием русской азбуки, после которой азбука русского языка в действительности станет «ортодоксальной», т.е. никогда и никем более не изменяемой вещью. А с «ортодоксальностью» азбуки сама теория русского языка, в части самых минимальных элементов речи, также станет «ортодоксальной». Нам, русским, не надо будет изобретать новых учебников по русскому языку. Это позволит направить филологические силы русского общества в практическое русло распространения русского языка в качестве общекommunikативного мирового средства.

Поэтому, не воспользоваться таким открывшимся шансом крайне глупо, и, как мне кажется, совершенно бесперспективно в реалиях предстоящей объективной глобализации человечества. У нас есть возможность опровергнуть П. Чаадаева, упрекавшего Россию, что она, дескать, ничего миру так и не дала.

Утверждение 12. Внутренняя логика взаимодействия членораздельных звуков в звукосочетаниях типа «согласный и гласный» звук свидетельствует о доминантности мягкого звука над твёрдым, в результате чего в речи формируется «мягкая диффузия» такого сочетания. (К вопросу «смутных случаев правильности норм правописания» в русском языке.)

Как мы уже предварительно выяснили, «мягкий звук» отличается от «твёрдого» дополнительными трудностями, связанными с произвольным напряжением разных компонентов речевого аппарата человека. Просто потому, что человек напрягается, это для него объективно труднее, чем тогда, когда он не напрягается. Сам процесс напряжения и его снятия, в данном случае, относительно «спинки языка», носит временной характер. Мы не можем мгновенно напрячь, либо снять напряжение со «спинки языка». Какие – то доли секунды на это обязательно требуются. Речь человека достаточно быстра – в книге рекордов Гиннеса, например, говорится об одном человеке, который в течении одной минуты способен воспроизводить более двухсот слов. При воспроизведении русской речи ему бы этого не удалось по причине наличия множества в ней как твёрдых, так и мягких звуков.

Вот эти - то «мягкие звуки» в речи диффузируют, т.е. «проникаются взаимностью» со взаимодействующими с ним «твёрдыми звуками», отчего последние «окрашиваются» в мягкие тона. При этом нет никакой разницы в том какой звук слога, согласный мягкий, либо следующий за ним гласный мягкий. Например, в понятии «слёт» мягко произносятся как второй, так и третий звук, хотя в действительности мягким является только третий, «мягкий гласный «О'» (хотя если спросить теоретиков СТЯ, мягким в этом случае является второй звук, а не третий, поскольку «правом мягкости» по их мнению обладает только согласный звук). Однако в русском языке, и это полностью отрицает «якобы самодостаточность» согласных звуков, по крайней мере, всё же несколько согласных являются «мягкими», например, «Щ» и «Ч». Современные правила русского языка требуют в знакосочетаниях с «Щ», чтобы после него в некоторых исключительных случаях стоял символ, означающий «мягкий гласный». Например, русское слово «Мещёра». А вот выдающийся русский писатель К. Паустовский интуитивно предполагал надуманность таких утверждений СТЯ, считая совершенно уместным ограничиваться в таких случаях написанием «твёрдого гласного». Слово «Мещёра» он писал в виде «Мещора». По всей видимости Паустовский как – бы интуитивно чувствовал

необходимость упрощения системы письма, сводя её к реальностям русской естественной разговорной речи. В этой связи самыми надёжными критериями выступают общепризнанные типологические инвентари русского языка в части морфем и корней. Необходимо чётко определиться, в каких случаях уместны в этих морфемах твёрдые звуки, а в каких – мягкие. И это утверждённая чёткость самым естественным образом будет оказывать влияние на соответствие нормы произношения с литературной нормой.

Всё это напрямую касается относительно и так называемый «устойчивых звукосочетаний» - настоящих прямых йотированных дифтонгов. В этих дифтонгах, как известно, звук «Й» является мягким звуком. В силу объективной диффузии последующий в дифтонге за «Й» гласный, также является мягким, потому что «подкрашивается» мягкостью впередиидущего звука. Поэтому тот же, к примеру, русский звук «Ё» состоит из двух мягких звуков. А вот весьма похожее на «Ё» звукосочетание «ЙО» говорит о том, что твёрдый звук «О» необходимо воспроизводить после того, как «спинка языка» из твёрдой превратится в мягкую. Следует иметь в виду, что разные формы написания вызывают разные нормы произношения. Поэтому, звукосочетание слова «Ёлка» не только в написании, но и в речи всё – таки отличается от произношения, к примеру, фамилии известного прибалтийского певца «Яка Йолы».

Настало время подробно и обстоятельно разобраться в правописании, а) - «диффузных» слогосочетаний и б) – «бездиффузных слогосочетаний». Связано это с тем, что для выражения на письме «связанных диффузий» в разных отношениях применяются совершенно разные формы. Например, слова «гонщик», «щель» «щёки», «чинар», «чех» «чёрный» и мн. др. пишется с двумя «мягкими звуками вместе» - «ЩИ – ЩЕ – ЩЁ», «ЧИ – ЧЕ – ЧЁ», а вот слова, имеющие сочетания «ЧУ – ЧА» и «ЩА – ЩУ» пишутся с одним мягким согласным и твёрдым гласным звуком. Такие нормы написания слов, естественно, сформировались историческим путём. Однако надо прекрасно понимать существование постоянной подпитки словарного запаса русского языка «извне», т.е. из других языков. Из – за этого существует прямая проблема, связанная с отсутствием в русском языке огромного количества лингвистических символов, означающих «мягкие согласные» звуки. К примеру, на сегодняшний день возникли проблема написания собственных имён граждан Юго – Восточной Азии, в языке которых после «твёрдых шипящих согласных» следуют «твёрдые гласные» - Яньчэнь, Хошимин, но Цинь.

В связи с этим СТЯ нуждается в более чётком определении нормы писания слов, в которых, также по разного рода исторических причин, слоги типа «согласный – гласный» пишутся с включением в них символов «мягких гласных звуков». Особенно это касается таких слогов русских и иностранных слов, в которых передними согласными являются твёрдые звуки «Ж», «Ш» и «Ц». Великий русский поэт А.Блок, например, не признавал писать после звука «Ж» такого «мягких символов» как «Ё» - «жолтый». К. Паустовский, как уже говорилось выше, также не считал уместным ставить этот символ в слове «Мещора». Однако существующие нормы СТЯ настойчиво предлагают «внесистемное, логически не обусловленное правописание «в целом твёрдого слога» включая в него символ неуместных в этом случае, в частности, «мягких гласных «И», «Е», «Ё», - «шина», «шейка», «жёсткий», «жесть», «жихарь», «цыган», «цель» и мн. др.

Однако, исходя из логики «объективно существующей диффузии», из – за доминантности мягкого звука в каждом отдельно взятом слоге слова над твёрдым звуком, необходимо конкретно определиться в единообразии представления слов с такими «диффузными слогами». Тут необходимо делать выбор из трёх условий - вариантов:

А) – Такие слогиосочетания необходимо писать с помощью двух символов мягких звуков ;

Б) - Такие слогиосочетания необходимо писать таким образом, чтобы один символ представлял мягкий, а второй – твёрдый звук.

В) - Такие слогосочетания необходимо писать совершенно аналогично написанию имён собственных.

Наиболее продуктивным и наиболее адекватным практике написания и практике произношения является третий вариант. Но прежде чем руководствоваться таким логически обусловленным вариантом, необходимо привести в соответствующую форму все орфографические словари

В связи с возрастанием информационного обмена в русскую речь приходит множество иностранных заимствований. Зная об эффекте «диффузии» русские языковеды должны придать этим заимствованиям систематизированную форму, чтобы не случилось так, что в одном случае некий предмет или лицо обозначаются в одном визуальном формате, а в другом случае – совершенно отличным от аналогичного. Единообразие – вот залог реализации уважительности. Если Сталин в своей речи называл маршала Жукова «Жюковым», то в русском языке должны быть предусмотрены нормы для подобных форм. Если представители Средней Азии называют «жырных барашков» «жирными барашками», для такого обозначения нужны также адекватные нормы. А то получается на практике форма двойного стандарта - если у представителей так называемых «оптимальных языков», у французов отдельные вещи называются, к примеру, «брошюра», «парашют» и «жюри», то русский язык эти нормы вводит в свой понятийный ресурс, а если нормы произношения попадают в русский разговор из языков, «не признаваемых оптимальными», то их надо коверкать, извращать, приводить в нормы, которые в действительности обусловлены головоутием господ, восседающих в креслах «блюстителей чистоты русского языка».

Уважая правильность иных, иноязычных заимствований, русский язык рано или поздно, но всё равно станет общеуважаемым в мире. Многого для этого не требуется, надо понять какие русские буквы означают какие звуки и ставить их на письме в соответствии с нормой произношения в заимствуемом языке, не забывая при этом об «естественной фильтрации», недопущении в русскую речь всей «членораздельной шелупени», до сих пор существующей во многих других языках мира. Культура речи, это не только слова, это образ действия. Русские за многовековую историю достаточно хорошо уяснили всю важность чистоты применяемых в их речи членораздельных звуков.

Утверждение 13. Современная теория русского языка не должна быть ареной для выражения личных амбициозных представлений отдельно взятых авторов. (К вопросу о существовании в русском языке 48 (сорока восьми членораздельных звуков.)

В последние годы Советской власти, т.е. в середине 80 – х годов прошлого столетия, в области школьного образования становится необычайно модным внедрение в школьную систему различных «самобытных методик» преподавания различных дисциплин, к примеру, истории, обществоведения и т.д. Опыт показал - очень часто такого рода методики представляют собой «сырую эклектику», когда вместо некоего целостного изложения материала практикуется некий «писк моды», своё особенное, даже «гламурное» видение того или иного явления материального мира.

Как закономерный итог, из постсоветского времени довольно значительное количество «модных школ» «переросли свои первоначально благие побуждения» и стали банальным местом наживы, стяжательства и скверны. По своей сути это уже не школы, а «дрессировочные площадки» для натаскивания юного поколения. Становится весьма престижным делом, когда та или иная школа комплектуется «эксклюзивными учебниками. Но эксклюзивными, не значит целостно – непротиворечивыми.

Выход из такой ситуации донельзя простой – необходим один, общий для всех создателей учебников по русскому языку «базисно эталонный образец», в котором требуется, а) - зафиксировать целиком и полностью все нормы, правила, понятия, определения и установления; б) – установить особый, коллегиальный порядок принятия решения по выпуску той или иной версии с обязательным указанием лиц, принявших решение в пользу издания.

А уже на базе такого «единого образцового учебника» в каждом конкретном случае, исходя из возможностей преподавания, давать не трактовку тех или иных норм, а только порядок, последовательность целостного изложения, алгоритм развития у учащихся той или иной степени кругозора представлений о русском языке.

Публикация данного Приложения №1 – своеобразная лепта на обустройство такого базисного учебника. Это не руководство к действию, а объект обмысливания, опираясь на который будет постигнута целостная концепция о внутреннем устройстве русского языка в части его самых наименьших частиц – членораздельных звуков и их дифференциальных признаков.

Задача данного приложения - изжить из публикаций, касающегося русского языка, в части состава его членораздельных звуков даже малейших попыток каким – то образом превратно представлять его изначально ортодоксальные основы. А в качестве примера таких превратных представлений предлагаю вашему вниманию подборку высказываний на эту тему, выисканных автором в безбрежном океане русской литературы.

А пока такого «образцово – примерного» учебника нет, дабы исключить напрасные траты времени текущих составителей учебников русского языка ориентироваться на изложенные в данном приложении утверждения и выводы – рано или поздно все погрешности всё равно придётся удалять, а потом самим стыдиться, что не понимали вполне очевидных вещей.

В представляемом ниже примере констатируется сам факт того, что существуют некие обособленные, совершенно независимые не только друг от друга, но и от русского языка школы русского языка, живущие по каким – то своим особым правилам и не желающие делать даже каких – либо попыток в устранении таких очевидных переколов мнений. Вот если бы в России еще существовали школы математики, одни из которых считали дважды два – четыре, другие пять, третьи - шесть, а четвёртые – так все десять, не всё ли равно. А школы астрономии считали бы, что в небе три, четыре или даже пять звёзд. Потеха была бы страшная. Судя по некоторым обстоятельствам, в области русского языка такая «оригинальность мышления» даже приветствуется: надо же, каждый филологически образованный человек, а) - вправе иметь собственное мнение; б) – вправе его публично высказывать; в) – вправе его навязывать другим. Не анархия, а плюрализм, ваще.

Наименьшая функциональная (фонологическая) единица языка — *фонема* служит для различения звуковых оболочек слов и их форм. В русском языке в разных научных школах определяют от 37 до 43 различ фонем. Каждое слово языка в плане означающего можно разложить на определенный ряд фонем, определяющих целостную структуру слова. Фонемы реализуются в звуках речи.

Из учебного издания «Организация взаимодействия человека с техническими средствами АСУ»
Издательство «Высшая школа», Москва, 1990 г. в.
Авторы: Филиппович Ю.Н., Родионова Е.В., Черкасова Г.А.

Если исходить из такой практики, то в рамках современной системы стимулирования, у той школы, адепты которой придерживаются мнения о 43 звуках в русском языке, премия должна быть гораздо выше, чем у представителей исповедующих всего 37 звуков. А как же иначе. Больше сдадим, больше получим.

А вот ещё один образец непродуманной «посудоловочной» тактики:

В русском языке 6 гласных и 36 согласных звуков. В речи чаще встречаются согласные звуки.

«Русский язык». Теория. Учебник для 5 – 9 классов общеобразовательных учебных заведений.
Издательство «Просвещение», Москва, 1993 г. в.

Перед вами уже сугубо конкретный пример творческой переработки русского языка. Если сложить 6 и 36 получается 42. Неплохой результат. По всей видимости, адепты этой своеобразной школы - секты русского языка не полностью согласны с мнением Л.В. Щербы. А вот сподвижники его школы - секты на полном серьёзе считают несколько иначе, причисляя к 42 звукам еще и ранее мной уже упоминавшийся «мифический звук J». Совсем как у современных никоноборцев и староверов – староверы верят в две ипостаси Христа – Отца и Сына Святого, а никоноборцы – в три, подразумевая под третьей «мифический Дух Святой».

Но самым большим озорником, воистину рекордсменом в области определения количественного состава русских звуков, был великий русский писатель Н.В. Гоголь. По его мнению, в русском языке ровно 100 звуков. Из этих ста звуков Гоголь насчитал всего каких – то там 80 звуков с голосом. Но более подробностей он не сообщил.

Ну а теперь вашему вниманию будет представлен ещё один образец творческой переработки великого приобретения русского народа. На сей раз автором собственной версии выступает крайне уважаемый как в исторической, так и в филологической сферах русской национальной науки В.А. Истрин. Проблема «версии Истрина» не только в нём самом. В.А. Истрин является представителем многочисленного научно – исторического направления, идейно поддерживающего так называемое «славянофильство».

... принципа (см. ниже). ... морфоло-
Правда, 33 буквами русского алфавита приходится
передавать 39 разных фонем современного русского языка,
а именно 6:

Гласные фонемы

а
о
э
у
ы

Согласные фонемы

твердые *п, б, ф, в, т, д, м, н, л, р, с, з*
мягкие *п, б, ф, в, т, д, м, н, л, р, с, з*
прочие *ж, ц, ш, ч, к, г, х, щ, й, жж* 7

«1100 лет славянской письменности». В.А. Истрин.
Издательство «Наука», Москва, 1988 г.в.

Создав свой собственный научно - исторический вклад в науку, учёный вынужден, тем самым, ставить не только себя, но и всех остальных русских в неловкое положение, когда о количественном составе русского языка невозможно сказать ничего более – менее вразумительного, чем то, что существует в настоящее время в современной теории русского языка. А существует никем и ничем не контролируемая анархия. Так жить дальше нельзя. Истрин, как вы видите, считает звук «И» недостойным русского языка. Но зато крайне важным считает упомянуть «жж». Кто, наконец, скажет такому беспределу: «Тпру, приехали господа - товарищи, дальше некуда».

Для полного счастья не хватает присовокупить к утверждениям В.А. Истрина звуки комара - «ЗЗ», звуки выпускаемого пара «ШШ», звук скребущей автодорожной мусорособирательной щётки - «ЩЩ», а также звук паровоза - «ЧЧ,ЧЧ,ЧЧ». Тогда будет почти полный комплект «славянских звуков».

На фоне царящей вакханалии в области русского языка достаточно взвешенное, и я бы добавил – мудро непритязательное, «рукоумывательское» решение, было принято научно - редакционным советом, участвовавшим в публикации Большой Советской энциклопедии.

Судя по комментарию относительно существующей русской азбуки, этот редакционный совет, а) – контекстуально отметил существование так называемых «славянских звуков», и б) – честно признался в том, что количественный состав этих самых «славянских звуков» до сих пор не установлен. А чтобы читатель убедился в этом воочию, мною специально приведён фрагмент текста БСЭ, в котором как раз и зафиксированы два чрезвычайно ценных для понимания всей действительной ситуации утверждения:

в Вост. Болгарии в кон. 9 в. (в Преславе) для приближения слав. письма к торжественному византийскому. В древней К.—24 буквы греч. унциального устава и специально созданные буквы, отсутствующие в греч. азбуке и необходимые для передачи соответствующих слав. звуков (Б, Ѣ, Щ, Ц, Ч, Ш, Ъ, Ь, Ъ, Ѣ, Ѥ, Я, А и нек-рых др., первонач. состав их окончательно не установлен). До

Большая Советская энциклопедия. Москва, 1973 г.в, статья «кириллица».

Иллюстрация того, как, а) - «незаметно» сокращено название «славянские звуки»; и б) – подтверждение факта отсутствия чёткого понимания у учёных различных направлений, представлявших в редакционном совете БСЭ совершенно разные отрасли знания, точного количественного состава этих самых «славянских» членораздельных звуков.

Как тут не вспомнишь слова из басни И. Крылова : «когда в друзьях согласия нет».

Глядя на современные научные достижения русских учёных в области нанотехнологий приходится только удивляться. Удивляться тому, почему физики и математики, доценты и аспиранты, доктора и профессора естественных наук не обратили до сих пор внимания на «филологические чудеса наших горячо любимых кудесников пера и бумаги». Повернулись бы в нужную сторону, заглянули в свои электронные микроскопы и ужаснулись, что же там творится в русском языке, сколько лингвистических молекул и аминокислотных остатков в нём наблюдается. И тогда вся наука в целом уж точно определилась, что в русском языке 48 звуков и никаких других нет. А пока научные микроскопы не направлены в сторону русского языка, русская филологическая общественность может спать спокойно.

Весьма надеюсь, вещественные доказательства, представленные в этом утверждении показывают всю «смутность средневековых представлений» СТЯ о количественном составе русского языка. И это не простая констатация факта, а средство принятия решительных и энергичных мер для приведения теории русского языка в нормальное, адекватное состояние. И чем скорей, тем лучше.

Утверждение 14. Первой русской азбукой была глаголица. (Эта сторона проблемы русского языка так до сих пор также остаётся создаёт существенную почву для разного рода кривотолков).

Чтобы окончательно утвердиться в точке зрения о том, что именно глаголица является первыми «русскими письменами», попрошу всех многочисленных дискуссантов ответить на вполне логичные вопросы, которые до сих пор так никогда не разу и не ставились:

1. Какую бы азбуку предпочёл изобрести Кирилл, когда ему в Херсонесе преподнесли уже ранее написанные «богослужебные тексты» на уже одной, полностью готовой к христианскому употреблению азбуке?

2. Стал бы он изобретать совершенно отличную по внешнему виду и внутреннему смыслу глаголицу, когда к нему на полном официальном серьёзе обратились представители по – христиански дружественной Византии Великоморавской Державы, при том, что в тогдашнем христианском мире царил непререкаемый принцип «триязычия», допускавший написание христианских текстов только на древнеиудейском, древнеримском (латинском) и древнегреческом языках, а Ростислав не хотел принимать религии, которая бы заставила его подпадать под прямое влияние соседа?

3. Было ли вообще изобретение азбуки кириллицы, или это только было банальное кириллическое переложение глаголицы на «византийский устав», поскольку, как известно, впервые представители Великоморавского посольства обратились к Кириллу летом 862 году, а он, в свою очередь, великоморавцам преподнёс восемь «богослужебных текстов» уже 24 мая 863 году, тогда как на изготовление одной такой рукописной книги, писаной «уставом», уходит около двух – трёх месяцев, при том, что переписчиков у Кирилла было всего два человека?

4. Какой смысл был изобретать Кириллу глаголицу, когда князь Ростислав своё обращение к Кириллу объяснял давлением на его родное языческое население трёх христианских ветвей – а) - баварцев, у которых богослужение велось на латинском языке; б) – греков, у которых богослужение велось на византийском (древнегреческом) языке; и в) – влахов, христианские богослужебные книги которых были написаны либо на так называемой «угловатой глаголице», заимствованной ими у хорватов, ибо хорваты приняли христианство уже в 640 году, т.е. более чем на два века раньше чем «моравы», либо они пользовались «округлой глаголицей», т.е. такой же самой, «русинской» на которой Кириллу в Херсонесе уже были представлены Евангелие и Псалтырь?

5. Какой смысл говорить об отсутствии глаголицы, если есть её зримые факты, тогда как нет ни одного документального факта или артефакта, который указывал на то, что хазары в своих богослужениях вплоть до исчезновения Хазарского царства в IX веке применяли богослужение не по христианским, а древнееврейским, иудейским книгам, хотя сторонние источники факт принятия Хазарией иудаизма удостоверяют основательно. Если нет документов VI – VIII веков, значит и никакой письменности в Хазарии, в том числе и «русинской» не было в это время, так, что ли?

И когда каждый из участников дискуссии не кривя душой признает в конце – концов факт невозможности изобретения за короткий исторический период азбуки для народа, в языке которого, по крайней мере, на 40 % больше членораздельных звуков чем в древнегреческой «койле» (общевизантийском языке общения, в основе которого лежит греческий язык), ярым, но совестливым защитникам гипотезы о создании Кириллом глаголицы попросту придётся признать ошибочность таких своих представлений.

Но, если даже представители «ошибочных представлений» попытаются настаивать на истинности своего мнения, волей – неволей придётся их , что называется, прижать к стенке дополнительными аргументами глаголицы, напрямую указывающими на более древнее происхождение глаголицы:

1. В глаголице первый символ «Аз» имеет две формы: «Аз воздетый» с поднятыми боковыми крылышками, и «Аз опущенный» с опущенными крылышками. «Аз воздетый» пишется в середине слова, а «Аз опущенный» - в конце. Это объясняется тем, что первичное письмо было слитным, и в таком слитном письме «Аз опущенный», также как и символы «гласных овалов», твёрдого и мягкого знака несли значение «послеуказателя слова. В кириллице, как системе раздельного написания слов , двух символов звука «А» не требовалось, поэтому в ней был только один вариант.

2. В глаголице символ «Червь» несёт значение принадлежности рода аналогично символу «У» латиницы – Публий, Гораций, Вергилий. А вот в одной из скандинавских систем рун, называемых общим понятием «Футарк», присутствует символ «Вини» - в современном русском языке и термин «Черви» и термин «Вини» применяется в обозначении мастей карт. Карты применяются для гадания, а чурочки с написанными рунами «Футарка», как свидетельствуют письменные источники, также применялись для гадания (даже стопка карт называется в русском языке не иначе как «колода»). Для этого «колядки» складывались в белый платок, перемешивались, а затем по очереди, как «бочонки лото», показывались участникам , тем самым , определяя судьбу, жребий. То же самое происходит во время гадания на картах. Нетрудно представить, что и глаголические руны первоначально применялись в таком же значении, что и руны «Футарка», т.е. были «письменами язычников», а не христиан. Косвенным доказательством служит тот факт, что в польском языке «руна» означает «желобок», т.е. царпину, чёрточку, прорезь на чурке или другом материале. Само же слово - руна «глаголица», в отличие от слова – руны «рцы», означавшем высказывание, имеет семантическое значение «действие, святое таинство, священнодействие» и восходит к слову «глагол» - часть русской речи передающая действие.

Кроме того, символ «червь» в глаголических формах напоминает «крышу китайского дворца», а аварское и хазарское мировоззрение, в том числе и «первых болгар», строилось на культе «луны» и по принципам лунного календаря, позаимствованным из древней китайской традиции, привнесённой в «славянский мир» гуннами – выходцами из китайско – монгольских отрогов.

3. Символ 25 глаголицы в кириллице называется «хером», а в самой глаголице – «хеном», т.е. «ханом». Этот символ практически похож как на латинский символ «h», на символ сербохорватской кириллицы «дерьвь», на «перевёрнутый» русский символ «Ч», а также на стоячий фаллос. Но вот первичное фонетическое значение этого символа означает «придыхательное «КХГ». В то же время, хазарские и аварские военачальники называли себя «коганами» и «хаганами», точнее «КХГАНАМИ», т.е. ханами. А все русские цари вплоть до XIII века в своём обозначении применяли также слово «КОГАН». Не замечать этого , значит вводить себя в заблуждение относительно действительной природы первой русской азбуки глаголицы. А теперь открытым текстом - у евреев понятие «кохен - коген» обозначает священника, а Ефрон с Брокгаузом в своей энциклопедии об особенностях семитских языков сообщает весьма важное замечание : «Задолго до Рождества Христова составлены в сев. Хиджазе краткие арабские надписи, разобранные Галеви и Д. Мюллером и неудачно названные фамудскими (фамудиты-набатейцы писали по-арамейски); начертаны они зачаточным сабейским алфавитом; **присутствие** еврейского члена *ha* показывает, что писаны они народом, занимавшим середину между евреями и арабами, как исмаильтяне, мадианиты или даже эдомяне». От АДП также добавлю что и самаритяне и латиняне и русы имели этот знак : «ижицу У» - крюк, стержень, йилд (йилду, елду, ялду в русском произношении).

Но. Это вовсе не значит, что глаголица создана только евроруссами – в её участии весьма заметно как арабское, так и индо – сарматское влияние, например, первая столица Киевской Руси по одним правилам называлась «Киевом», а по другим – «Каябой». Как известно, Кирилл в своей азбуке, преподнесённой моравам, не применил знака «Б», потому что ни в византийском письме, ни в древнегреческом языке звука и буквы «Б» не было, они не были актуализированы данным «языковым сознанием». Нельзя никоим образом не учитывать и тот факт, что на протяжении почти 6 веков – с III по IX, между просочившимися с Крыма в Среднее Приднепровье русинами не было активных культурных связей с византийской метрополией. И поскольку русины были фактически отрезаны от метрополии, то за это время они не могли в силу их практического использования как «знающих людей» вынужденно не приспособить имевшуюся у них свою систему письма применительно к славянской речи, обозначив её как глаголицу. Потеряв связь с метрополией русины уже приблизительно к началу VII века образовали своеобразный «глаголический пояс», состоявший со средиземноморской Хорватии, Далмации, язычников Великой Моравии и Влахи, карпатских русинов – белых хорват и русинов среднего течения Днепра, частично смыкавшись с так называемой «Причерноморской Русью».

В то же время. Современные исследования митохондрической ДНК показали близкое родство индейцев Северной и Южной Америки с современными греками, указывая тем самым о том, что около 5 – 7 тысяч лет назад произошла миграция части населения с Восточного Средиземноморья на Аляску и далее. Путь этот самым бесспорным образом проходил через Северное Причерноморье. Несомненно и то, что на своём пути миграции часть мигрантов оседала, входила в контакт с автохтонным населением, давая тем самым начало формированию новых племён. Поэтому истоки первой русской письменности находятся в близком родстве как с финикийской, древнееврейской, критской-минойской, критско – микенской, так и с кипрской письменностью. Но актуализироваться только на теории «ашкенази», по крайней мере, бестактно. Глаголица – это русское обретение. Глаголица – это основа становления всей современной России, всего русского народа в современном понимании этого слова.

При этом надо иметь в виду самую банальную истину – многим, а точнее всего, всему остальному «оптимальному» миру крайне выгодно считать славян – русичей – русинов – русских «унтерменшами», «недоумками», тупоголовыми и кровожадными дикарями, которые «выбились в люди» благодаря «гуманитарной помощи» со стороны более высокоцивилизованной Европы. Им хочется, им нравится учить Россию как ей жить.

Не надо понапрасну тешить себя и остальных. Время всех и вся расставит по своим местам. Россия ещё хоть какому цивилизованному народу, как говорится, «накрутит хвоста». Надо ко всему происходящему в современном мире подходить по – философски.

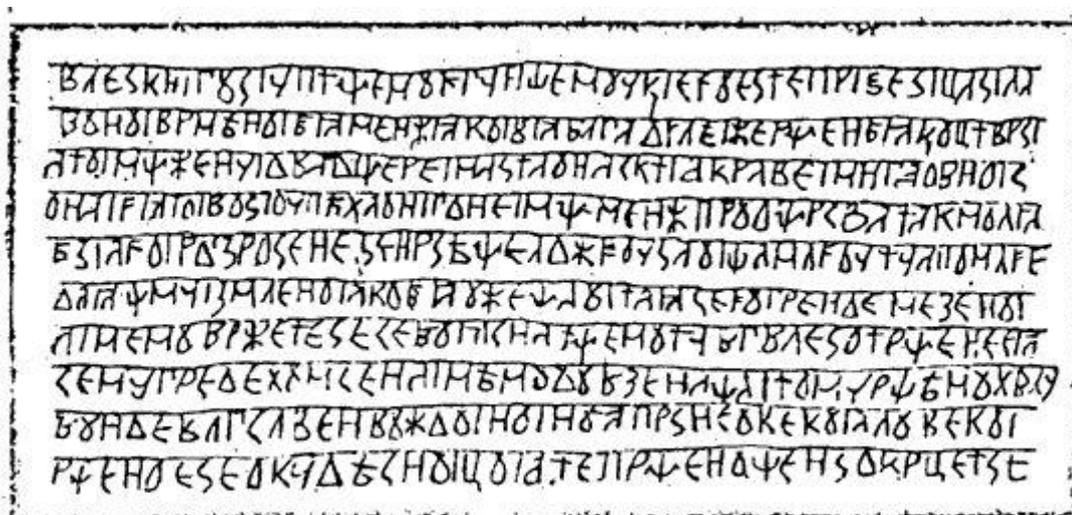
Надо научиться понимать Россию умом.

Надеюсь и в этом утверждении читатель вполне согласится с приведёнными доводами.

Утверждение 15. Глаголица – буквенное фонетическое письмо. В последнее время в Интернете и в печати появились публикации неких новоявленных «пророков», якобы полностью расшифровавших надписи, сделанные «славянскими рунами», в том числе так называемой Алёкановской надписи, Велесовой книги и пр.

Не верьте им. По самой простой причине. Если вы потрудитесь получить от них объяснения принципиальной разницы между двумя разными по стилю русскими азбуками, ни в одном из их «пророчеств» этого не будет, потому что они допускают в качестве более ранней азбуки именно кириллицу, т.е. графику, основанную на греческом унциальном уставе, созданную в 863 году Кириллом. Но ведь это не так. Уже неполное, рассмотрение «вскользь» в этом приложении помимофонетических значений глаголицы указывает на её большую внутреннюю понятийную насыщенность, тогда как кириллические символы несут только фонетическое значение.

Действительно, и об этом у меня имеется прямое доказательство не столько даже сходства, сколько одинаковости некоторых лингвистических символов глаголицы с тем же критским линейным письмом и хазарскими рунами. Но если критское письмо было логографическим, т.е. каждый его символ состоял из какого – либо слога, то перенесённые на «русско – хазарскую» почву эти «слоговые» символы творческим путём были преобразованы в символы отдельных членораздельных звуков.

Одна из «якобы расшифрованных» дощечек так называемой Велесовой книги.

(По самым скромным подсчётам лишь около 20 % являются символами двух русских азбук, при том, что слово «ВЛЕС» дважды встречается в данном источнике, символ «S» в одной строке может встречаться 5 раз, а в другой – ни разу, а вот символ «Н» является наиболее употребительным, хотя частотность этого символа в славянских языках является слабо выраженной).

Поэтому ни в одной из двух русских азбук «русские лингвистические символы» никогда не обозначали «слоговых сочетаний», в которых одновременно был бы и согласный звук и гласный (разумеется, за исключением «прямых йотированных дифтонгов, как устойчивых гласных звуко сочетаний»).

А вот так выглядит обнаруженная в Хорватии надпись, сделанная древней русской азбукой «округлой» глаголицей, причём её отличия от «классического шрифта», опубликованного в БСЭ, очень незначительные.

Кроме этого, руническим письмом является только глаголица, но все её руны носят логико – структурирующий характер, об этом, в частности, говорилось при обсуждении таких значений символов звукознаков как «О», «Ч», «Ижеи» и «Ижица». Само количество звуков – сорок и меры счёта «сорок» и «сорок сороков» указывают об такой

структурности. Глаголица была системообразующим средством письма, а то, что сейчас понимается под «чертами и резами», ясно и доказательно представил директор Института Археологии СССР Рыбаков, показав на конкретном примере их конкретно – бытовой характер, к глаголице не имеющий никакого отношения.

Поэтому у славян «черты и резы» «по Рыбакову» никогда не имели фонетического значения – это были доглаголические, грубые, сугубо счётные понятия, тогда как глаголические символы носят «руно – реликвический, сакральный», т.е. «общественно – социальный смысл». Фонетическое «однозвучное» значение глаголических рун для ведения военно – демократических записей было востребовано за очень короткий исторический срок – когда у славян раз за разом стали возникать государства, т.е. когда

А это образец «угловатой глаголицы», в которой, несмотря на её угловатость, сохранены все значимые элементы «округлой глаголицы». Эти элементы растянуты, но не удалены. Именно по этим элементам обе глаголицы являются друг для друга как разновидности «шрифта».

возникло непреодолимое обязательное условие фиксировать права отдельных лиц. Без наличия такого условия дружина славян была бы обычной бандой, а отличительной чертой банды является кратковременный исторический период её существования, прекращающийся в любом случае, когда между бандитами что – то, как – то не поделится. Ни один «крёстный отец» мафии (знатной семьи – фамилии, фема, клана, прайда, тейпа) в «дописьменных» обществах не переживал смены поколений. Письменность же позволяет устанавливать на основе «писаного права» длительное, многоколенное управление, в данном случае – династическую монархию, т.е. «наследуемую власть», когда руководителем и предводителем общества становился человек, по своим физическим, а порой и умственным кондициям часто и густо не подходящий под реально ощущаемые кондиции «вожака, вождя». В то же время письменность по всем правовым канонам формирует в таком обществе особую минимальную форму права в виде «бесправия».

Раз восточные славяне до девятого века были подданными Хазарского царства, а до этого подданными Аварского каганата, то в этом царстве и в этом каганате должна была система письма уже с момента возникновения царства. Прежде чем назначалась дань, по весне объезчики «описывали» данников, а осенью по этим записям дань взымали. Именно так, в частности, поступал русский князь Игорь, а когда его убили за «неправильные списки», такую же систему объездов предпринимала и его жена княгиня Ольга. Там где нет системы письма, нет цивилизации и нет городов (мист по-украински), потому что нет строго определённого места для представителя «наследуемой власти». Нет одного и того же места, куда следует приносить добытые трофеи. Вот местечки могут быть в догосударственных общностях, а городов – нет.

Вся суть вопроса в том, что русины никогда не были «бесправными», поскольку всегда были непосредственными участниками «правотворчества», умея писать и читать написанное.

Ларчик открывается просто: «славянские письмена» и «русские письмена» - это не синонимы. Что было хорошо для чешско – моравских и болгарских славян, не имело великого значения для русичей, живших в Хорватии, Валахии, в отрогах Карпат, на территории Киевской Руси и в Крыму.

Наконец, последнее. Русский язык, как и близкие к нему языки славян, отличается ото всех иных АКТУАЛИЗАЦИЕЙ двух рядов звуков – мягкого и твёрдого. И все «русские, славянские» звуки являются «чистыми», отшелушенными. В нашем языке существует 48 чистых звуков. А всего в мировых языках, в связи с ограниченными возможностями речевого аппарата человека, насчитывается 53 чистых членораздельных звука. Русский язык, таким образом, из общемировых «чистых звуков» не досчитывает лишь «Ч» мягкое», «Дз твёрдое», «Дз мягкое», «Дж (J) твёрдое и «Дж (J) мягкое». В свою очередь, звуки «Дз» и «Дж» образуют особую группу, в которую также входят звуки «Ц», т.е. «Тс» и «Ч», т.е. «Тш». По мнению автора приложения, данные звуки наиболее адекватно назвать «фигаризмами» от «фигаро – там, фигаро – здесь». Однако суть этого обстоятельства СТЯ ещё потребуется понять когда – то глубоко и основательно в ракурсе рассмотрения русского языка как общемирового языка будущего.

А теперь о сегодняшнем дне глаголицы. Люди, якобы расшифровавшие «славянские руны» - это не такие уж и пустопорожние люди, поскольку смогли найти дополнительный источник дохода в условиях «простодушия» остальных граждан. Мне только остаётся порадоваться за их находчивость и смекалку.

Заключительная часть.

Автору Приложения №1 никогда не нравились заключительные части. Общаешься, общаешься, практически начинаешь дружить с читателем или автором произведения, а тут раз – вынужденное прощание. И чтобы избежать такого ординарного прощания, автор предлагает в качестве перманентного продолжения общения самому читателю взять какой – либо учебник по русскому языку и попытаться в рамках своего собственного понимания сделать свои собственные заключения по поводу тех утверждений, которые он в них найдёт. Конечно же мне, как и другому нравоучителю, было бы весьма приятно огоршить человека, к примеру, что звукосочетания типа «жы – шы» должны писаться в русском языке именно через букву «Ь», а не через «И», поскольку в своей речи в данном случае мы применяем «чистые твёрдые звуки Ъ». Но я этого делать не буду. Каждый уважающий себя человек должен учиться собственной самостоятельности в умении правильно, непротиворечиво и логически обусловлено выстраивать в собственной голове эквивалентную окружающему миру «школу мысли», т.е. соответствующую модель адекватного мировосприятия.

И как только каждый из нас научится это делать, а главное - сделает, это будет значить, что с каждым таким разом одним дураком в России становится меньше.

И последнее, о чём обычно требуется рассказывать, завершая опус начинающим, незнакомым для всех автором. Меня зовут Стрельцов Иван Александрович. Родился 5 февраля 1957 года в г. Золотое Луганской области Украины. Моей первой учительницей русского языка является ныне Заслуженный учитель Украины, завуч средней школы №24 г. Попасная Луганской области Ковтун Валентина Фёдоровна. Судьба повернулась так, что у меня нет диплома, бумажки о высшем образовании, поэтому общественно полезный труд мой в основном был по большей мере физическим. Но еще 30 лет назад я полностью определился в количественном составе современного русского языка.

Наряду с данным приложением готовится к выпуску несколько других приложений, освещающих с моей личной точки зрения некоторые логически обусловленные события России в историческом и гуманитарном аспекте. Большого о себе пока ничего сказать не могу.

По своему образу жизни мне всегда приходится старательно избегать публичности. Опираясь только на себя, сам карабкался по жизни, несмотря на многочисленные трудности своего жития – «Эх, жытие ты мое, жытие». И никто не мог помочь в трудную минуту, поскольку никто не понимал, к чему я действительно стремился. Люди попросту смеялись над моим идеализмом. Поэтому и бороться за интеллектуальную собственность в области количественного состава членораздельных звуков русского языка не намерен, а стало быть - получать за это некие дивиденды, ибо настоящим собственником их был, есть и будет русский народ. Если государство в лице того же Пушкинского дома или Института Виноградова посчитают резонность моих представлений крайне важными в контексте последующего развития русского языка, я им без особых задержек передам все мои исследовательские сочинения.

Но я никого без моего позволения не прошу вмешиваться в мою тихую, скромную, бедную, размеренную жизнь. Время придёт, и то что уместно мне сообщить вам, будет обязательно сообщено. Счастья всем и благополучия.

Тем не менее, автор прекрасно понимает важность обсуждения высказанных в данном приложении мыслей, во многом не совпадающих с официальными точками зрения. Но у меня попросту нет средств на публичное общение, на публичную аргументацию, на выход к публике.

Поэтому в качестве коллектора общения автора и читателя, последнему предоставляется «жиденький канальчик» в виде электронного адреса.

Кроме того, автор Приложения №1 будет весьма рад тем людям, которые всячески проанализировав его, представят автору посредством электронной почты в письменной форме более «благозвучный» вариант одного из целых предложений либо целого абзаца. Просто – напросто, когда – то надо будет придать данному приложению №1 «ортодоксальный», т.е. «канонический вид».

Буду считать миссию приложения №1 практически выполненной, если его выводы станут доступными ныне живущим моим современникам, от которых во многом зависит принятие взвешенных решений, в том числе:

Ж. Алфёров, Е. Гинзбург, А.Воробьев, В. Янин, С. Мясников, Л.Вербицкая, В. Петрухин, А. Полонский, Л. Нецветаев, Е. Верещагин, А. Макаров, Л. Мутовкин, Л. Милев, Д. Пивоваров, И.Т.Иванов, Д. Жубринич, А. Карташов, А. Насонов, Э. Фролов, М.Волгин, А. Железный, Г. Кулаков, А. Умнов – Денисов, Н. Дубина, Б. Флоря, А. Полонский, Д. Иловайский, А. Кёстлер, Е. Евдокимов, М. Буданов, И. Данилевский, Р. Байбурова, Г. Ефимович, Г. Зеленко, Е. Голубинский, Д. Иловайский, А. Злыгастев, Я. Кеслер, С. Лесной, Л. Каганов, Р. Винокур, Л. Карпенко, А. Гудзь – Марков, Д.Вавилов .

Все эти фамилии мною взяты не с потолка, а после анализа их высказанных публично и в прессе мыслей, в которых, в частности, очень даже часто проскальзывают весьма рациональные элементы. А во-вторых, этим лицам, судя по эмоциональности их высказываний, крайне важно, не только какими качествами будут обладать последующие поколения русских людей, но и желание скультивировать будущие качества исходя из собственного образа жизни, поскольку каждый из них является своеобразным примером для подражания.

Адрес в Интернете моего электронного ящика: Strelzovia@ mail.ru.

Адрес в Интернете моего сайта: Strelzovia. Narod. Ru.

f